

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

А. Воейковича.

Апрѣль, 1826.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проза.	Стр.
Астрономія. (Изъ Шатобриана)	1.
Естественная Исторія	9.
Юность и старость земли	13.
Общее обозрѣніе вселенной	15.
Лара, пѣснь вторая. (Изъ Лорда Байрона)	19.
Сельскій праздникъ	40.
Кришика	43.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Апологи	49.
Отрывокъ изъ II пѣсни Виргиліевой Энеиды	50.
Сонетъ	55.
Подражаніе Жилберту	56.
Эклога I. (Изъ Виргилія)	58.
Утѣшителью-Другу	62.
Къ Полю	63.
Живлице рыбаковъ	64.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатаемо въ Военной Типографіи.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

Апрѣль, 1826.

ПРОЗА.

АСТРОНОМІЯ.

(Изъ Шапобріана.)

Въ Исторіи шверди небесной лжеудрецы ищущь доказательства древности міра и мнимыхъ погрѣшностей Св. Писанія. И шакъ *небеса, повѣствующія славу Всевышняго* всему роду человѣческому, *пъ языкъ коихъ помятенъ всѣмъ народамъ, (*)* не говоряшь ничего невѣрующему. Но, слава богу, не свѣшила небесныя безгласны, но безбожники лишены слуха.

Астрономія обязана происхожденіемъ своимъ временамъ паспырскимъ. Въ пуспыняхъ новаго шворенія первые обитатели земли, окруженные своими семействами и сподами, счастливые до глубины души, жили спокойно, и бесполезное предвѣдніе не нарушало ихъ благополучія. Оплешъ осеннихъ лищъ не напоминаль имъ о печеніи льшь, и паденіе лищъевъ увѣдомляло ихъ шолько о возвращеніи сшужи. Замѣшивъ, что окрешные холмы скормили

(*) Псаломъ 18, ст. 1 — 3.

уже шраву спадамъ, съ женами и дѣшми своимъ садилась они на повозки укрьшыя кожами, и проѣзжали лѣса, пока незнаемый какой-нибудь руческъ свѣжестію шѣни и красошою пышныхъ окружностей не пригласишь ихъ расположишься.

Проходя глухими лѣсами, безъ дорогъ, проходя берегами рѣкъ, невидавшихъ еще плавателей, они естественнo принуждены были избрать пушеводилемъ своимъ небо, и по печенію звѣздъ распознавать направленіе пуши своего. И проводники, и законодатели — звѣзды назначали имъ и сприжку овецъ, и дальнія переселенія: каждое семейство избрало пушеводилемъ своимъ особенное созвѣдіе. — Каждая звѣзда предводительствовала надъ своимъ спадомъ; и, по мѣрѣ того, какъ изучали они небо, открывали и новые законы онаго. Богъ любилъ показывать пуши солнечные жишелямъ кущей, и самое Баснословіе возвъщаетъ, что Аполлонъ низходилъ къ пасшырямъ.

Небольшіе столпы, сложенные изъ камня, служили воспоминаніемъ наблюдений. — Никогда пространнѣйшее владѣніе не имѣло просшѣйшей Историографіи. Тѣмъ же орудіемъ, коимъ продалбливалъ свирѣль, у того же жершвенника, гдѣ заклалъ имъ первенца спадъ, Пасшырь высткалъ на скаль свои безсмершныя откршыя, и вмѣстѣ съ шѣмъ возстановлял инуды другихъ свидшелей своей пасшусешкой Астрономіи: онъ обмѣнивался своими бышописаніями съ швердію небесною; и подобно, какъ записывалъ

звѣзды посреди своихъ снадъ, записывалъ и есада свои посреди звѣздъ. Солнце, въ пуши своемъ, отдыhalo уже подъ пастушескимъ кровомъ; Телець возвѣщалъ своимъ мычаніемъ о шествиі опца свѣша, и Овенъ ожидалъ его, дабы привѣшпшовашъ опъ имени своего Господина. На небъ явились дѣвы, младенцы, хлѣбные класы, земледѣльческія орудія и даже шпорожевая собака пастуха. Вся сфера небесная содѣлалась огромнымъ деревенскимъ домомъ, обитаемымъ Пастыремъ людей.

Прекрасные дни сіи изчезли: родъ человѣческій сохранилъ объ нихъ шолько нѣкоторыя преданія въ повѣствованіяхъ о золотомъ вѣкѣ, гдѣ смѣшивается царство звѣздъ съ владычествомъ снадъ. Индія обитаема и нынѣ, какъ Египешъ нѣкогда, Астрономами и Пастырями. Однако жъ, съ паденіемъ правовъ родилось раздѣленіе собственности, вшорая спепенъ Астрономіи. Но по случаю, довольно замѣчательному, люди наименѣ просвѣщенные, познали лучше сферу небесную; пастухъ съ береговъ Ганга не вадалъ въ шполь грубое заблужденіе, какъ философъ Аѳинскій. Можно бы сказать, что муза Астрономіи сохранила шайную склонность къ пастухамъ, первымъ своимъ обожаемымъ.

Въ продолженіе долговременныхъ пошрясеній, сопровождавшихъ паденіе Римской Имперіи, науки не имѣли другаго убѣжища кромѣ святилища Церкви, кошорую съ шоликою неблагодарношю осквер-

няють нынѣ (*); уцѣлѣвъ въ безмолвіи монастырей, онѣ
 обязаны спасеніемъ своимъ шѣмъ самымъ опшельникамъ,
 кошорыхъ, повидимому, презирають пеперь. Монахъ
 Баконъ, Епископъ Албертъ, Кардиналъ Куза (Cusae),
 воскресили шрудами своими Геній Евдокима, Тимо-
 хариса, Гиппарха и Пшоломея. Покровишельствую-
 мыя Папами, подававшими примѣры Государямъ,
 науки излестѣли, наконецъ, изъ священнаго пріюта,
 гдѣ Религія согрѣла ихъ подѣ крыломъ своимъ, и
 Астрономія рапрощрапяется всюду. Григорій XIII,
 исправляешъ Календарь; Коперникъ возстановляешъ
 систему міра; Тихо-Браге, на верху своей башни,
 напоминаешъ древнихъ Вавилонскихъ наблюдателей,
 и Кеплеръ опредѣляешъ образъ планетныхъ пушей.
 Но, Богъ уничижаешъ еще гордость человѣческую:
 шелескопъ обязанъ существованіемъ своимъ играю-
 щимъ дѣшамъ, а не изысканіямъ философіи. Галилей
 усовершеншвуешъ новоизобрѣшенное орудіе; и
 пуши неизмѣримыя сокращающяся: Геній человѣче-
 скій побѣждаешъ гордость неба, и свѣшила низ-
 пускающяся для измѣренія, повинуюсь своенравной
 его волѣ.

Толикія отккрытія, сопровождаемыя множешвомъ
 другихъ, приблизили человѣка къ святилищу при-
 роды; можно было предвидѣшь, что скоро проник-
 нешь онъ во внутренность ея; недоспавало только
 способа, могущаго облегчить умъ въ безмѣрныхъ
 изчисленіяхъ, подавляющихъ дѣшательность онаго, и

(*) Въ время Французской революціи.

скоро Декартъ дерзнулъ ошнести къ великому цѣлому всѣ естественные законы земнаго шара, и силою Генія, повелѣлъ Алгебрѣ соединиться съ Геометріей, подобно какъ слово соединяется съ мыслию. Невшону осталось только воспользоваться готовыми уже матеріалами, и онъ употребилъ ихъ съ искусствомъ великаго художника; изъ всѣхъ плановъ, на коихъ можно было возвысить зданіе міровъ, онъ выбралъ, можетъ быть, начертанный Богомъ. Разумъ постигъ порядокъ, удивлявшій взоры; златое мѣрило даемос и Гомеромъ и С. Писаніемъ верховному Властелину, были вручены ему; комета покорилась; планета привлекла планету чрезъ неизмѣримое пространство; море почувствовало давленіе двухъ огромныхъ кораблей, плывущихъ по его поверхности въ разстояніи многихъ тысячъ миль; отъ солнца до малѣйшаго атома, все вступило въ удивительнѣйшее равновѣсіе — одно только сердце человеческое не обрѣло его для себя во всей природѣ.

Кто бы помыслилъ, чѣмъ время, открывшее широкое множество новыхъ доказательствъ величія и премудрости Божіей, было вмѣстѣ эпохою еще вышшаго ослѣпленія людей? не пошому, чѣмъ Коперникъ, Тихо-Браге, Кеплеръ, Лейбницъ и Невшонъ содѣлались безбожниками, но ихъ послѣдователи, по какому-то пагубному заблужденію, возмечтали, что они заключаютъ Бога въ своихъ телескопахъ и респорсахъ; ибо видѣли въ нихъ иѣкопорые изъ

основныхъ веществъ, на коихъ верховная сила основала міры. Топшъ, кшо былъ свидѣтелемъ нашей революціи, кшо знаетъ, чшо ложному ученію обязаны мы почти за всѣ свои несчастія, не готовъ ли топшъ помыслишь, чшо человекъ близко уже былъ къ новой гибели, дерзнувъ вопрично вознесши руку къ плоду познанія? Разсуждая о первородной винѣ, не должны ли мы разсмащивашъ, какъ вещь досшойную уваженія, шо, чшо *угенне вѣки* пограничны были всегда съ *вѣками разрушенія*?

Сколь несчастень Аспрономъ, проспживающій ночи надъ наблюденіями въ звѣздахъ, и немогущій обрѣсти шамъ имени Божія! Какъ, въ шолико разнообразныхъ видахъ, въ шоликихъ измѣненіяхъ писменъ, уже ли не найдешся буквъ, досшашочныхъ для Его Имени? — Задача о Божествѣ уже ли не разрѣшаеця таинственными изложеніями шоликихъ свѣшилъ? уже ли споль блестящая Алгебра не служить къ опредѣленію Великаго *Непзвѣстнаго*?

Первое возраженіе лжемудрствія Аспрономовъ прошиву сисшемы Моисеевой почерпнушо изъ сферы небесной. — „Можешъ ли міръ, говоряшъ они, бышь шакимъ младенцемъ, когда къ одному составленію сферы должно предполагашъ миліоны годовъ?“

Аспрономія была одною изъ первыхъ наукъ, обратившихъ на себя вниманіе людей. Г. *Балли* доказываешъ, чшо Пашріархи до Ноя, считали уже Періодъ изъ 600 лѣтъ; годъ изъ 365 дней, 5 часовъ, 51 минушы и 36 секундъ; наконецъ, чшо они на-

именовали шесть дней міротворенія, согласуясь съ порядкомъ планетнымъ. (*). И такъ, если первобытныя племена были уже столь свѣдуши въ Исторіи Неба, то не заслуживаетъ ли вѣроятія то, что времени прошедшаго по Помощь было болѣе, нежели достаточно къ составленію нынѣшней Астрономической системы? Но вовсе не можно сказать ничего опредѣлительнаго къ совершенному раскрытію какой-либо науки. Между Коперникомъ и Невтономъ, Астрономія въ одно столѣтіе, сдѣлала несравненно большіе успѣхи, нежели прежде, въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ. Науки можно сравнивать со странами, кои пересѣкаются равнинами и горами: по первымъ идушь скоро, но приближившись къ подошвѣ послѣднихъ, сколько теряють времени прежде, нежели взберутся на вершину и спустятся съ оной? И такъ не должно заключать, что если Астрономія четыре тысячи лѣтъ была въ среднемъ своемъ возрастѣ, то въ младенчествѣ должна была оставаться тысячи вѣковъ; сіе противорѣчитъ всему доселѣ извѣстному объ Исторіи и шествиіи разума человѣческаго.

Второе возраженіе выводится изъ эпохъ Историческихъ, находящихся въ связи съ Астрономическими наблюденіями народовъ, особенно же Халдеевъ и Индѣйцовъ.

Касательно первыхъ, отвѣщаемъ: извѣстно уже, что 720 тысячъ лѣтъ, коими они щеславились,

(*) Bailly. Hist. del'Ast. anc.

вреврашились въ тысячу девятысотъ шри года (*); что же принадлежишь до наблюдений Индѣйцовъ, шпѣ изъ числа ихъ, кои основаны на произшествіяхъ, неподверженныхъ сомнѣнію, проспирающся не далѣе 3102 года до нашей Эры. Глубокая древность сія входитъ однако же въ извѣстные предѣлы: съ сей-по эпохи начинаютъ они четвершую свою *Году*; Г. *Балли* отвергая первыя шри, и соединяя ихъ съ четвершою, доказываетъ, что вся Хронологія Браминовъ (Brame) заключалась въ пространствѣ семидесяти вѣковъ, что совершенно согласуется съ Хронологіею 70 Толковниковъ. Онъ доказываетъ очевидно, что празднества Египтянъ, Халдѣевъ, Китайцовъ, Персовъ и Индѣйцовъ, соотвѣствуютъ съ совершенною точностію эпохамъ С. Писанія (**). Мы шѣмъ охотнѣе ссылаемся на Г. *Балли*, что сей ученый погибъ жертвою шѣхъ началъ, кои мы предприняли опровергать. Сказавъ, въ описаніи смерти Ипатіи, юной Аспрономки, умерщвленной жипелами Александріи, что *новѣйшіе сохраняютъ, по крайней мѣрѣ, жизнь, раздирая славу* — думалъ ли онъ, что будешь самъ жалкимъ доказательствомъ несправедливости своего заключенія, и что возобновишь Историю Ипатіи!

Впрочемъ, всѣ сіи бесполезныя изчисленія вѣковъ и поколѣній, обрѣшаемыя у многихъ народовъ, про-

(*) Таблицы сихъ наблюдений, составленныхъ въ Вавилонѣ до прибытія Александрова, были посланы Калисееномъ къ Аристоделу. — Baily.

(**) Bail. Ast. Ind. Discour préliminaire, par. II, pag. 126, etc.

испекли опъ одного, испочника — слабоси, при-
рожденной сердцу человеческому. Люди, чувствуя
внутри себя вѣчно безсмертное, какъ бы ушы-
жаются бѣдноти своего существованія; имъ ка-
жешся, что набрасывая гробы на гробы, возмогушь
сокрышь главнѣйшій недостатокъ природы своей —
крашкременность; и, что умножая ничтожество
ничтожествомъ, возмогушь составишь вѣчность.
Но они измѣняюшь сами себѣ, и сами же изобли-
чаюшь себя въ томъ, что желали ушайшь; ибо,
чѣмъ возвышеннѣе гробовая пирамида, тѣмъ ничтож-
нѣйшемъ покажешся живой ишукаецъ, поставленный
въ верху оныя: жизнь будешъ казашся еще меньшею,
когда, огромный призракъ смерти еще возвыситъ ее
въ своихъ объятіяхъ.

Б.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

(Изъ Шатобриана.)

П о т о п ъ.

Не нашедъ Астрономію достпашочною къ опроверже-
нію Хронологіи Св. Писанія (*), прибѣгнули къ Есте-

(*) Кошунство надъ Иисусомъ Навинномъ, повелѣвшимъ солнцу оста-
новишься; мы не считаемоь нужнымъ извѣщать нашихъ совре-
менниковъ, что *солнце не неподвижно*, хотя и *центръ*. Извиняюшь
Навина, говоря, что онъ сказалъ сіе языкомъ народа: столь же
вѣрно можно сказать, что онъ говорилъ, какъ Певсонъ. Желатющій
остановишь часы, остановишь не малѣйшее колесо, но главную
пружину, коюрой спокойствіе сообщенія немедленно и всей
системѣ.

спвенной Исторіи. Одни говорятъ намъ о нѣкошорыхъ извѣстныхъ эпохахъ, обновлявшихъ вселенную; другіе отвергаютъ подобныя происшествія, какъ на примѣръ, Всемирной Пошопъ. — „Дожди не что другое, какъ морскіе пары, говорятъ они;“ но и всѣхъ морей недостаточно бы было для зашопленія земли, до вышины сказуемой Св. Писаніемъ. Мы могли бы отвѣчать на сіе, что умсшвовашъ подобнымъ образомъ, значить отвергать то самое просвѣщеніе, коимъ споль щцеславяшся; ибо не доказывашъ ли новѣйшая Химія, что воздухъ можешъ бытъ прешворенъ въ воду; — какой же бы страшной пошопъ могъ произойти отъ того? Но, вставляя умсшвованія, дающія опщешъ уму, но не сердцу, скажемъ шолько, что дабы зашопили видимую часпъ земной поверхности, достаточно того, чтобы Океанъ выступилъ изъ береговъ, извлекая за собою воду изъ пучинъ своихъ. Впрочемъ, высокоумцы, проникнули ли и въ къ сокровищницы льдовъ, (*trésors de la grêle*) (*), и знаеше ли хранилища оной бездны, откуда Вседержитель извлекъ смерть въ день опщценія Своего?

Изъ подъяшыхъ ли мащовеніемъ Божіимъ морей изшелъ смущенный Океанъ, и зашопилъ землю, или, совравнивъ солнце съ пуши, Богъ повелѣлъ ему съ пагубными признаками взойти надъ полюсомъ — все равно; извѣстно шолько, что пошопъ ужаснѣйшій свирѣпствовалъ на земномъ шарѣ.

(*) Юва, гл. XXXVIII, ст. 22.

Въ то время родъ человѣческой былъ почти уничтоженъ; всѣ распри народовъ окончились; всѣ раздоры утихли. Цари, народы, войска враждовавшія — забыли кровавую ненависть, и пораженные ужасомъ, кинулись въ объятія одинъ къ другому. Храмы наполнились поклонниками, можешь бышь всю жизнь свою опшвергавшимися опъ Божества; но и Божество опшвергло ихъ въ чреду свою . . . Скоро извѣщаютъ ихъ, что цѣлой Океанъ уже у вратъ храма . . . щещно машери спасались съ дѣтьми своими на вершины горъ; щещно любовникъ искалъ безопасности для юной подруги своей въ той самой пещерѣ, которая служила убѣжищемъ ихъ удовольствіямъ; напрасно люди опшвергивали у опшрашенныхъ медвѣдей вершины дубовъ; даже птицы, гонимыя съ вѣтки на вѣтку безпрестанно прибывающею водою, бесполезно упомляли свои крылья надъ равниною безбрежнаго моря. Самое солнце сквозь влажныя тучи, освѣщающее одну всеобщую смерть, казалось багровымъ и пусклымъ, какъ бы огромный шрупъ, затопленный въ небесахъ. Огнедышущія горы погасли, извергая ужасный дымъ — и одна изъ чешырехъ стихій — огонь, погибла вмѣстѣ со свѣтомъ.

Вся земля покрылась тогда огромною мглою, издававшей смѣшенные вопли умирающихъ; и опшопленные влажною пымою опшашки живыхъ еще существъ, шигры и агницы, орлы и голуби, гады и насѣкомыя, мушнина и женщина — сбѣжались, всѣ вмѣстѣ, на высочайшую гору Глобуса, пока преслѣ-

дующій ихъ Океанъ, возвышая окрестъ свою грозную необозримоспъ, не покрылъ мершвымъ молчаніемъ послѣднюю почку земли.

Богъ, совершивъ опмщеніе свое, повелѣлъ морямъ паки возвратишься въ свои бездны; но, вмѣстѣ съ шѣмъ, благоизволилъ положишь на землѣ знаменія бывшаго гнѣва — оспашки слона, жителя Индіи, громоздяща въ странахъ Сибири, Магеллоновы раковины (Magellonіque) погреблись при пусяхъ Франціи; цѣлые слои морскихъ тѣлъ оспановились на вершинѣ Альповъ, Тавра и Кордильеровъ — даже самыя горы сіи суть памяшники, воздвигнушые Богомъ для ознаменованія побѣды своей надъ печесшными, какъ Государи спановяшь трофеи свои на полѣ брани, гдѣ низложили враговъ своихъ.

Зная, сколь легко забываетъ человекъ прешерпѣнныя нещасшя, Богъ размножилъ въ жилищѣ его памяшники Своего гнѣва: съ шѣхъ поръ упреннимъ и вечернимъ ложемъ солнца содѣлалась влажная спихія, въ кошорой кажется оно погасяющимъ всякой день, подобно какъ и во время Пошопы. Часшо небесныя облака уподобляюща бушующимъ волнамъ моря, пескамъ или бѣлющимся подводнымъ камнямъ. На землѣ — горы низвергли съ себя водопады; лунный свѣшь и бѣловашыя пары вечера часшо распрощраняюща въ долинахъ на подобіе волнующей воды; въ самыхъ бесплодныхъ мѣстахъ возрасли деревья, коихъ опвислыя вѣшви лѣниво нагибаясь къ землѣ, кажуща только-что изшедшими изъ воды;

морю ежедневно два раза повельно подыматься въ своємъ ложѣ, и зашоплять берега; горныя пещеры удержали глухой шумъ журчанія и жалобные звуки голосовъ; вершины деревьевъ представляюща волнующеюся водою, и Океанъ, казалось, оставил опголоски шума своего во глубинѣ лѣсовъ.

Б.

Юность и старость земли.

(Изъ Шатобриана.)

Наконецъ, разсмотримъ прешіе возраженіе: говоряшь, что „землю можно назвашь старой кормилицей, дряхлость копорой все доказываешь. — Посмотрите на окаменѣлости, на мраморъ, гранить, лаву; — и вы увидите примѣшы безчисленныхъ лѣшь ея по кругамъ, слоямъ и опраслямъ, какъ узнаюшь лѣша змѣи по погредушкѣ, лѣша лошади по зубамъ и лѣша оленя по рогамъ.“

Сія задача многократно была разрѣшена таковымъ отвѣшомъ: — *Богъ долженъ былъ создать, и безъ сомнѣнія создалъ Свѣтъ со всѣми усматриваемыми нами признаками Его дрешности.*

Въ самомъ дѣлѣ вѣрояшно, что Творецъ Природы создалъ вдругъ и огромные лѣса, и молодые кустарники; что жившныя родились, однѣ въ возрастѣ извѣстныхъ лѣшь, другія въ прелести младенчества. Величественные дубы возшедь изъ плодшворной почвы, безъ сомнѣнія поддерживали вдругъ густыми

вѣпвями своими и шарья гнѣздилища врановъ, и юныя семейства голубей. Червь, кукла и бабочка—насъкомое, ползало по зелени, повѣсило золотое яичко свое въ лѣсахъ, и шрепешало въ воздухъ. Пчела, не жившая еще одного дня, изчисляла уже амброзію свою по племенамъ цвѣтввъ. Должно полагаешь, что овца не была безъ своего ягненка, ласпочка безъ своихъ ппенцовъ, что роци скрывали уже удивленныхъ соловьевъ, воспѣвающихъ первыя свои пѣсни.

Ежели бы Свѣшъ не былъ вмѣстѣ и юнь, и дренъ — все возвышенное, все важное и нравственное исчезло бы въ Природѣ; ибо сіи ощущенія, по ещесшеству своему, относятся къ предметамъ древнимъ. Каждое положеніе мѣста потеряло бы свое чудесное; развалившаяся скала не висѣла бы надъ пропастью; лѣса, лишенные своихъ произшествій, не представляли бы поражающаго безпорядка. — Вдохновенныя мысли, священный шумъ, волшебныя звуки и благоговѣйный ужасъ лѣсовъ исчезли бы вмѣстѣ съ великолѣпными сводами, ихъ соединяющими, и равнины земли и неба были бы обнажены и разочарованы — упрашивъ сіи дубовыя сполпы, ихъ соединяющіе. Не станемъ сомнѣваться, чшобъ Океанъ, первый разъ касаясь береговъ своихъ, не обмывалъ — скаль уже съѣденныхъ волнами, прибрежныхъ оплогостей, устьянныхъ осколками раковинъ, и не обшескаль бы длинныя мысы, подпирающіе зыбкіе берега земли.

Лишенное, при созданіи, сего вида древности, твореніе Предвѣчнаго не имѣло бы ни прелести, ни величія; но, можешь ли бышь, чтобъ Природа невинная, не была столь прекрасна, какою видимъ мы ее нынѣ, по расплѣній ея? Немая младость произрастѣній, живошныхъ и стихій, осѣнила бы землю, неизмѣющую Поэзіи. Но, нѣтъ! Богъ лучше умѣлъ устроити сады Эдема, нежели думаютъ невѣрующіе. Человѣкъ-Царь созданъ былъ въ тридцать лѣтъ, дабы величіемъ своимъ соотвѣтствовашь древнему великолѣпію Своего новаго владычества; и Его Подруга, безъ сомнѣній, имѣла шестнадцать лѣтъ, которыхъ однако жъ не жила, дабы соотвѣтствовашь цвѣтамъ, пшницамъ и невинности — юнымъ часнямъ вселенныя.

В.

ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ ВСЕЛЕННОЙ.

(Изъ Шамобріана.)

Есть Богъ: быліе долины и горныя кедры — благословляютъ Его; настѣкомое жужжитъ ему хвалу; слонъ привѣтствуетъ Его на солнечномъ восходѣ; пшлица воспѣваетъ Его въ сѣни древесной, громы возвѣщаютъ о Его могуществѣ и Океанъ повѣдаетъ Его необъятность . . . одинъ человѣкъ говоритъ — нѣтъ Бога.

Конечно не случилось ему въ несчастіи обратити взоры свои на небо, и въ счастіи, преклонити ихъ

долу? Такъ ли далека отъ него природа, что не можешь ее наблюдать, или не почитаешь ли ее простымъ произведеніемъ случая? Какой же случай могъ повелѣть безчинной и мятежной матеріи устроиться въ столь совершенный порядокъ?

Можно бы сказать, что человекъ есть *явленная мысль Бога*; вселенная же *воображеніе Его, содѣланное осязательнымъ*. Тѣ, кои представляють красоту природы доказательствомъ существованія верховной силы, должны бы дать замѣнить нѣчто весьма распространяющее кругъ чудеснаго, а именно, что движеніе и покой, свѣтъ и тѣма, времена года и печеніе свѣтила, сушь, только по видимому, последовательны, и непреложны въ существенности. Картина скрывающаяся отъ насъ, является другому народу: не зрѣлице, но зрители перемѣняются. Богъ разумѣль соединилъ въ Своемъ твореніи продолжительность *постоянную*, и продолжительность *измѣняющуюся*; первая существуетъ во *времени*, вторая же въ *пространствѣ*. Посредствомъ первой, прелести природы сушь одинъ, безконечны и неизмѣняемы; посредствомъ второй — онѣ многосложны, конечны и возобновляемы; безъ одной — твореніе не имѣло бы величія; безъ другой же, лишено бы было разнообразія.

Такимъ образомъ, время покажется намъ совершенно въ другомъ соотношеніи; малѣйшая дробь его есть *совершенное цѣлое*, заключающее въ себѣ все, и измѣняющее въ себѣ всѣ вещи, отъ смерти

настькомаго, до образованія новаго міра; каждая ми-
 нуша, въ самой себѣ, естъ небольшая вѣчность.
 Соедините мысленно вмѣстѣ всѣ лучшія происше-
 ствія въ природѣ; представьте, что видите вдругъ
 всѣ часы дня, и всѣ времена года; весеннее и
 осеннее утро; ночь звѣздную и пасмурную; луга
 покрытые цвѣтами, лѣсъ обнаженный съ инеемъ и поля
 озлащенные жаввою; и вы получите вѣрную идею
 о зрѣлищѣ Вселенныя. Тогда, какъ удивляешесь вели-
 колѣпному солнцу, погружающемуся подъ сводами
 запада, другой наблюдашель зришь оное исходящимъ
 изъ обители Авроры: какимъ же непостижимымъ
 чудомъ сіе упомянутое свѣсило, засыпающее въ пы-
 лающемъ прахѣ вечера, естъ одно и тоже юное
 солнце, которое, въ сію же минушу, пробуждается
 омовенное росю, въ бѣляющихъ покровахъ утра?
 Въ каждую минушу суточного времени солнце вос-
 ходишь, плаешь на своемъ зенищѣ, и закатаешся
 за землю. Лучше сказашь: чувства обольцають
 насъ — нѣтъ ни востока, ни полудня, ни запада.
 Все соединяешся въ одну опредѣленную точку,
 съ которой свѣсило дня оказываешся при свѣта,
 въ одномъ и томъ же существѣ. Сіе происшедшее
 сіяніе заключаешь, бышь можешь, въ себѣ то, что
 естъ самаго лучшаго въ природѣ; ибо подавая мысль
 о всегдашнемъ великолѣпнн и вездѣсущн Божіемъ,
 оно показываешь вмѣстѣ блистательный образъ Его
 преславныя Троицы.

Поспигающъ ли, каково бы было явленіе природы, если бъ она оставлена была на произволь движенія матеріи? облака, повинувась закону тяжести, опвѣсно упали бы на землю, или скопились пирамидально въ воздухъ; атмосфера была бы по слишкомъ сгущена, по разрѣжена для органовъ движенія; луна, по приближаясь, по убѣгая — или скрывалась, или являлась бы въ кровавомъ цвѣтѣ своемъ съ огромными пятнами; и занимала бы неизмѣримымъ кругомъ своимъ все видимое нами пространство неба. Какъ бы одержимая неистовствомъ, она устремлялась бы опъ зашмѣнія къ зашмѣнію; или, вращаясь съ одного края на другой, открыла бы шу сторону свою, кошорой не видала еще земля. Звѣзды казались бы пораженными шѣмъ же круженіемъ. все было бы продолженіемъ послѣдовапельнымъ спрашныхъ встрѣчь; внезапно льпній знакъ неба наспигнушъ бы былъ зимнимъ; Аркшуръ сопровождалъ бы седмизвѣздіе, и Левъ рыкалъ близъ Водолея. Тамъ звѣзды лепали бы по небесному пространству съ быспрошою молніи, а здѣсь — висѣли бы неподвижно. Иногда, собираясь вмѣстѣ, онѣ образовали бы новый Млечный пущь, пошомъ разсыпаясь, и раздирая покровъ неба, по выраженію Тершуліана, давали бы намъ замѣпшъ бездны вѣчности.

Но подобныя явленія не ушрашашъ людей до самаго шого дня, когда Богъ, оставляя броды

вселенныя, симъ самымъ не обратишь ее въ ничто-
жесство.

Б — *ий.*

Л А Р А.

(Изъ Лорда Байрона)

Письмъ вторая.

I.

Ночь улепашень, заря разгоняешь шуманы, вън-
чающіе главы горъ, и разсвѣшь пробуждаешь все-
ленную; еще одинъ день прибавленъ ко днямъ че-
ловѣка, кошорый, мало по малу, приближается къ
послѣднему. Но природа споль же могуща и юна,
какъ была въ день созданія, солнце на небѣ, а жизнь
на землѣ; цвѣшы украшають долину, свѣшило дня
лучезарно; вѣшерокъ вѣешь здоровьемъ, ручьи раз-
носяшь прохладу.

Безсмершнй чловѣкъ! дивись красотамъ при-
роды и въ сердечномъ воспоргѣ говори: „все мое!“
дивись, пока прельщеннымъ очамъ швоимъ дозволено
ихъ видѣшь; скоро наспанешъ день, въ кошорый
шы перестанешъ ими радовашься.

Какъ ни мрачна горесшь, шоскующая на шихой
швоей могилѣ, небо и земля ни одною слезою не
почшыашъ швой пепель; ни одно облако не пошем-

лѣешь, ни одинъ листъ не завиешь преждевременно, никакой въперокъ не вздохнешь по тебѣ; но черви поползуть по своему шруцу, который предназначенъ для удобренія земли.

II.

Заря ошѣла, солнце совершило полдороги; Рыцари собрались въ замокъ *Отонъ*; насталь часъ, въ который должна померкнущь, или возсіяшь, добрая слава *Лары*. *Эцелинь* повторишь свое обвиненіе, и предшавишь испину въ нагошѣ ся; онъ далъ слово. *Лара* обѣщаль выслушашь его предъ лицомъ неба и человѣковъ. За чѣмъ же *Эцелинь* не являешся? Чпо можешъ удержашь его? Такой важный доноситель долженъ бы бышь поспѣшише.

III.

Урочный часъ прошелъ: вѣрный слову своему *Лара* давно уже дожидается. На его лицѣ видна спокойная увѣренность и холоднокровное перпѣніе. За чѣмъ не являешся *Эцелинь*? Слышашъ ропотъ; *Отонъ* насупился. „Я знаю своего друга, вскричалъ онъ; увѣренъ, что онъ не нарушишь своего слова; подождемъ еще; если онъ живъ, то вѣрно предшанешъ здѣсь. Онъ ночеваль въ замкѣ, лежащемъ между моимъ помѣстьемъ и благороднаго *Лары*. Я приглашаль его сдѣлать мнѣ честь переночевать въ моемъ замкѣ: онъ не согласился; ему нужно было опшискать между своими бумагами улики и пригошовишься къ нынѣшнему дню. Я былъ за него поручишелемъ — и шенерь за него отвѣчаю; и даже,

въ случаѣ надобности, берусь омышь пятно съ Рыцарской его чеспи.“ — Онъ умолкъ; *Лара* отвѣчала ему: я прибылъ сюда по своему желанію; готовъ выслушать хитрѣя сплетни коварнаго чужеземца, котораго слова могли бы оскорбить мое сердце, еслибъ я не презиралъ его, какъ безумца, или какъ подлаго врага. Я его не знаю. . . . онъ, по видимому, зналъ меня въ спранахъ опдаленныхъ но за чѣмъ шеряшь время въ пусныхъ разговорахъ? Представь допощка, или защищай мечемъ поруганную чеспь его!“

Лице *Отона* побагровѣло опъ гнѣва: онъ бросилъ перчашку и обнажилъ мечъ. „Славно! вскричалъ онъ, я выбираю послѣднее, я дерусь за своего ошеушсвующаго госпя!“ Эпо ни мало не встревожило *Лари*; угрюмость на челѣ и блѣдность на щекахъ его оспались по прежнему: онъ твердо рѣшилъ погибнуть, или умершвишь *Отона*. Въ однихъ очахъ его сверкаешъ бѣшенство, незнающее пощады. Онъ выхватилъ саблю изъ ноженъ; ловкось, съ кошорою онъ владѣешъ ею, показывасшь, что она не въ первый разъ сверкаешъ въ рукѣ его. Тщешно Рыцари шѣсняшся, желая развесшь ихъ; бѣшенство *Отона* глухо, онъ осыпаетъ *Лару* оскорбленіями и ругашельствами, и кричитъ ему, что добрый мечъ его можешъ омышь ихъ.

IV.

Бой не замедлился: ослабленный яростью *Отонъ* самъ подставилъ грудь острю соперника: раненъ

и упалъ. Но ловкая рука *Лары* не смертельно его поранила: „проси жизни!“ вопіеть ему *Лара* . . . *Отонъ* не ошвѣчаетъ. Всѣ полагали, что насшалъ мигъ, въ кошорый онъ не вспанеть съ земли окровавленной. Въ бѣшенствѣ, въ изступленіи, чело *Лары* сдѣлалось почти чернымъ. Онъ, съ большею люто-стію, нежели во время бишвы, взмахнулъ убійствен- ный мечъ и направилъ его прямо въ сердце *Отонова*. Защищая себя, онъ сохранялъ хладнокровіе: теперь ничшо не мѣшало ему излишь всю свою ненависть. Рѣшаеь умершвишь своего соперника, онъ бросился на него столь спремшельно, что могъ изранишь шѣхъ, кои удержали его мещинельную руку. Рыцари воскликнули: пощада! *Лара* опомнился. Онъ ошановиль мечъ свой на взмахъ; но взоръ его ушпремленъ на лежащаго Рыцаря; мнишь, будто онъ жалѣеть о томъ, что ошавляетъ жизнь врагу своему; мнишь, будто онъ измѣряеть, какъ близко къ могилѣ удары его посшавили его жершву.

V.

Подъемлють омышаго кровію *Оточа*; врачъ за- прещааетъ ему говорить. Рыцари, свидѣтели спраш- наго единоборешва, уходзшь въ другую комнату; а *Лара*, бшовникъ распри, удаляетъ съ грознымъ и презришельнымъ видомъ, какъ шоржешшовашель. Не оглядываясь, поскакаль онъ обратно въ свой замокъ.

VI.

Куда же сокрылся сей почный призракъ ошъ лучей солнца? Гдѣ находился сей *Эцелиць*, явившійся

на одно мгновение и неоставившій по себѣ никакого слѣда? Онъ оставилъ замокъ *Отона* за-долго до разсвѣта; ночь была темная; но дорога такъ ему знакома, что не возможно заблудиться. Его жилище не далеко: его не нашли шамъ; на другой день спали спрашивашъ въ сосѣдственныхъ деревняхъ — и ничего не узнали. Его поспеля не измята, осиротѣлый конь споишь въ спойлѣ; его хозяинъ испугался, друзья опечалились и роптали; оспорожно и рачительно обыскали они окрестности дороги, боясь открыть слѣды разбойниковъ. Напрасно! земля не окровавлена; на кушарникахъ нѣтъ клочковъ его одежды; шрава не измята; нигдѣ не напечашлѣлись кровавые перешы изнемогшей руки, кошорая въ смершныхъ судорогахъ ушояешъ ярость свою надъ нѣжнымъ дерномъ. Не обнаружилось сихъ признаковъ совершеннаго здѣсь убійства. Осшалась одна надежда — и та, весьма сомнительная. Подозрѣнїе шепотомъ произношишь имя *Лары*; заочно дѣлаешъ о немъ худые шолки; но едва онъ появишя — все умолкаешъ, всѣ ждушъ, чтообъ онъ удалился — и шогда опашъ начинаюшь дѣлашь о немъ догадки, чернишь его имя и выводишь самыя невыгодныя заключенїя.

УП.

Бѣгушь дни за днями; раны *Отона* зажили; но гордосшь шочишь его сердце; онъ не скрываетъ своей ненависти. Онъ былъ могушїй владѣлецъ,

врагъ *Лары* и другъ со всѣми сосѣдями, кои пылали желаніемъ вредишь ему.

Отонь принесть жалобу въ окружномъ судѣ — и догогался принудишь *Лару* ошвѣстшвовашь за *Эцелина*.

Кого, кромѣ *Лары*, шягошило его присушествіе? Кшо, кромѣ челоуѣка, коему слова *Эцелина* могли повредишь, имѣль надобношть удалишь его? Народные шолки спановяшся громче, шайна пріашна шолпѣ любопышной. Какъ можешь *Лара* бышь ешоль равнодушень, даже не ошкрышься ни одному пріапелю? Гдѣ привыкла душа его къ кровожадности? Онъ не былъ на войнѣ: гдѣ же рука его научилась владѣшь мечемъ съ шакою ловкостію, съ шакимъ проворшвомъ? Ошкуда въ сердцѣ его шакое звѣрешво? Ибо эшо не мгновенное дѣйшвіе слѣпой вспылчивости, кошорую одно слово воспламеняешь — и одно слово пошущаешь; эшо глубокое чувство души, раззнакомившейся съ жалостію; души, кошорая привыкнувъ къ самовласшію и къ успѣхамъ, сдѣлалась безчелоуѣчною.

Такіе рассказы и природная склонношть людей къ злословію собрали надѣ головою *Лары* грозную шучу. Она разразилась. Ему объявленъ приговоръ Судилища, коимъ на него возложена ошвѣстшвенношть за голову *Эцелина*, кошорый и живой, и мершвый, его преслѣдовалъ.

VIII.

Хитрый *Лара* давно эшо предвидѣль — и гошопилса опразишь силу силою. Сосѣдственныя помѣщики живучи безоплучно въ своихъ замкахъ и сами занимаюсь хозяйствомъ, нерѣдко ошыгощали своихъ васалловъ рабошою; между шѣмъ, какъ въ опсущствіе *Лары*, его подвласныя не плашили ему никакой подаши. Эшо увеличило въ нихъ заочную къ нему привязанность. Возвращаясь въ опечештво, *Лара* поддерживалъ въ нихъ сіе чувство пошворствомъ и щедростью. Старые служители опца его сохраняли къ нему наслѣдственную привязанность; не за себя, а за него они боялися. Сначала, они обвиняли его, въ послѣдствіи, спали сожалѣшь о немъ. Его безсонныя ночи и молчаливую угрюмость приписывали они болѣзни, въ немъ усилившейся. Хошя одинокій образъ жизни его былъ печалень, но его привѣшливость ихъ плѣняла; несчастныя не выходили опъ него неушѣщенными; опноспительно къ нимъ, сердце его не было чуждо соспранданію. Холодный съ знашными и гордый съ спѣсивыми, онъ ласково обращался съ низшими. Опъ мало говорилъ, но безпріюшныя находили ночлегъ подъ его кровлею, беспомощныя помощь, неоправленную укоризнами. Число васалловъ его примѣшно умножалось. Послѣ приключенія съ *Эцелиномъ*, *Лара* сдѣлался еще привѣшливѣе, щедрѣе, гостепрімнѣе. Можешь бышь, чшо послѣ бшшвы съ *Отономъ*, онъ уже боялся преслѣдованія враговъ своихъ. Какъ бы

шо ни было; но сосѣдственныя помѣщики его любили, а собственные васаллы почти обожали. Онъ укрывалъ бѣглыхъ, раздувалъ ненависть къ врагамъ своимъ въ сердцахъ людсѣй имъ подвластныхъ, увѣрялъ, что гошовъ быль ихъ мспишелемъ.

Между тѣмъ *Отонъ*, увѣренный въ неизбѣжности своего мщенія, послалъ глашатая къ мнимому преступнику. Сей нашелъ *Лару* въ его замкѣ, окруженнаго тысячею исправно вооруженныхъ воиновъ, гошовыхъ умереть за своего добраго владѣльца.

Коварство умѣешь набрать нолпу подъ знамена злодѣйсва и пригошовишь обильный пиръ жаднымъ волкамъ и червямъ могильнымъ.

IX.

Оплученный непосижиною судьбою онъ всего близкаго ему по роду и воспитанію, *Лара*, съ самой бѣдсвенной ночи, въ кошорую пропалъ *Эцельмъ*, пригошовлялъ средства мужесвенно прошивоешашъ грозному будущему.

Причины, кошорыя засшавляли его ненавидѣшь, розыски и распросы о дѣніяхъ его въ продолженіи долгодѣшнаго странсшвія, никому не были извѣсны.

Увлекши сосѣдей своихъ въ поспороннюю для нихъ распрю, онъ опсрочивалъ на нѣсколько времени свою погибель. Собышя, грозившя разрушишь его печальный пріюмъ, разбудили его, и гроза, кошорая опушошовивъ его сердце, зашихла - было, снова загремѣла. Въ опшчизнѣ опкрылась для него

ша же дорога, по кошорой шелъ онъ въ справахъ чуждыхъ. Онъ мало забоиися о жизни и славъ; но не менѣе гошовъ былъ къ самымъ опчаяннымъ предпріятіямъ. Возвратясь въ шикое свое уединеніе, *Лара* искалъ въ немъ покоя и забвенія; но судьба и здѣсь его преслѣдовала, и онъ разсвирѣпѣлъ, какъ люшый звѣрь, привыкшій къ нападеніямъ охощниковъ и гошовый на нихъ бросишься. Его нельзя было уловишь въ сѣщи; онъ не сдался бы живой. Молчаливый, одичавшій, не щеславный, онъ оспался бы спокойнымъ зришелемъ на театрѣ міра; враждебная судьба вызвала его самого на сцену и онъ вышелъ на нее какъ опытный воинъ. Его голосъ, его осанка, его поступъ — показывающъ природную люшость, и взоры — знашока въ искусствѣ рашномъ.

X.

Описывашъ ли мнѣ битвы, кошорыя всегда оканчивающеш торжешствомъ смерти и пиромъ коршунновъ; непостоянное счастье, перебѣгающее то на шу сторону, то на другую, побѣждающую силу и побѣжденное безешіе, дымящіяся развалины и упавшія башви?

Сія новая война была подобна старымъ, съ шую разницею, что здѣсь, спущенныя съ цѣпей спрасши заглушили голосъ совѣши. Никто не просилъ пощады; никто не чувешвовалъ жалосши. Пльниныхъ рѣзали на полѣ битвы. Обѣ сражающіяся стороны остервѣнились. Грабежъ, нищеша и голодь опу-

ешошали цѣлыя обласши; пожары пожирали города и села, и кровь лилася.

XI.

Сначала, неистовая рать *Лары* одержала поверхность; но не привыкнувъ къ повповенію, его ратники бросались на враговъ несстройными толпами. Жажда грабежа и крови завлекла ихъ къ погибели. Напрасно *Лара* испощалъ все дарованія искуснаго Полководца для возстановленія порядка: рука, воспалившая огонь, безсильна была потушить его. Благоразумныя мѣры непріятеля остановляли на каждомъ шагу и доказывали необузданной толпѣ гибельное ея безуміе. Пришворный опсешупъ, ночная засада, неудачный нашискъ, непріяшное сраженіе, долгое лишеніе нужныхъ пособій, лагерь въ сырую погоду, крѣпкія ограды, бесполезно изнуравшія ихъ силы: вошь чего *Лара* не могъ ни ошврашить, ни предвидѣшь!

Будучи опрѣзанъ опъ своихъ пособій, потерявъ храбрѣйшихъ, ошавшись съ малымъ числомъ недовольныхъ и унывшихъ ратниковъ, *Лара* былъ швердъ. Онъ ободрилъ своихъ шоварищей и рѣшился на опчаянное предпріяштіе обойти шѣснинами враждебное войско.

XII.

Уже онъ выступилъ въ походъ. Благопріяшешствующая ему луна освѣщаетъ непроходимыя ущелины и мракъ ночи. Уже передовая шсража его видитьшихій ошблескъ ея лучей въ рѣкъ, ошдѣляющей ихъ

родину опъ земли чуждой; уже различають они
вдали но ша ли рѣка эпо? Берегъ ея покрышь
непріятелями. Предась ли бѣгшву? Возвращись
ли прежнею дорогою? Чье знамя впереди развѣ-
вается? *Отново!* его мечъ блещеть надъ ихъ го-
ловами! Не паспухи ли расклали огни на ближнихъ
высохахъ? Увы! они горятъ слишкомъ ярко: нѣтъ
средства къ спасенію! Усталые, лишенные надежды,
они рѣшились врѣзаться въ шолпу враговъ своихъ —
и дорого продашь побѣду!

XIII.

Они остановились для минушнаго ошдыха. На-
пасъ ли имъ, или ожидашь на себя непріятеля?
Если они ударяшь на войско, распянутое вдоль
рѣки, для воспрепятствованія ихъ переправѣ: то,
можешь бышь, нѣсколькимъ храбрецамъ удастся
сломить ряды непріятельскіе и спасшися. „Уда-
римъ! воскликнули они; однимъ прусамъ прилично
ожидашь на себя нападенія.“ Мечи обнажены, по-
водья подобраны. Еще слово — и закипшъ бшва.
Для многихъ сіе слово *Лары* будетъ предшечю
смерти.

XIV.

Онъ вынулъ мечъ изъ ноженъ; на лицѣ его видно
не опчаяніе, но хладнокровіе слишкомъ спокойное:
въ такія ужасныя минушы оно не прилично вождю,
кошораго прогають бѣдствія чловѣчества.

Онъ обращаетъ взоръ на *Каледа*, кошорый не
знаетъ страха, вблизи своего господина. Можешь

бышь, шусклое сіяніе луны, а не боязнѣ разливаешь задумчивую блѣдность по лицу его: знакъ его безпредѣльной преданности. *Лара* это замѣчаешь и кладешь свою руку на его; она не дрожала. Уста его безмолвствовали, сердце чуть-чуть билось, одинъ глаза говорили: „мы никогда не разстанемся. Твое войско можешь бышь разбино; твои приверженцы могушь тебя оставишь. Я, могу сказашь жизни: прости! но никогда *Ларь*."

Знакъ поданъ — и малочисленная дружина шѣсно сомкнувъ свои ряды, ударила на непріятеля, раздѣленнаго на нѣсколько опрядовъ. Конь повицуется шпорамъ, мечи заблещали и скрестилися. Одна сторона превосходитъ числомъ; но храбрость равна: опчаяніе борется съ дерзостью, оборона длится. Кровь льется въ рѣку и ея струи сохранили багровый цвѣтъ до самаго ушра.

XV.

Раздавая повелѣнія, ободря своихъ собственнымъ примѣромъ, повсюду, гдѣ напикъ враговъ сильнѣе, гдѣ его шоварищи изнемогаюшь, *Лара* вопіешь громкимъ голосомъ, разишь рукою, и не пишая никакой надежды, умѣешь оживишь ее въ сердцахъ оробѣлыхъ. Зная, что нѣтъ спасенія въ бѣгшвѣ, никто не предаешь бѣгшву. Тѣ, кои сначала опшупали, повернулись и бросились въ пылъ бишвы, шуда, гдѣ взоры и удары ихъ предводишеля вселяюшь шрепешъ въ побѣдишелей. То окруженный шоварищами, шо одинъ, онъ — или разрываешь ряды полковъ *Ото-*

новыѣхъ, или воспановляешь порядокъ между своими: онъ шамъ, гдѣ опаснѣе. Врагъ дрогнулъ минуша благопріятна *Лара* занесъ руку и бросился опъ чего голова его, перьями украшенная, вдругъ на плечо скапнулась? Онъ раненъ въ грудь. Его послѣдній взмахъ былъ ему гибеленъ, онъ ошкрылъ сердце — и смерть опустила его грозную руку. Слово *побѣда* замерло на устахъ *Лары*. Какъ жажко виситъ воиншвенная десница его! она держитъ еще мечъ, но шуйца опустила брозды.

Каледъ схватилъ коня его за поводъ. Ослабѣвъ опъ ранъ, вися на спременахъ сѣдла почти безжизненный, *Лара* не замѣшилъ, что ошчаянный *Нажъ* увлекалъ его далеско опъ поля сраженія. Между шѣмъ его солдасы разитъ и поражающъ; новыя груды шруповъ набросаны на прежнія.

XVI.

Солнце освѣшило умершихъ и умирающихъ, изломанные лашы и изрубленные шлемы. Конь палъ вблизи опъ своего всадника. Подпруги сѣдла лопнули опъ усилій послѣдняго вздоха. Не далеско опъ него пренещешь ошашкомъ жизни нога, подспрѣкавшая его шнорою, и рука, управлявшая его броздами.

Раненые, помяціеса воины думаютъ, что они на берегу рѣки, кошорой воды, какъ будшо бы умышленно ошказывающеса ушолитъ жажду, шерзающую человѣка, умирающаго смертью храбрыхъ. Тщесно горяція уста ихъ молятъ одной капли, шолько од-

ной капли для ушоленія смершной жажды. Съ судорожными движеніями пресмыкающся они по окровавленному дерну. При семь усиліи, спрадальцы испощающъ послѣдки жизни; но желанная влага передъ ними. Они наклоняющся, вдыхающъ прохладу, грудь ихъ освѣжаешся, уста касающся воды что ихъ остановило? . . . Уже внутренность ихъ не сграешъ это было смершное шомленіе . . . ихъ жажда ушолена!

XVII.

Подъ отдаленною опъ сей кровавой сцены липюу, лежалъ воинъ, едва переводившій дыханіе и смертельно раненый, въ сей упорной битвѣ, кошорой одинъ онъ былъ виновникомъ. Это *Лара*: жизнь его постепенно угасала. *Каледъ*, всегдашній его спешникъ, шеперь единственншй свидѣтель послѣдняго часа его, стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ. Глаза его вперены на широко распоронную грудь *Лары*. Перевязывая своимъ шарфомъ рану, онъ спараешся унять кровь, кошорая льешся ручьемъ, и при каждомъ судорожномъ усиліи дѣлаешся черною. Скоро, по мѣрѣ, какъ его дыханіе спановишся рѣже, кровь унимаешся, и уже капля за каплею испекаешъ изъ запекшейся раны. *Лара* едва можетъ говорить и даешъ знакъ, что всякая помощь бесполезна. Мучась, онъ пожимаешъ руку, кошорая ищешъ ушолить боль его, и горестною улыбкою благодаришъ скорбящаго Пажа. *Каледъ* ничего не боишся, ничего не чувствуешъ; онъ видишъ шолько голову, лежащую

на его колѣнахъ и блѣдное лице, коего померкнувшія очи были для него лучезарными свѣтилами, освѣщавшими ему жизненный путь.

XVIII.

Побѣдители, напрасно проискавъ его на полѣ бишвы, наконецъ нашли его. Побѣда ни мало бы ихъ не порадовала, если бы сей вождь въ живыхъ оспался. Они хошѣли-было унести его въ свой лагерь; но видяшь, что напрасна шакая предосторожность. Онъ сморитъ на нихъ съ презрительнымъ равнодушіемъ, и какъ будто мирится съ смерпью, кошорая испоргаетъ его изъ рукъ мщенія. Прискакалъ *Отонъ* и, спрыгнувъ съ коня, озираетъ врага, кошорый нѣкогда пролилъ кровь его. Онъ спрашиваетъ: опасна ли рана? *Лара* не даетъ отвѣта, и какъ будто бы не узнавъ его, едва удостоиваетъ его взгляда и отворачивается. Если и слышали послѣднія слова его, то никто ихъ не выразумѣлъ. Гробовымъ голосомъ произносилъ онъ чуждые звуки: съ ними связаны для него чудныя воспоминанія; онъ говорилъ о своихъ приключеніяхъ подъ другимъ небомъ; но о какихъ приключеніяхъ?.. Одному *Каледу* это извѣстно; одинъ *Каледъ* понимаетъ языкъ его и шепотомъ ему отвѣщиваетъ, между шѣмъ, какъ ихъ враги слушающъ ихъ съ безмолвнымъ удивленіемъ. Въ послѣднія минушы, сѣи два человекъ позабыли, кажется, настоящее, переселились въ прошедшее, и бесѣдовали о соеди-

нившей ихъ своенравной судьбѣ, въ таинство коей ни чье око не проникнуло.

XIX.

Хотя слабымъ голосомъ, однако же долго они разговаривали. Слушая Пажа, можно было вообразить, что его смерть ближе *Ларикой*; такъ прерывчато исходили слова изъ дрожащихъ и посинѣлыхъ устъ его; голосъ же его господина, хотя слабый, до самаго того мгновенія, какъ прощальный спонь въспиль его смерть, былъ чистъ и ясенъ.

На его лицѣ не замѣтно никакой переменны; помясь къ смерти, онъ съ нежностью взглянулъ на *Каледу*, и когда сей замолчалъ, то *Лара* указалъ ему перстомъ на Воспокъ: утренняя ли свѣтъ солнца, разогнавшій туманы, поразилъ его зрѣніе, случайно ли, хотѣлъ ли онъ шѣмъ показать, что въ думѣ его живо воспоминаніе о мѣстахъ, гдѣ случилось съ нимъ много чуднаго. *Каледъ* оставилъ сіе почти безъ вниманія; онъ опворошился, какъ будто бы негодуя на солнце, которое озаряло вселенную, тогда, какъ очи его друга покрывались вѣчнымъ мракомъ. Казалось, *Каледъ* не вѣдалъ, что съ сей минуши начиналась для *Лары* новая жизнь, сія безконечная жизнь, копорой уповають вѣрующіе въ Христа Спасителя.

XX.

Съ болѣзненнымъ спонемъ въ послѣдній разъ вдохнулъ *Лара*; темное облако покрыло мушныя зрачки его; съ судорогами прощанулъ онъ руки и ноги,

голова его покашилась по слабымъ колѣнамъ, кои не чувствуя усталости, ее поддерживали. Онъ прижалъ *Каледову* руку къ своему сердцу. Увы! оно уже не билось, оно уже охолодѣло! *Каледь* все еще обращаетъ къ нему рѣчь, хотя *Лара* перестала отвѣчать ему даже слабымъ пожатіемъ руки. „Сердце еще бьется!“ воскликнулъ онъ. Несчастный, ... это обманъ! его уже не спало! шопъ, на кого вперилъ ты неподвижныя очи — былъ нѣкогда *Лара*!

XXI.

Каледь смотритъ съ нѣжностью на сіи смершныя останки, какъ будто бы душа, ихъ оживотворявшая, еще не оплешѣла. Его надобно было насильно вывести изъ глубокой думы: ничто не могло его разсѣять! когда отвлекли его отъ кроваваго шрупа, который покрывалъ онъ жаркими лобзаніями, когда онъ увидѣлъ, какъ покашилась по землѣ голова, которая сама скоро будетъ прахомъ: шо онъ не вопилъ, не рвалъ на себѣ черныхъ, какъ эбеновое дерево, волосъ; но оцѣпенѣлъ и обезпамятѣлъ, пошомъ зашашался и упалъ, произнося не вяшно сія слова: какъ онъ любилъ! никогда сердце смершнаго не будетъ горѣть такимъ пламенемъ!“ Ишакъ, вышла наружу сія шайна, долго до половины скрывавшаяся; шоварищи, стараясь привести *Каледа* въ чувство, разорвали на груди одежду: ошкрылась женщина! *Каледь* опамашовался и не покраснѣлся. Чшо ему шеперь нужды до его чести, до его пола?

XXII.

Лара не шамъ покоишся, гдѣ покоишся его предки: его могила на полѣ, на кошоромъ онъ умеръ; надъ прахомъ его нѣшь надгробнаго памятника. Его оплакала нѣжная подруга; ея печаль не споль громогласна, какъ вопли наемниковъ на похоронахъ богача. Тщешно распрашивали ее о прошедшемъ; самыя угрозы не могли вынудить у нее ни одного слова. Она не открыла, по какой причинѣ бросила опчизну и послѣдовала за человекомъ, котораго сердце казалось бышь мало любящимъ; не объявила, за что была къ нему спрасшно привязана. Безумное любопытство! развѣ любовь покорна волѣ? развѣ *Лара* не могъ ей понравиться? У людей швердыхъ и суровыхъ чувшва гораздо живѣе, нежели какъ въ свѣшѣ думашь; можно ли сомнѣвашся въ нѣжности и сильномъ раздраженіи сердцецъ ихъ по тому шолько, что любовь ихъ не многословна?

Сердце и душа *Каледа* были привязаны къ *Ларѣ* необыкновенными узами; но ничшо не въ силахъ принудить ее повѣдать шайную свою исторію. Кромѣ же ея не осталось въ живыхъ никого изъ знавшихъ оную; смерть запечатлѣла имъ усна.

XXIII.

Трупъ *Лары* опустили въ могилу; на груди его, кромѣ послѣдней смертельной раны, оказалось много рубцевъ спарыхъ, не въ эшой войнѣ имъ полученныхъ. Въ какой землѣ ни провель онъ дѣша

мужескія, но онъ провель ихъ въ бранныхъ подвигахъ; до опчиzny его не дошелъ слухъ ни о славѣ его, ни о злѣдѣніяхъ. Рубцы свидѣльствова-вали только о томъ, что онъ не одинъ разъ проли-валъ кровь свою.

XXIV.

Говорящъ, что въ оную гибельную ночь (это площадной слухъ) поселянинъ проходилъ по долигѣ въ ту пору, когда солнце гонимелось смѣннмъ луною, задернушую облакомъ. Сей рано проснувшійся, по-селянинъ шелъ вдоль по рѣкѣ, опредѣляющей владѣ-нія *Отон* опъ Лариныхъ, въ лѣсъ подбирашъ дрова для продажи въ городѣ. Внезапно зашуршали вѣтви и показались изъ лѣса лошади и всадникъ. Онъ держалъ на сѣдлѣ передъ собою нѣчто въ плащѣ завернушое. Лице всадника было закрыто и голова поникла къ лошадиной шеѣ. Удивленный споль нечаянною встрѣчею и подозрѣвая убійство, посе-лянинъ спряшался въ кусты и оппуда выглядывалъ. Всадникъ, домчась до крутаго берега рѣки, соскочилъ съ лошади, и схватя пошу, подошелъ на самый край и бросилъ ее въ воду; пошомъ робко на всѣ стороны озираясь, слѣдовалъ зрѣніемъ за иекущими волнами, какъ будто всматривался въ какой-нибудь предметъ, всплывшій на поверхность воды; поспѣшилъ къ грудѣ камней, весеннимъ пошо-комъ съ горы набросанной, началъ подбирашъ самые крупныя, и съ особенною ловкостью кидашъ ихъ въ воду.

Между шѣмъ, любопытный поселянинъ тихо прокрался къ шакому мѣсну, откуда, не бывъ замѣченъ, могъ все видѣшь. Емѹ показалось, что по рѣкѣ плывешь мертвое шѣло, на груди кошораго онъ даже могъ различить орденскую звѣзду; но прежде, нежели онъ успѣлъ пристально взглядѣшься, огромный камень погрузилъ шрупъ въ глубину: онъ еще разъ всплылъ, обогривъ вокругъ себя воду — и пошелъ ко дну. Всадникъ дожидался, пока кругъ на рѣкѣ совершенно сгладился; тогда вспрыгнувъ на лошадь — и во весь опоръ помчался прочь отъ берега. На лице его надѣшна была личина; робость воспрепятствовала дровосѣку различить черныя лица погибшаго; но если правда, что онъ видѣлъ звѣзду на его одеждѣ, то это знакъ рыцарскаго достоинства, и всѣ, слышавшіе повѣсть дровосѣка, потчасъ вспомнили, что въ бѣдшвенную ночь *Эцеллинь* имѣлъ на груди звѣзду. Если это былъ онъ, то да водворится душа его въ селеніяхъ райскихъ! его смершныя останки вынесены рѣкою въ море; любовь къ ближнему осперещеся обвиняшь *Лару* въ семь злодѣяніи!

XXV.

Каледъ, Лара, Эцеллинь умерли — и ни надъ однимъ нѣтъ надгробнаго камня.

Сосрадашельные люди щещно хотѣли удалить жалкую спрадалицу отъ мѣша, орошеннаго кровію друга ея. Сія гордая душа сдѣлалась смиренною; горестъ изсушила ея слезы; она не ропшала,

не жаловалась, не спонала. Если кто угрожалъ ей удаленіемъ ее отъ мѣста, на коемъ она видѣла и еще не вѣрила, что *Лара* умеръ: то глаза ея сверкали отъ ярости, какъ глаза шигрицы, у которой ловцы хощли дѣшею похишишь. Но шомъ, кто изъяслялъ участіе въ ея горести, слышалъ ее бѣдующею съ призраками, какихъ видишь въ бреду больной горячкою. Она говорила имъ о своей упрямѣ, оспанавливалась подъ той липою, подъ кошкою держала на колѣнахъ скашившуюся голову *Лары*: шѣ же шѣлдвиженія, шѣ же слова напоминали ей смершное шомленіе друга ея. Она обрѣзала его черные волосы и носила ихъ на сердцѣ; часто принимала ихъ, расчесывала, разспилала по землѣ, какъ будшо бы выжидала изъ нихъ кровь какого-нибудь призрака; вопрошала *Лару* и сама вмѣсто его себѣ ошвѣчала; пошомъ вдругъ вскакивала, и указывая першомъ на другое привидѣніе, ее испугавшее, убѣждала своего друга спасашься бѣгшвомъ. Также не рѣдко, сидя на шѣ древесшомъ, она закрывала лице руками, или чертила странныя буквы Такая горестъ не могла бышь продолжительна. Дѣва восшока погребена рядомъ съ своимъ возлюбленнымъ. Ея исторія до сихъ поръ осталась шайною; но шрасшъ къ *Ларѣ* перешала бышь загадкою.

Я.

СЕЛЬСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

(Отрывокъ изъ Письма — къ Б. М. Ф.)

Не однѣ достопамятности здѣшняго города, не однѣ прелести природы занимають меня. Нѣтъ! нравственный міръ любопытнѣе физическаго, и мы болѣе любимъ видѣть счастье людей, нашь подобныхъ, нежели красоту мѣстъ, ими населенныхъ.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда, въ уединенной деревнѣ, куда я приглашенъ былъ въ гости, нѣжная мать и добрая наставница многочисленнаго семейства принимала поздравленія отъ дѣтей и внучатъ въ день именинъ своихъ. — Зрѣлище прогашельное! малюшки, одинъ за другимъ, говорили ей рѣчи, каждый сообразно степенямъ развитія своихъ способностей, и каждый по окончаніи привѣтствія заключался въ объятія любимой бабушки. — Описываешь ли вамъ восторгъ почтеннаго ея супруга, счастливаго своимъ сороколѣтнимъ союзомъ съ нею? Описываешь ли радостныя слезы дѣтей, умиленіе посѣпителей? Но силы мои для сего недостаточны.

Мы пошли благодарить Всевышняго въ уединенную Церковь, стоящую въ тѣни густыхъ деревьевъ. Деревенскій Священникъ совершалъ Божественную службу. Отецъ семейства читалъ громко молитвы. Дѣти его, родственники, гости и поселяне повспорали ихъ за нимъ. Многіе за тѣсною принуждены были стоять подъ открытымъ небомъ. Я былъ увѣренъ, что въ сію священную минушу Небесное

благословеніе, слепая съ круговъ ээирныхъ, мимо великолѣпныхъ черпоговъ, епѣшило подѣ кровь сего сельскаго храма. Оно блиспало здѣсь во взорахъ каждаго.

Почшенная Имениница умѣла дашь своимъ дѣшямъ воспишаніе съ такимъ искусствомъ, кошорое привлекаешъ въ домъ ея многихъ дѣвиць. Родители не могушъ желашъ дочерямъ своимъ лучшаго знакомства. Всѣ сіи милья госпши любяшъ ея единодушно; всѣ называютъ ея доброю своею *мамньюкою*. — Дабы ознаменовашъ шоржеспвеннымъ образомъ день Ангела доброй *мамньюки*, онѣ представили на домашнемъ шеатрѣ нѣсколько правоуишельныхъ пьесъ. Въ аллегорическомъ прологѣ, ими самими сочиненномъ, видѣль я вензловое имя ея на памяшникѣ, сооруженномъ признашельноспію дѣшей, и по споронамъ пламенную издпись:

Огонь, кошорый здѣсь пылаешъ
Въ спрокахъ багрянозолонныхъ,
Передъ любовью чадѣ швоихъ,
Какъ шѣнь предѣ свѣномъ, исчезаетъ.

И въ шо самое время одна изъ ея воспитанницъ, приближившисъ къ краю сцены, поднесла ей отъ лица всѣхъ подругъ своихъ букешъ нѣжныхъ цвѣшовъ, въ знакъ ихъ нѣжнѣйшей привязанности. Она не могла досказашъ привѣшспвія своего.... слезы умиленія оросили ея лице, букешъ и грудь *мамньюки*.

Праздникъ заключенъ былъ пѣніемъ, музыкою, шанцами. Скажу вамъ шолько о прекрасномъ Кадри-

лъ. Я видѣлъ восемь Нимфъ, въ легкой, бѣлой одеждѣ, увѣчаныхъ цвѣтами, обвѣшанныхъ зелеными гирляндами. Онѣ кружились съ быстротою зефира при звукѣ фортепьяно, переплещались безчисленными образами и чепырекрашно соспавляли изъ гирляндъ своихъ любезное имя доброй маминьки.

Нѣсколько дней провелъ я въ кругу сего счастливаго семейства въ неизъяснимомъ удовольствіи. Кто, будучи одаренъ сердцемъ чувствительнымъ, ищетъ ему вѣрной подруги въ семь свѣтѣ, пошъ не можешъ имѣшь на пуши жизни своей лучшаго пріюща, какъ въ домахъ семейственнаго благополучія, вдали отъ пышности свѣтской и отъ пороковъ столичныхъ. Я пилъ сей сладкій, упоительный нектаръ; я наслаждался сею каршиною крошкихъ добродѣтелей, подъ эгидою коихъ юнеше и красота восхищали мой духъ неизъяснимою прелестію. Вы знаете мою природную робость — въ обращеніи съ женскимъ поломъ. Я говорилъ мало; я много чувствовалъ. — Если бы одна изъ сихъ нѣжныхъ Грацій подошла ко мнѣ и съ шомною улыбкою промолвила мнѣ (въ шушку) магическое слово: *люблю!* тогда... тогда что было-бы съ бѣднымъ сердцемъ моимъ? — Но Граціи мои были еще болѣе богинями невинности, нежели красоты, и я находился не на островѣ Калипсы, а въ сельскомъ домикѣ, гдѣ милыя дѣвицы или не знаютъ, или не хотятъ знать опаснаго употребленія своихъ побѣдоносныхъ оружій прелестей, и гдѣ онѣ стараются нравиться добродѣтелью. Не

одна юность и любезность, но и добродушіе, про-
снота, невинность бесѣдовали со мною. Я окружень
быль существами болѣе небесными, нежели земными.

К. С. —

1828, 10 Августа.

К Р И Т И К А.

Между произведеніями Поэзіи, ознаменовавшими
самое горестное и неожиданное для Россіи собы-
тіе, утѣшительно видѣть появленіе въ свѣтъ шво-
ренія, соединяющаго въ себѣ достоинство мыслей
и піитическаго таланта съ чувствованіями, оду-
шевляющими всѣхъ и каждаго. М. А. Дмитриевъ, пле-
мянникъ соименнаго ему знаменитаго Поэта на-
шего, недавно издалъ въ свѣтъ стихотвореніе свое
на кончину ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го. Са-
мое явленіе онаго послѣ многихъ другихъ сочине-
ній на сей же печальный предметъ, послужило ему
въ пользу: оно принято съ восторгомъ и оцѣнено
по достоинству. Первыя минуны народной горести,
копорою поразила насъ кончина ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА, не благопріятны для піитическихъ
вдохновеній, и вошь причина: изображеніе неушо-
лимой скорби привлекаеть и протаеть только съ

помощію Фаншазі; изъ ея груешныхъ мечпаній
испекаешъ очарованіе: мы говоримъ о помъ сим-
паническомъ соотношеніи, которое производишь
шаланщъ Поэпа между чипашелями, восхищающи-
мися его швореніемъ, и вымышленными или чуж-
дыми для нихъ существами; но когда Поэзія изоб-
ражаешъ намъ еущеешвенность въ шу минушу,
какъ ударъ Судьбы шолько-чшо совершился надъ
нами, тогда пѣсни Камень всегда почи кажушся
слабымъ ошголоскомъ воплей гореспи, раздающихся
въ собешвенномъ сердцѣ каждаго изъ насъ; самые
цвѣшы Поэзіи, которыми какъ бы хопяшъ украсишь
нашу гореснь, намъ прѣшивны, обнаруживая намѣ-
реніе Авшора: и какъ Поэшы слишкомъ явно вы-
сшавляюшъ его, шо ихъ усилія никогда почи не
бываюшъ удачны. Безъ сомнѣнія, ешь люди, на-
дѣленные ошъ Природы ошличнымъ даромъ слова;
имъ-шо прѣдоставлено прервашь царешвуюющее
вокругъ нихъ глубокое безмолвіе въ минушу шяж-
каго удара Судьбы; люди, ошкрывающіе въ обшир-
номъ и богатомъ воображеніи, въ глубинѣ души
своей языкъ новый для изображенія великихъ бѣд-
сшвій, ознаменованныхъ въ лѣпописяхъ народовъ
всеобщемою гореснію, люди, коихъ слушаая, или чи-
пая ихъ шворенія, всякой можешъ сказашь: „эшо
мои чувсшва; вопъ чшо сказашь бы я, еслибъ го-
реснь не лишала меня словъ.“ Сего-шо истиннаго
выраженія чувсшвъ, сей-шо возвышенности часшо
ищешъ и не находишь чипашель. Хорошо, если бы

каждый Авшоръ, принимаясь описывать предметъ, испыталъ свои дарованія прежде, нежели охоту плестъ рѣемы.

Г. Дмишрѣевъ, кажется, совершенно постигъ истину сказаннаго нами здѣсь въ немногихъ словахъ. Черезъ чешыре мѣсяца по кончинѣ Августѣйшаго нашего Благоворителя, Поэшь положилъ свой пишическій цвѣшокъ на гробъ Его. Обстоятельство сіе заставляло избрать предпочтительно предъ элегією возвышеннѣйшій родъ Поэзіи. Поэшь принявъ тонъ лирической, мысленно возносилъ насъ въ предвѣчный совѣтъ Промысла, и мы внимаемъ гласу самаго Бога. Глаголы небесъ попеременно обращающагося по къ плѣннику острова Св. Елены, по къ возстановителю Французской Монархіи, и наконецъ къ Тому, который побѣдя перваго, возвратилъ прародительскій Пресполь послѣднему. По мнѣнію нашему, смѣлосць оборота, посредствомъ коего Г. Дмишрѣевъ сблизилъ три достопамятнѣйшія въ наше время *кончины*, оправдывается свойствомъ событій, напоминающихъ имена Бонапарте, Лудовика и АЛЕКСАНДРА. Въ самомъ дѣлѣ, вся исторія порабощенія и освобожденія Европы заключается въ сихъ трехъ именахъ, и кажется намъ высокою драмою, въ коей дѣйствіе, объемлющее жребій міра, началось кровавымъ порожествомъ мясеха и похищенія законной власти. За симъ, при непрерывно возрастающей занимательности, драма становится ужаснѣе и ужаснѣе,

и, наконецъ, раскрываются слѣдствія порядка вещей, убійственнаго для полишическаго бышя Государствъ и гибельнаго для благосостояння народовъ. Казалося, что все невозвратно погибло; но Промысль просперъ свою руку — и насталь спасительный переломъ для Европы: Избранники небесъ явились въ блескъ, возвѣщающемъ высокое ихъ назначеніе; предъ ними съ шумомъ обрушилось огромное, но шлѣнное зданіе духа злобы, и изъ развалинъ онаго возникло новое швореніе, которое заключаешъ въ себѣ развязку, цѣль и нравоученіе сей высокой драмы. Ни въ какое время споль разишельно не опкрывались людямъ пуши вѣчнаго правосудія. Чшобы дашь услышашъ смерпнымъ языкъ достойный Божешва, Поэшь избралъ самое сильное средство: онъ заставиль говоришь самыя собышя, совершившіяся по воль Всевышняго. Но смерть АЛЕКСАНДРА не ешь ли шакже дѣйшвіе воли Небесъ? Да не дерзнемъ унижашъ скорби нашей ропшомъ прошишь свяшой воли; вѣчная премудрость вѣщашъ кичливому разуму:

„Благоговѣй, покрышый тьмою!

Уста предвѣчнаго рекль;

Надъ сей вѣнчанною главою

Я собралъ всѣ бѣды земли!

Онъ обрушился; но, вѣрный,

Онъ не ропталъ на промысль Мой:

Онъ зналъ Мой судъ велицетърный

И правиль Я его судьбой!

Для духа зрѣлаго — призыва

Не возъзвѣщаетъ съдана:

Не держитъ долъ срока нива

Въ браздѣ созрѣвшаго зерна!

„Спроси въ семь гробѣ прахъ священный:

Сколь духъ, сокрытый въ Немъ, страдалъ,

Когда, подвигнуть полвселенны,

Его Я твердосишь искушалъ!

Спроси: легко ль обрѣлъ Онъ славу,

Когда Я чуждую державу

Повергъ подъ мечъ Его руки;

Спроси: сколь часто, въ вракѣ ночи,

За васъ Его не спали очи —

И дни дѣламъ изочисти!“

Сии послѣднія двѣ строфы, по мнѣнiю нашему лучшiя, показываютъ необыкновенный талантъ М. А. Дмишрiева. Языкъ мужественный, мысли благородныя и сильныя; достоинство, съ которымъ Поэтъ говоритъ объ **ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ** какъ Историкъ, не переставая въ то же время бытъ Поэтомъ, вошъ ошличительныя черты сего произведенiя.

Если бы предѣлы сей снати позволяли намъ войти въ подробный разборъ слога, мы бы замѣтили нѣсколько стиховъ непрiятныхъ для слуха, какъ на пр:

„Какъ развернувъ хоругвь свободы,“

также сказали бы Г. Авшору, что гипербола, заключающаяся въ слѣдующемъ стихѣ:

Но слезъ обильный дождь вшцаетъ: Онъ въ жогляхъ! кажсся, не сошвшствуетъ очищенному

вкусу. Впрочемъ, для нашего Поэта легко избѣгать подобныхъ ошибокъ; ему не нужно у чужихъ искать образцевъ изящнаго вкуса и сладкогласія стиховъ: онъ имѣетъ въ своемъ семействѣ роднаго, знаменитаго Наставника.

(Изъ J. de S. P.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Апологи. (*)

Чадолюбивая мать.

Марышка съ нѣжностью дитя свое любя,
Безъ оцдыха его ласкала, пурмошпла;
И что же? наконецъ, въ объятяхъ задушила. —
Мать слабая! Позжь! остереги себя.

Челозпкъ, обезьяна, гервь и яблоко.

Садовникъ яблоко отнявъ у обезьяны,
Вскричалъ: „оно мое!“ — и потчасъ раскусилъ. —
„Неправда, а мое! Вы сильны, такъ и рьяны“ —
Изъ яблока ему червь бѣдный возразилъ.

Хлѣбъ и свѣчка.

Прочь, даль! близъ тебя лежать я не хочу:
Хлѣбъ свѣчкѣ говорилъ; а та ему: напрасно;
Чѣмъ хуже я тебя? подумай безприсрасно.
Ты кормишь; я свѣчу.

И. Демитриевъ.

(*) Изъ превосходнаго собранія *Апологовъ* въ четверостишіяхъ. О сей книгѣ говорено въ No. 77 Рускаго Инвалида.

ОТРЫВОКЪ

изъ II пьесы

Виргилиевой Энеиды.

Смодкнули всѣ, и вниманіе въ лѣкахъ пхъ выпалося.
И отъ десныхъ ложа спраны родилель Эней рекъ:
Ты расправляешь, Царица, мою нестерпимую рану,
Требуя повѣсти — какъ въ моихъ глазахъ отъ Данайцевъ
Пало съ Троей Троянское сильное, жалкое царство,
Какъ сбылись всѣ бѣды, къ моему столь близкія сердцу.
Кто изъ Додолянъ, Улисса, грознаго войскъ, Мирмидонянъ,
Вспомнишь о помъ безъ слезъ? Уже съ небесъ улетаетъ
Влажная ночь, и клоняшъ ко сну угасающи звѣзды.
Есшлы жъ тебѣ такъ хочется знать о нашихъ напастяхъ,
И о послѣднемъ паденіи Трои, кратко услышать,
Я начну, хоть ужасно о помъ поминать, и отъ слезной
Оной картины невольно мысли мои убѣгаютъ.

Бывъ изнуренны долгой войной, опгоняемы рокомъ
Отъ осажденнаго града, вожди Данайскіе спрочуть
Будшо гору — коня, по внушенью богини Паллады,
И изъ нарубленныхъ елей ребра его составляютъ.
Моаяшъ припворно боговъ на отъѣздъ: разносится слухъ сей.
Мещуть жребій, и ратниковъ крѣпостью шела отборныхъ
Тайно въ темныхъ ребрахъ коня заключавъ, и средину
И глубину его всеоружной наполнили ратью.

Славный островъ былъ Тенедось не далеко отъ Трои,
Полный сокровищъ, пока сполло царство Пріама,
Нинъ — только заливъ, кораблямъ ненадежная приспань.
Здѣсь уклонясь Данайцы, скрылись на брегъ пустынномъ.
Мнимъ, что они при попутномъ вѣтрѣ спплыли въ Микены.
И преслаешь все Тевкрово царство отъ слезъ долготынныхъ,

Вопль, отверсты врата; съ неперыиьемъ стеклейся видѣнь
Лагеръ Дорійскій, мѣста опустѣлы и берегъ безлюдный.
Здѣсь Долоныя отрядъ былъ: здѣсь шашры Ахиллеса
Грознаго были раскинуты: флотъ стоялъ, брань кипѣла.
Многихъ даръ роковой въ честь двѣ богини Минервы,
И огромность коня взумляли: и первый Оишемесъ
Подаль совѣтъ — его ввести въ градъ и поставишь на крѣпость.
Впрочемъ Каписъ и другіе, болѣе мудрые мужи,
Въ ковы Данайцевъ и ихъ подозрительный даръ проникая,
Морю велѣшь коня предать, или огню на соженье,
Или произвѣвъ, осмошрѣшь его сокровенное нѣдро.
Недоумѣешь народъ, и даешь прошивны совѣты.

Туть провождаемъ толпой многолюдной, съ высокой твердыни
Лаокоонъ, какъ вихрь печешъ впереди и зываешъ
Издали такъ: „о бѣдные граждане; что за безумство?
Вѣрите вы опсигупленью враговъ? Безковарны, вы мнѣше,
Всѣ приношеня Данайцевъ? Такъ ли Улиссъ вамъ извѣстенъ?
Либо Ахейцы кроюся въ деревъ семь заключенны,
Либо громаду сію противъ нашихъ стѣнъ соорудили
Съ тѣмъ, чшобъ градъ осмошрѣшь и съ высоту учинишь напа-
денье;

Либо другая шухъ хитрость: коню вы, Тевкры, не вѣрите;
Какъ бы то ни было, — мнѣ и въ дарахъ Данайцы ужасны.“

Рекъ, и всѣ силы собравъ, копье большое пускаешъ
Въ бокъ и въ нѣдро коня изъ древъ искривленныхъ сложенно:
И задрожало вонзенное, и отъ него въ сотрясенномъ
Чревѣ раздался звукъ и вопли поили по пещерамъ.
И когда бы — безъ гнѣва небесъ, безъ оплошности нашей, —
Лаокоонъ открылъ пошасенный приюстъ Арголидовъ;
Троя и славная крѣпость Пріама поднесъ бы стояли.

Но между тѣмъ пастухи Дарданскіе съ воплемъ великимъ
Юношу передъ Царя влекли; у коего руки
Связаны были; невѣдомый, имъ преданъ добровольно

Юноша сей, чтобъ хитрымъ обманомъ въ Трою Ахейцамъ
Путь проложивъ; онъ твердо шелъ на то и другое,
Иль совершишь обманъ, иль умереть неизбежно.
Юноши Трои со всехъ споронъ спекались волнами
Плѣнника зрѣшь, и другъ передъ другомъ надъ нимъ издѣвался,
Выслушай нынѣ хитрость Данайцевъ одну, и изъ оной
Всѣхъ ихъ познай.
Плѣнникъ смяшентъ, безоруженъ предспавленъ бывъ предъ народомъ,
И окинувъ глазами Фригійцевъ толпы, восклицаетъ:
„Ахъ, въ какой огненной землѣ, какими морями
Буду я принятъ? и что несчастному дѣлать осталось?
Мнѣ у Данайцевъ пріюта нѣтъ; а Дарданцы враги ихъ,
Требуютъ казни моей, и жаждутъ крови пришельца.“
Споны сн жестокость сердець преклонили на жалость:
Просимъ его рассказать, какой онъ крови и рода,
Что возвѣстивъ, и чего онъ насъ надѣется плѣнникъ?
И опложивъ боязнь, продолжалъ онъ сими словами:
„Истинно, Царь, тебѣ я все бывое открою:
И во первыхъ признаюсь, что родомъ я Арголидецъ:
Сколь ни жестоко гонимъ Синона злая судьбина,
Онъ отъ него прибѣгаешь ко лжи и обманамъ не станешь.
Можешь быть, какъ-нибудь доводилось тебѣ въ разговорахъ
Слышать о славнои по имени, предкамъ, дѣламъ Паламедъ,
Вида потомкѣ; его подъ предлогомъ измѣны, Пеласги
По клеветѣ на смерть осудили безвинно за то, что
Ихъ опклонялъ онъ войны; но теперь по убиномъ льютъ слезы.
Съ юныхъ я лѣтъ къ Паламеду, близкому сроднику посланъ
Бѣдвымъ моимъ опцемъ, — на всѣ войны сея время.
Въ царствѣ пока уважаемъ онъ былъ, пока процвѣпало
Царство — его совѣтами нѣсколько славенъ дошолъ
Былъ и я; но когда лукаваго зависть Улисса
Смерти его предала; (извѣстное вамъ повѣствую)
Съ этой поры влачилъ я жизнь во мракѣ и стонахъ,

Въ сердцѣ своемъ негодуя за смерть невиннаго друга.
 И не смодчалъ я безумецъ: мнѣши за него общался,
 Лишь бы судьба привела возвращишься съ побѣдой въ опщизну
 Аргосъ, — и шѣмъ на себя я злобу Улисса подвинулъ.
 Съ сей - то поры спалъ бѣдствовать я! и новыми началъ
 Мнѣ угрожалъ клеветами Улиссъ, пуская въ народъ
 Много двусмысленныхъ словъ о мнѣ и — самъ бывъ злодѣемъ,
 Новыя спрѣмы спалъ измышлялъ на мое пораженье.
 И не преспалъ дотолъ, пока въ священство Калхаса
 Но для чего пересказывать вамъ непріятныя были?
 Что говорите? коль о всѣхъ одинаково мыслише Грекахъ,
 И замодчашъ мнѣ пора: казните меня поскорѣе:
 Вамъ за сіе воздадутъ Итакскій Царь и Ашриды.

Вспыхнулъ пылавый въ насъ жаръ, продолжалъ его заставляемъ,

Вовсе не зная подлкихъ злодѣйствъ и коварства Пеласговъ.
 И дрожащимъ опъ спрахъ голосомъ лжецъ продолжаешь:
 „Много разъ упоменны долгой войною Данайцы
 Трою оставя, пустились въ бѣгство уже порывались.
 И когда бы ушли! Но жестокия бури морскія,
 Южныя вѣтры, пушь прешя, бѣглецовъ ушрашали;
 И напаче, пока стоялъ въ сихъ мѣстахъ конь кленовый,
 Небо ревѣло грозой, и шумѣли дожди проливные.
 Недоумѣя, мы шдемъ Эврипила къ оракулу феба;
 И изъ заповоровъ своихъ печально онъ прорекаетъ;
 „О Данайцы, вы въ первый приходъ ко брегамъ Иліонскимъ,
 Кровію, жертвою дѣвы закланныя бури смирили;
 Кровію также, — закланіемъ Грека; ищите возврата.“

Голосъ пророческій сей дошедши до слуха народа,
 Ужась навель, и холодный препешъ пробѣтъ по костямъ всѣхъ;
 Кто сія жертва, и кто Аполлону угоденъ? — не знаютъ.
 Въ шумъ, Итаки Царь Калхаса пророка выводили
 Передъ народъ, и о волѣ боговъ его вопрошаетъ.

Многіе мнѣ швердили о хитромъ злодѣйствѣ Улисса,
 И въ грядущее, молча — окомъ своимъ прозрѣвали.
 Десять дней Калхасъ молчалъ, въ шшинѣ сокрываясь;
 Въ жертву обречь не хотѣлъ никого своимъ прпговоромъ;
 Но наконецъ — докучливый воплемъ Улисса склоненный,
 Съ умыслу голосъ даешь, и на жертву меня обрекаешь.
 Все согласился; и всякъ бѣду, копорой себя ждалъ,
 Лишь на мою злощасную голову думалъ обрушить.
 День роковой насталъ; для меня готовили къ жертвѣ
 Соію хлѣбъ распворенный, главу обвивали повязкой.
 Но (признаю) я смерти избѣгъ, и узы распоргнувъ,
 Въ темную ночь въ правѣ укрывался, въ озерѣ пинномъ;
 Ждалъ опцдытія ихъ, когда бы опплыть захотѣл.
 Но не надѣюсь увидѣть прежніе кровы опцизны;
 Мнѣ не выдашь дорогаго опца, дѣшей моихъ милыхъ;
 Можешь ихъ поведешь на жертву и казнь за побѣгъ мой,
 И за мое преснупленье несчастные жизнью заплачуть.
 Ежели еще межъ людьми остаётся вѣрность! по ею,
 Именемъ вышнихъ, любящихъ правду боговъ — умоляю
 Цынъ тебя, о Царь, обрати на шолікія бѣдства
 Взоръ милосердія, сжался надъ бѣднымъ, невиннымъ шрадалцемъ!

Ради сихъ слезъ мы жизнь даруемъ ему, сосшрадаемъ.
 Самъ Пріамъ напередъ повелѣлъ снятьъ крѣпкія цѣпи
 Съ узника, и говорилъ ему снмъ голосомъ дружбы:
 „Кто бы ты ни былъ, забудь побою опщавленныхъ Грековъ;
 Будешь ны нашъ; но прошу сказаць мнѣ сущую-правду,
 Кѣмъ, и почшо сей конь шоліко огромный воздвгнулъ?
 Что это значить? вѣры ль обрядъ? пли замыслъ воишскій?“
 Кончилъ Пріамъ. Ш лжець, искусный въ хитросшши Грековъ
 Длані опъ узъ разрѣшенны къ небу простерши, вѣщаешь:

Витъ ринскій.

С. П. бургъ.

3 Февраля, 1826.

С О Н Е Т Ъ.

Когда мечта душъ моей коснешся,
И сладостно заговоришь со мной,
Тогда ко мнѣ прелестный образъ твой,
Какъ тѣнь изъ странъ базвѣстныхъ принесется,

И ты все та-жь. — Все также прелестъ льешься
Изъ сихъ очей чарующей струей;
Все шопъ же станъ, — и по главѣ волной
Все также шолкъ кудрей роскошно вьется;
Плѣненъ швоей волшебной красотой,
Въ раздумь я бесѣдую съ тобой,
Мой взоръ съ твоимъ на мигъ не распадется.
Но вдругъ душа встревожится шоккой,
И вспыхнетъ духъ, и сердце вдругъ забьется,
И вмигъ, какъ дымъ швой образъ унесется.

А. Гльбовъ.

1825.

ПОДРАЖАНІЕ ЖИЛБЕРТУ.

Господь невѣнности въ душѣ моей чиналъ;
Зрѣлъ покаянія прямаго поки слезны;
Раскаяньемъ цѣмилъ, терпѣньемъ укрѣплялъ
Ахъ! злополучные ему сыны любезны. —

*

Враги мои, кичась, во злобѣ изрекли:
„Погибнетъ онъ, и съ нимъ вся память испребится.“
Спокойному въ душѣ, мнѣ рекъ Отецъ земли:
„Ихъ ненависть — тебѣ въ опору обратится.

*

Друзей прошивъ тебя озлобилъ ихъ совѣтъ;
Все простому твою обманомъ окружаетъ
И вскормленный шобой, твой образъ продаетъ,
Который злобою, какъ тучей омрачаетъ.

*

Но спонъ твой внемлетъ Богъ, къ Кому тебя спремить
Спасительная скорбь прямаго покаянья;
Сей Богъ рожденному отъ перстнаго проспишь,
Быть слабымъ въ грозный часъ гоненій и спраданья. —

*

Такъ и въ грядущемъ ты обрящешь Мой покровъ;
Гласъ правосудія смягчился состраданьемъ
И самые враги, тебѣ готовы ковь,
Очищая дни твои, какъ золото, испытаньемъ.“

*

О Будь благословенъ, Господь! вновь давший мнѣ
Невинныя души — возвышенныя силы,
Благій! Ты дашь покой въ надежной тишинѣ, . . .
Ты — Самъ благословишь въ безвѣстный путь могилы.

*

На жизненномъ пиру, несчастливый пришлецъ
Мгновенно покажусь и жизни свѣтъ запымится ;
И къ гробу хладному приближусь наконецъ
И гробъ . . . Увы ! ни чьей слезой не оросится .

*

Миръ вамъ ! . . . любимыя поля, луга, цвѣты ;
Древь сѣни, водъ сируи ! . . . прощаніе примите . —
Величіе небесъ ! природы красоты ! —
Простите навсегда . . . въ послѣдній разъ простите ! —

*

Пусть долго, долго зряпъ въ красъ священной васъ
Друзья отвергшіе прощанія унылы ;
Пусть полны жизнью встрѣчаютъ смершный часъ
И пусть закрывъ ихъ взоръ восплачешь другъ ихъ милый .

С. Вискаватовъ.

МЕЛИБЕЙ И ТИТИРЬ.

(Изъ *Виргиліа*.)

Эклога I.

Содержаніе.

Послѣ знаменитой побѣды, одержанной надъ *Брутомъ* и *Крассомъ*, Цесарь *Октавій* и *Антоній* роздали старымъ воинамъ, служившимъ въ сей войнѣ подъ ихъ знаменами, земли тѣхъ, которые держали спору по ихъ непріятелей.

Окрестности города Кремоны, приверженнаго къ *Бруту*, сдѣлались собственностію суровыхъ воиновъ, которые безжалостно изгнали прежнихъ владѣльцевъ. Но какъ сихъ земель оказалось недоспашочно: по и сосѣдственный городъ Маншюу та же гибельная судьба постигла.

Опець нашего Поэта имѣлъ маленькій уголокъ земли близъ Маншуу: онъ достался въ удѣль Сопнику *Арію*. *Виргилій* прибѣгаулъ подъ покровительство *Полліона*, и ему возвращено имѣніе отца его.

Въ сей эклогѣ *Виргилій* приноситъ благодарность свою *Августу* за его благодѣаніе. *Виргилію* было двадцать семь лѣтъ ошъ рожденія, когда онъ сочинилъ сію эклогу.

М е л и б е й.

Титирь, лежа подъ сѣнью густаго вышвиснаго бука,
Сельскія пѣсни ты нѣжно играешь на легкой свирѣли;
Мы покидаемъ родныя поля намъ сладкой отчизны;
Мы изъ отчизны бѣжимъ. Ты же, *Титирь*, безопасно подъ сѣнью
Учишь лѣса позпорять *Амариллы* красавицы имя.

Т и т и р ь.

Знай, *Мелибей*, я богу спокойствіемъ жизни обязанъ;
Вѣчно мнѣ богомъ онъ будетъ и часто, кровію агнцевъ
Въ жертву ему закланныхъ, алтарь его оросится.
Онъ мнѣ спада пасши и играшь здѣсь на сельской свирѣли,
Самъ ты видишь, мой любимыя пѣсни дозволишь.

М е л и б е й.

Я не завидую, я удивляюсь, въ окрестныхъ полянахъ
Видя шревогу: вошь л, горькій, и самъ съ козами

Въ даль бреду и съ шрудомъ вопль ашу влеку за собою;
 Жалкая, тамъ въ орѣшникѣ частомъ на голомъ утесѣ
 Двухъ близнецовъ родила и бросила спада надежду.
 Часто... давно... но тогда мой умъ, какъ нарочно зашмылся?
 Дубы громами разбишныя намъ сіе предвѣщали;
 Часто не даромъ на вязѣ дуплистомъ каркали враны.
 Но кѣмъ богъ своего блаженства виновникъ? Открой намъ!

Т и ш и р ь.

Я, безумецъ, думалъ, что градъ называемый Римомъ
 То же, что нашъ городокъ, куда искони ужъ привыкли
 Мы пастухи отвозишь на продажу нѣжныхъ барашковъ.
 Можно ль равнишь ягняшь съ матерями, низкорослыхъ собачекъ
 Съ злобными псами? А я равнялъ великое съ малымъ!
 Знай, градъ Римъ подымаешь главу надъ другими градами
 Споль же высоко, сколь кипарисъ надъ кустами ракишы.

М е л и б е й.

Что завело тебя въ Римъ столь опдаленный?

Т и ш и р ь.

Свобода!

Поздно, но ласково мнѣ льпивцу она улыбнулась;
 Поздно, когда ужъ власы на брадѣ моей побѣдѣли,
 Я ждалъ долго, пока меня удостоила взгляда.
 Нынѣ, когда *Галатеей* оспавленъ, люблю *Амариллу*,
 Спалъ я думать объ ней, признаюсь; любя жъ *Галатею*,
 Мало я объ досташкѣ и мало о вольности мыслилъ,
 Много тогда опжималъ я жирныхъ сыровъ, и изъ спада
 Много жертвъ посылалъ во градъ благодарности чуждый,
 Но не принесъ домой и горсти щажелья мѣди.

М е л и б е й.

Мнѣ удивительно было тебя, *Амарилла!* въ мольбахъ зрѣшь,
 Грустную, видѣшь, какъ съ древъ яблокъ спѣлыхъ не рѣшь ты:

Титира не было здѣсь! О *Титирь*! себя съ неперпнѣемъ
Наши сосны, кусты и ручьи призываютьъ обратно.

Т и ш и р ь.

Чтожь предпринять мнѣ? Кто бь захотѣлъ изъ околя меня вырвать?
Я бы нигдѣ не нашель боговъ мнѣ столь милосердыхъ.
Тамъ я юношу видѣлъ, которому дважды шесть дней
Въ годъ алтари опъ насъ благовоиёмъ сладкимъ куряся.
Тамъ, умоляюу мнѣ, онъ сказадь въ благосклонномъ опвѣитъ:
Дѣти, пасите быковъ и ихъ въ плугъ, какъ прежде, впрятаише.

М е л и б е й.

Спарецъ счастливый, поля свои шебъ остаюся;
Большаго ты не желаешь! Правда, они каменисты.
Правда, что много въ нихъ блащъ, густо поросшихъ осокой,
Но въ замѣну, опъ справъ имъ непривычныхъ, опъ язы
Ближней непраздныя овцы и послѣ родовъ безопасны.
Спарецъ счастливый, ты здѣсь подь шумомъ ключей сихъ священныхъ,
Рѣкъ на брегъ знакомоу, въ прохладѣ древесной возляжешь.
Здѣсь, гдѣ ивы сплещяся границу твою означаютьъ,
Пчелы Гиблейскія медъ по цвѣтамъ собирая душистый,
Нѣжно жужжа на лужкѣ усыпаяше шебя сномъ легкимъ и сладкимъ.
Здѣсь дровосѣкъ обрубая съ древъ сучья, пѣсню заянешъ;
Здѣсь услышишь родныхъ голубей своихъ шихіе вздохи,
И воркованіе горлицъ на яворъ стройномъ и гордомъ.

Т и ш и р ь.

Нытъ, легконогія серны начнутъ лешать по ээиру;
Море опступитъ, рыба на сухомъ оставивши брегъ;
Нытъ, изъ старыхъ предѣловъ изгнанные оба народа:
Парфъ пить станеть воду Саоны, Германецъ Евфрата
Прежде, чѣмъ въ сердць моемъ его изгладится образъ.

М е л и б е й.

Мы жь побредемъ томимыя жаждой въ пескахъ Африканскихъ,
Въ хладную Сьвюю, въ Кришь, на брега быспрошечной Оаксы;

Иль къ отдѣленнымъ водой опъ цѣлаго міра Британцамъ.
Знашь, покинувши разъ, ужъ вѣкъ не видашь ни ошчизны,
Ни дерноваго крова родительской хвины пѣсной.
Знашь, никогда не порадуясь жатвой я прежнихъ помѣстевъ.
Вонь свирѣпый хозяиномъ нивъ вновь вспаханныхъ мною!
Барвару жатва! Вотъ до чего довели насъ несчастныхъ.
Гражданъ раздоры! Вотъ для кого мы поля удобряли!
Другъ-Мелибей, прививай шеперь свои груши и рядомъ
Грозды сади. Ступай, мое прежде счастливое сиадо,
Козы, шеперь ужъ я возлежъ въ зеленомъ вершепъ,
Васъ не увижу опважно висящихъ на камнѣ кустистомъ.
Больше пѣсенъ не пѣть мнѣ! больше козъ не гонять въ лугъ,
Гдѣ щипали онѣ и ракишу и горькую иву.

Т и ш и р ь .

Переночуй у меня, отдохни отъ дороги, покойся;
Послана мягко постель изъ листьевъ зеленыхъ, и много
Сладкихъ яблоковъ, свѣжихъ кашпановъ, вкуснаго сыру.
Видишь, какъ дымъ изъ трубъ деревенскихъ вѣпся — и шѣи
Съ горъ высокихъ въ долины спускаясь, длиннѣй становятся.

Съ Лашин. *Воейковъ.*

УТЪШИТЕЛЮ-ДРУГУ.

Тебѣ ль понять мое мученье
И осушишь испочинишь слезъ?
Къ чему мнѣ дружбы утѣшенье?
Оно вечерній лучъ небесъ,
И благошворный, и оправднй,
Когда онъ блещетъ, серебришь
Ульковѣченный гранишь,
Но не согрѣетъ камень хладный.
Ужъ я знакомъ съ моею тоской,
Я раздружился съ упованьемъ;
Издавна цѣлю роковой
Ее гоняшеть Геній мой
Связалъ съ моимъ существованьемъ;
Изчезну я, какъ призракъ сна,
Какъ искра яркая на снѣгъ,
Какъ въ шумъ бранномъ шпшина,
Какъ одинокая волна,
Забыта бурю на брегъ.

Ал. Шляшковъ.

Къ Полинѣ.

Полина милая! я видѣлъ и не разъ,
Какъ юноша одинъ искалъ съ тобою встрѣчи;
Какъ не сводилъ съ тебя онъ глазъ;
И слушалъ только твои рѣчи. —
И какъ на праздникахъ большихъ,
Куда красавицы столицы всей сбирался,
Не замѣчалъ онъ взоровъ ихъ,
Которые къ нему съ любовью устремлялись
Онъ видѣлъ лишь себя, и тайно наблюдалъ
Мальйшее твое движенье. —
И паялъ, и пылалъ, и весь былъ восхищенъ,
Когда твой взглядъ встрѣчалъ.
Не знаю, отъ чего и ны тогда вздыхала,
И было у тебя задумчиво лицо,
И очи черныя печально опускала
На брачное свое кольцо.

1. 3.

Могилевъ на Днѣпрѣ.

Жилище Рыбаковъ.

Нева, подъ бурю, кипитъ,
Волною волну погоняетъ;
На паляхъ высоко избушечка стоитъ;
И флагъ надъ ней гуляетъ
И спашные живутъ шамъ рыбаки,
Все Волжане и уроженцы съ Волги,
Поютъ и стъшь плещутъ въ осенни ночи долги
И ладятъ рѣзвые подъ неводъ челноки
Спокойны! ихъ душа не ноетъ;
И сладко снится имъ во снѣ,
Когда шумитъ въ туманной вышинѣ
И въ пророщникахъ пропьяно воешь

Ө. Г. Глинка

Печаташь позволяешся: Маія 6-го дня, 1826 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

А. Воейкосимъ.

Май, 1826.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЗА.	Стр.
Второе письмо изъ Омска. — Къ Графинь Н. Н.	65.
Повѣдка въ Петергофъ 22 Юля	75.
Библиографія. — Въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА	96.
Кришка	101.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Повѣсть	105.
Величаніе	—
Щербинскому	107.
Изображеніе Зевеса	—
Первая разлука. (Изъ Ламаршина)	108.
Четыре времени года. (Ошрывокъ изъ Делле- вой Поэмы: Сельскій житель).	110.
Пѣнь Старца	113.
Друзьямъ	114.
Эпиграмма	115.
Свиданіе	—
Лилеть	117.
Тополь и виноградъ	—
Къ Делли	118.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печашано въ Военной Типографіи.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

Май, 1826.

П Р О З А.

Второе Письмо изъ Омска.

Къ Графинѣ Н. Н. Февраля 5 1826.

Вы забыли меня, прекрасная Графиня; не уже ли я не спую болѣе вашего вниманія? Сосѣдь Киргизовъ, искренній почишатель вашихъ досшюиншвъ, не переродился въ дальной сторонѣ; онъ шакъ же, уважая приличіе, не изъ одного приличія, любить прекрасное, и хопя вы шакого мнѣнія, что примѣры сильно дѣйствуютъ на привычки, онъ не слѣдуетъ обычаямъ ни высокорожденныхъ Сулпановъ, ни многомудрыхъ Беевъ, до сихъ поръ не измѣняетъ своего наряда и въ душѣ увѣренъ, что былъ бы весьма смѣшенъ даже и въ маскарадѣ, явившись

Съ обрешой гладко головой,

Прикрышой плошно аракчиномъ (1)

Въ ягъ (2) мохнакой, лошадиной

И съ каблуками подъ пяшой

(1) Родъ скуфы, которою всѣ Киргизы прикрываютъ голову.

(2) Верхнее теплое платье, сшитое изъ кожъ молодыхъ жеребятъ, шерстью обращенныхъ въ наружную сторону; лучшими почи-

Вершка въ чепыре съ половиной,
Въ остроконечномъ тумакъ, (1)
И для Киргизской полной пары
Надѣвши гладкія чепбары; (2)
Безъ нужды въ Рускомъ кушакъ
Когда бы ксеномъ (3) обтянулся,
И съ ногъ до головы и внизъ,
Куда бы лишь ни обернулся,
Быль чистой, записной Киргизъ.

Ныпъ, вашъ спраникъ на-долго еще сохранитъ
нарядъ, въ кошоромъ онъ почиталъ себя шакъ без-
конечно счастливымъ, въ то время,

Когда на въпреномъ гуляньѣ
Онъ вамъ поварищемъ служилъ,
Чтобъ вашихъ прелестей въ сѣньѣ
Другимъ онъ не замѣнъ былъ.
Вся роскошь радостей столицы
Тогда въ глаза мелькала мнѣ,
Но вы мнѣ видѣлись одиъ,
И я названье вамъ Царицы
Давалъ въ сердечной шпшинѣ . . .

Или въ то время,

Когда улыбкою прелестной,
Графиня, только вамъ пзвѣстной,
Дарила иногда, шуля,
Меня, счастливое дитя.

паюшел черного цвѣша, что случается весьма рѣдко; низъ
подбивается нанкою, а иногда парною.

- (1) Особого покрою шапка остроконечная изъ кожи, шерстью
обращенная въ-наружу.
- (2) Чепбары, плашье изъ кожи.
- (3) Родъ кушака или пояса изъ ремня, украшенный желзною или
медною ошдылкою.

Или въ шѣ мгновенія,

Когда съ довърчивостью сладкой

Вы были тайнымъ анонимъ,

И мнѣ швердили по украдкой,

Что говорили въ слухъ другимъ.

Графиня! воспоминанія прошедшаго имѣють въ себѣ какую-то очаровательную прелесть, какое-то неизъяснимое наслажденіе: опть того-то я люблю жишь въ прошедшемъ, люблю приводить себѣ на память даже обыкновенные случаи жизни, люблю воспоминашь по время,

Когда коротко вамъ знакомый,

Я смѣло возлѣ васъ мечталъ,

И въ ваши милые альбомы,

Что сердце думало, писалъ

Настоящее для меня совсѣмъ незаманчиво; это картина, кошорая недокончена; это инструменпъ, кошорый ожидаетъ игрока; кто скажетъ, какіе звуки создастъ воображеніе музыканпа, что родится подѣ кистью художника? — Чувствовали ли вы, Графиня, душевную радость, внимая давно знакомымъ звукамъ, разсматривая знакомую прежде картину какого-нибудь Генія-Аршиста? Я живу эшою радостію, опть того-то душа шакъ рвется къ вамъ

Вы спрашиваете меня, что я дѣлаю, чѣмъ занимаю себя въ моихъ досугахъ? — не соскучьшесь; я расскажу вамъ. Узнашь, съ кѣмъ живешь, еспь первая обязанность челоуѣка въ обществѣ, и для того-то я понемногу спзираюсь ознакомиться съ Липей-

ными Сибирскими Козаками, которые составляютъ цѣпь Имперіи отъ редуша Сибирскаго до редуша Малонарымскаго и отъ крѣпости Усыткаменогорской до крѣпости Кузнецкой на разстояніи болѣе 2,400 верствъ въ числѣ 36,398 человекъ (1) обоюго пола.

Раздѣленные на 10 полковъ, каждый въ 5-ши сотняхъ, (2) сіи воины-земледѣльцы, заселили собою 19 крѣпостей, 19 форпосшовъ и 96 редушовъ, и образовали въ продолженіе вѣка новое поколѣніе, носящее отличныя, имъ свойственныя привычки и обычаи, несходные не только съ обычаями поселянъ Рускихъ, но и Сибирскихъ.

Возьмите, Графиня, каршу Сибири, прищипте Редушъ Сибирскій, и слѣдуйте за мною; я расскажу вамъ наскоро, что отъ сего редуша до крѣпости Пешропавловской Сибирская Линія принимаетъ названіе *Тобольской* (прежде она называлась *Новою*, какъ видно изъ бумагъ бывшихъ начальниковъ Сибирскихъ линій), отъ сей крѣпости до крѣпости Омской, главной на Линіи съ 1765 года (до 1765 года симъ правомъ пользовалась крѣпость Ямышевская, а съ означеннаго года по предспавленію Генерала Шпрингера, и по уваженію изложенныхъ имъ причинъ, весь архивъ Ямышевской крѣпости перевезенъ въ

(1) По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ Сибирскомъ Козачьемъ войскѣ считается служащихъ 6,602, нестроевыхъ 2,085, уволенныхъ за старостію лѣтъ (ненесущихъ службы) 2,125, дѣшей малолѣтнихъ 8,136, женскаго пола 17,450, всего 36,398.

(2) Въ настоящее время всегда около 600 человекъ и болѣе.

Омскъ, который и объявленъ главною крѣпостию) именуется *Горькою* по недоспашку прѣсной воды, или *Ишимскою*. — Далѣе линія склоняется на Югъ и часть оной до Устькаменогорска именуется *Иртышскою*; отъ сей крѣпости на Югъ до Бухшармы, линія называется *Бухтарминскою*, а на Сѣверо-Воспокъ до Кузнецкой крѣпости — *Кузнецкою* или *Колыванскою*; послѣдняя не составляетъ нынѣ кордона Имперіи, а находится вся въ предѣлахъ Государства.

Если я скажу, что съ 1716 года сдѣлано первое основаніе заселенію Сибирскихъ линій, заложениемъ по рѣкѣ Иртышу нѣсколькихъ крѣпостей, форпостовъ и маяковъ, и что въ сей годъ заложена крѣпость Омская; если скажу, что крѣпость Бухтарминская, ближайшая къ предѣламъ Кипая, есть новѣйшая: то уже скажу довольно на первый разъ, чтобы не наскучить вамъ, продолжая письмо свое *ученымъ тономъ Статистика*; мое честолюбіе не простирается до имени ученаго, я набрасываю въ письмахъ къ вамъ то, что узнаю случайно, опдѣльно и не въ цѣломъ; ибо знаю, что для описанія цѣлаго поколѣнія людей должно имѣть счастливое перо и наблюдательный умъ, а я не имѣю ни того, ни другаго; послѣ этого, считайте мои письма записками солдата безпечнаго, иногда лѣниваго, имѣющаго предметомъ напомнить вамъ о себѣ своими разсказами и занявъ нѣсколько досуга, оставленнаго вамъ условіями большаго свѣща. Просшите мнѣ, если я, увлекаясь своимъ образомъ мыслей, иногда

ошибаюсь, и причислю къ своимъ достоинствамъ все удачное въ моихъ письмахъ, ибо вашъ Геній одушевляетъ меня вездѣ: имъ руководимый, я мечталъ на берегахъ родной Невы, имъ воображаю и въ пустынныхъ степяхъ подъ шумомъ влывшихъ волнъ лѣниваго Ирпыша.

Но, обратимся къ козакамъ.

Обязанный по службѣ посѣщая обширныя степи далеко на Югъ за Ирпышемъ, козакъ Сибирскій часто мчился по горамъ Алашау, вдоль пустынныхъ рѣкъ Сарысу и Нуры, въ пескахъ Коканіи, или по берегамъ шумной Сыръ-Дарьи. Его знакомцы кочуютъ близъ озера Балгаши (1) и близъ моря Аральскаго; торговля связи сдружили его равно съ купцомъ Коканскимъ и съ шаршиною Закаменныхъ Киргизъ; оборотливый въ расчетахъ кунческихъ и отважный въ заграничной — шакъ здѣсь называемой — службѣ, Ливейный козакъ Западной Сибири есть душа степи. Но не смотря на сіе, возвращаясь изъ ошлучки, онъ по прежнему становится въ своемъ редушѣ мирнымъ воздѣлывателемъ благодарной земли.

Въ настоящее время обширныя заведенія увеличили въ войскѣ богатство общественное, и счастливыя заведенія дослѣдочно образовали понятія новаго поколѣнія. Не принимая на себя смѣлоспи, по недослѣдству необходимыхъ свѣдѣній, представивъ полное описаніе сего сословія, ниже описѣвши или

(1) Иначе называемое Тенисъ. Слово Балгаши значитъ неприслупный; ибо сіе озеро окружено солонцами, а въ иныхъ мѣстахъ бологомъ.

сдѣлать, пакъ сказаць, осязашельнымъ характеръ
Линейныхъ козаковъ Сибирскихъ, споль несходный,
споль измѣняющійся на большомъ просяженіи линіи
онъ естесствениаго вліянія климата и дѣйствій
Природы, я скажу въ отношеніи моего любимаго
предмета, на которій я особенно обратилъ вни-
маніе, что чувство иногда живетъ въ сердцахъ ихъ
и изливаешся въ счастливыхъ выраженіяхъ; но
этого иначе и быць не можешъ; самая жизнь и
служба Линейнаго козака, ешь уже Поэзія; пред-
ставьше себѣ, Графиня, что рядовой козакъ
посланъ во вѣдшій округъ передаць какое-ни-
будь приказаніе заграничному отряду, онъ на вѣр-
номъ конѣ - товарищѣ переплылъ родимый Ир-
тышъ, поклонился дому отцовъ своихъ, послалъ по
вѣпру поцѣлуй своей кропкой женѣ, перекрестился
и —

Мчится по степи съ овсагой
Одинъ лишь съ пикой и ружьёмъ,
Въ пуши рѣва, плывешъ онъ влагой,
Предъ кимъ гора, — ленишь орломъ;
Но за границею далекой
Спряжипъ онъ часто вздохъ глубокой
Въ родной редушь, въ свой домъ прошлой, —
Тамъ ждець его души подруга,
Съ участьемъ радостный привѣшь,
И часъ безпечнаго досуга,
И съ нимъ забвешъ прошлыхъ бѣдь.

Я понимаю его воспоргъ, эшонъ избытокъ радости
сердца, когда онъ, исполнивъ препорученіе, заносишь

ногу въ дружное спремя, ласкаетъ своего добраго
коня - товарища и уже заранѣ видишь Крестъ
Божьяго храма въ своемъ шихомъ редушѣ, кошорый сми-
ренно высился надъ соломенными кровлями домовъ.

Мнѣ ль описать его возвращъ
Перомъ упрямымъ, непокорнымъ,
Когда исполнивши нарядъ,
Быспрый мечшы своей проворной
Коня спраной пустынной мчишь?
Напрасно занявшись (1) поляна
Рѣкою огненной горить,
И верхъ сшепнаго великана (2)
Снѣгами въ лѣпной зной покрывъ.
Напрасно мой Козакъ лепить,
Долиной, полемъ и горами,
Непроходимыми снѣгами;
Ему вездѣ свободный пушь,
И вошь вблизи Иршышь родимый,
Табунъ веселый, конь любимый,
Еще — и видишь свой приюшь
И на крыльцѣ его свѣщницы
При блескѣ свѣщныя денницы,
Козачьи юныя поюшь
Съ его подругой молодою....

Вы вѣрно любопытствуете, Графиня, узнать
пѣсню, кошорую поешъ красавица; печаль и чувство
напомнили ей о пѣснѣ знакомой, кошорую она много

(1) Часто въ лѣпнее время гусная трава въ степяхъ ошь безпеч-
ности выжигается Киргизами; случается, что сии пожары полей
распространяющяся на невѣроятное пространство и въ
пламени погибающъ спада, а иногда и люди.

(2) Алашау.

разъ слышала отъ своей кровной, копорую пѣвала
ея сеспра, когда ея мужъ ходилъ въ оспрядѣ N. N.....
тѣ сшепъ искашь Ченчарь-Сулшана, еще въ бывалые
годы ея дѣшсшва. —

Ты не грѣй лѣня красно солнышко,
Ты не жги меня какъ праву въ сшепи,
Я безъ мшлаго въ одиночествѣ
Сохну въ горестпи, вяну въ младоспи.
Чшо ты спелешься по сшепи буранъ?
Чшо наводишь вдругъ поску на сердце?
Ты въ порывѣ бурь, мнишся, шепчешь мнѣ:
Неворотится радосшь-другъ къ шебѣ,
Не ласкашь ему жену вѣрную,
Не поишь коня въ Ирпышѣ родномъ,
Онъ закрылъ глаза на чужой землѣ. —

Я перепишу вамъ, какъ помню, еще одну изъ на-
родныхъ пѣсенъ ихъ: обманушая дѣвушка говоришь
о измѣнѣ своего любезнаго, слѣдующимъ образомъ:

Ты долпна, долинушка,
Раздолье широкое,
Помнишь, въ лѣтѣ красное
На шебѣ долинушка ..
Вырасшала рощица
Мѣлкая, зеленая?
Помнишь, какъ за рощицей
Заря занималася,
И по небу дальнему
Солнышко кашплося?
И зимой по прежнему
Видно на долинушкѣ,
Какъ свянное солнышко

По небу далекому
Кашится играючи;
Но зимою солнышко
Грѣтъ не по лѣтнему,
Такъ и любишь дѣвушку
Козакъ не по прежнему. —

Не знаю, принадлежишь ли послѣдняя пѣсня собственно сей сиротѣ, но, Графиня, увѣряю васъ, что я самъ слышалъ ее много разъ въ моихъ прогулкахъ.

Вы задремали опъ моего многословія? Добрай ночи, прекрасная Графиня!.....

В. Карлгофъ.

Поездка въ Петергофъ 22 Юля.

(Письмо.)

Оно прошло, какъ сновидѣнье,

Сіе блестящее круженіе!

Ө. Глинка.

Не брани меня, Л. Д., за долгое молчаніе. Тогда, какъ ты въ шишинѣ деревни ломалъ голову, спараясь ошгадашь, ошъ чего шакъ долго не получаешь ошъ меня писемъ, швой другъ не могъ цѣлую недѣлю приняшься за перо, будучи ослѣпленъ и оглушенъ шоржесшвомъ цѣлаго Пешербурга, ушпремившагося за 26 верспъ ошсюда въ Имперашорскій увеселишельный Дворецъ Пешергофъ, и увлекшаго меня въ своемъ спремленіи съ собою. Послѣ здѣшняго однообразія, необыкновенный блескъ и шумъ Пешергофскаго праздника произвели въ головѣ моеи шакой хаосъ идей, кошорый шеперь шолько начинаешь ушшупать въ ней мѣсно порядку. Когда на первое ушро, по моемъ возвращеніи, я проснулся, и увидѣлъ около себя шѣ же предметы, кошорые окружали меня и до ошѣзда, мнѣ показалось, что пушешесшвіе мое въ Пешергофъ было прелесшный сонъ: слѣдешвіе разгоряченнаго воображенія, взволновавшаго кровь мою. Подобное чувштво возбуждалось иногда во мнѣ послѣ шумнаго бала, когда на другой день среди шишины, въ ушахъ моихъ ошзывались вчерашнія мазурки и вальсы; а

въ глазахъ, какъ будто сквозь шуманъ, мерещились личики вчерашнихъ красавицъ съ очаровательною улыбкою на устахъ и съ прелестью въ очахъ, наводившею на меня сладкую унылость и расположение марасть бумагу, п. е. писать списхи. Праздникъ 22 Юля въ день Тезоименишества ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, Вдовшвующей Императрицы, ешь единшвенное время въ году, въ кошорое здѣсь соединяющся всѣ классы народа, и съ какою-шо жадношю, несоошвѣшсшвующею ошличительному характеру здѣшнихъ жишелей, вообще пошполюному и равнодушному, спремашся къ наслажденіямъ. Пешербургъ на два или на шри дни чрезвычайно пушѣшъ: большая часшь лавокъ въ немъ запираешся; шракширы перевозяшся на мѣшо общаго спеченія; на улицахъ бродяшъ одни домошды, спарики, дѣши и больные здоровьемъ и — карманами; лишь изрѣдка нарушаешся шишина кандишерскихъ, звономъ приблишаго въ дверяхъ колокольчика, возвѣщающимъ пасмурнаго чиновника, пришедшаго выпишъ ошь скуки спаканъ кофе и развлечъ мысли новыми книжками и лисшками Журналовъ, между шѣмъ, какъ на мѣшѣ праздника гремашъ оркештры, блещушъ огни, шумашъ фоншаны и волнуешся шолны веселящихся.

На канунъ праздника, весь городъ былъ въ движеніи; вездѣ говорили шолько о праздникѣ и всякой дѣлалъ свои распоряженія; эшошъ день походиль бы на суббошу передъ Свѣшлымъ Воскресеньемъ; если

бы не примѣшно было, какъ городъ пустилъ часъ ошъ часу болѣе. И въ экипажахъ, и на пароходахъ, и пѣшкомъ, и на маленькихъ судахъ спѣшили въ Пешергофъ жители столицы. Въ день шоржества опсправился я на Бершовъ заводъ, опскуда опходящъ пароходы, и боялся незаспашъ ни на одномъ изъ нихъ мѣста; шакъ много спремилось шуда въ одномъ со мною намѣреніи. Присшанъ предспавляешъ въ эшопъ день любопышное зрѣлице: безпрестанно прибывающъ шуда новыя лица и пѣшкомъ, и въ экипажахъ. Всякой спѣшишъ заняшъ мѣсто на пароходѣ; предъ глазами опскрывается заливъ, по споронамъ— ушья Невы и Черной рѣчки; на лѣво блеспишъ шпиль Екашерингофскій; зеленая опушка Гушшуева и деревянные демики Васильевского опшрововъ заслоняющъ даль и служащъ преградою для взора нешерпѣливыхъ, воображающихъ уже море и опдаленный берегъ Пешергофскій; имъ уже кажешся, что ихъ пароходъ, споящій какъ-бы пригвожденнымъ къ землѣ, ошъ нее опдѣляешся и съ шумомъ уходитъ на просшоръ къ предѣламъ видимаго ими горизонша.

Но вошъ пароходъ наполнился; уже въ каюшѣ и на лавкахъ палубы заняшы все мѣста, и опоздавше составляющъ на срединѣ верхняго дека споящія группы. Въ ожиданіи опшлышя, одни, привлеченные запахомъ кушанья, пригошворяемаго на палубѣ въ желѣзной печкѣ, сходящъ въ низъ и завшракающъ; другіе любующся видами Галерной гавани, Бершова завода и *Екатерингофа*, и шеряющся взоромъ въ

дали, или спокойно курящъ сигары и наблюдающъ физиогноміи своихъ спутниковъ. Но наконецъ перепѣвнѣе обнаруживается; всякой спрашивается: *скоро ли?* — И вопъ изъ высокой желѣзной трубы за клубился черный дымъ; ударили въ колоколь; дымъ повалилъ сильнѣе; Лоцманъ сжалъ у колеса и устремилъ взоръ впередъ, ожидая знака; ударили другой разъ, — прешій — и слышанный досель глухой шумъ внутри парохода, поспешенно усиливаясь, превратился въ шумъ огромныхъ колесъ его, взрывающихъ поверхность воды, и между нами и берегомъ показалось пространство. Зазвенѣли цимбалы, и изъ подъ проворныхъ першовъ Жида раздались прелестные звуки знакомаго всѣмъ вальса изъ Фрейшица. Пароходъ уже далеко ушелъ отъ берега, оставляя за собою длинную и глубокую борозду въ водѣ и улетающее назадъ облако дыма въ воздухъ. И вопъ мы уже вышли изъ ограниченнаго пространства, съснявшаго наши взоры; намъ открылась необозримость залива и новые прелестные виды.

Ужъ Петербургъ отъ насъ, какъ пышный сонъ бѣжишь,
Чуть видны острова съ зелеными елями,
И дома съ флагами и башни со шпильями.
На лѣвомъ берегу мелькаешь Монастырь,
И мыза *Стрѣльная* съ дворцомъ своимъ бѣлѣшь;
Кругомъ по берегамъ, то дача, то пустырь;
Вдали *Кронштадтъ* и *Сестрорецкъ* сплещь.....
Спокойствіе погода. — Тишина,
И стекловидная поверхность водъ ляснѣшь,
Какъ лясный слогъ *Карамзина*,

Какъ вѣрная земныхъ событій повѣсть,

Какъ въ чувствѣ правоты свѣшляющая совѣсть. (*)

Я жалѣю, Л. Д., что тебя не было въ эпоху день со мною; а въ полной мѣрѣ изобразить тебя удовольствіе, доставленное мнѣ симъ путешествіемъ, я не умѣю. Представь себѣ подѣ прекраснымъ, свѣшлымъ небомъ, на обширной, блестящей отъ солнца равнинѣ водѣ, живописный пароходъ нашъ съ своею высокою зубчатою шпубою, изъ которой валитъ густой черный дымъ, развѣваясь надъ нею по воздуху, какъ перья на шлемѣ баснословнаго богатыря, и на сей огромной машинѣ болѣе 200 человекъ разнаго пола, разныхъ земель, разнаго сословія, разнаго возраста; шуть подлѣ Жида ты видишь Англичанина въ короткомъ своемъ фракѣ; подлѣ Нижегородскаго купца съ окладистою бородою — рыжаго, длиноволосаго Финна; шамъ Гвардейской Офицеръ въ прекрасномъ своемъ мундирѣ — и рядомъ съ нимъ ученый Нѣмецъ съ важною фізіогноміею и съ очками на носу; здѣсь Армянинъ въ длинномъ кафтанѣ разговариваетъ съ Нѣмецкимъ ремесленникомъ; шамъ мапрось съ Ярославскимъ кресшьяниномъ, а подлѣ нихъ мечтаетъ объ ожидающихъ его удовольствіяхъ щеголь, завернувшись въ синій плащъ, подбитый алымъ бархатомъ. И всѣ, отбросивъ на время свои заботы, кошорыхъ здѣсь у каждаго шакъ много, предаются одному общему чувству веселости и дружелюбія. Прибавь къ шому прекраснѣйшій лѣтній день, жаръ солнца,

(*) Стихи О. И. Глинка. Сѣверн. Пчела, No. 91.

умѣряемый прохладою воды, необозримость водъ и живописныя окрешности. На право *Лисій Носъ* и вдали чужь видимый Кроншпадць. На лѣво Сергѣевская Пущыня и Спрѣльна — и шы будешь нѣкошорымъ образомъ раздѣляшь со мною мое удовольствіе. По временамъ пробѣгали мимо насъ другіе пароходы, уже бывшіе въ Пешергофъ, и шеперь спѣшившіе въ Пешербургъ за новыми пассажирами; въ одно мгновеніе мы встрѣчались и уже убѣгали другъ опъ друга: шакъ быспрѣ казался намъ бѣгъ ихъ, опъ бѣга собсшвеннаго нашего судна.

Но вопъ скоро 2 часа, какъ мы выѣхали; одни изъ насъ уже наглядѣлись, другіе наговорились досыща; до Пешергофа осшалось не далѣе двухъ версшъ; цимбалы зазвенѣли снова и сердца наши забились пріашнымъ ожиданіемъ; прежде всего опкрылись намъ впереди на разспояніи пушечнаго выспрѣла опъ берега нѣсколько яхшъ, прекрасно убранныхъ разноцвѣшными ширинками, по шомъ самая пріспаць, покрывая волнующимся народомъ — и за нею садъ, въ кошоромъ виденъ огромный щипъ, пригошовленный для огненнаго вензеля Августѣйшей Именинницы. Пароходъ принялъ въ-лѣво, привалилъ, — и мы вышли на берегъ, или лучше сказашъ, на плошину съ гладкимъ деревяннымъ помещомъ и съ перилами; сквозъ шолпы, изъ кошорыхъ одиѣ выходили изъ густошы сада полюбовашся видами взморья, и прибывшаго парохода, а другіе насышившіе зрѣлищемъ залива, возвращались назадъ;

пошли и мы въ садъ, по насыпи укрѣпленной огромными валунами, предчувствуя уже ожидающія насъ удовольствія по глухому шуму, слышимому внутри его и возвѣщающему вмѣстѣ и нѣмое удивленіе прогуливающихся при видѣ красоть его, и приготовленіе шоржества блистательнаго и великолѣпнаго.

Признаюсь тебѣ, Л. Д.! что не бывъ никогда въ Пешергофѣ, я поѣхалъ туда для того, что ѣхали другіе; ожидалъ видѣшь съ искусствомъ расположенный и украшенный садъ, множество гуляющихъ — и шолько! Но войдя въ садъ, я долженъ былъ согласиться, что мое воображеніе никогда не создало каршины, подобной той, которая предстала глазамъ моимъ. Вдоль крышыхъ аллей и между зелеными деревьями, серебрились пруды и плескались фонтаны; шумъ водъ, ихъ прохлада, разливая въ тѣни сада, среди знойнаго дня, доставляли душѣ какое-то особенное наслажденіе, знакомое ей шолько изъ волшебныхъ сказокъ и изъ картинъ Азіатской роскоши; на каждомъ шагу привѣщивали меня новые фонтаны; прекрасно согласуясь печальнымъ своимъ видомъ и однообразнымъ шумомъ съ темною аллей и съ густымъ цвѣтомъ зелени, они наводили на душу чувство пріятнаго унынія, и разливали въ ней сладостную нѣгу; одни изъ нихъ напоминали древнія урны подъ сѣнью кипарисовъ; другіе — въ видѣ свѣшлыхъ спекляныхъ колпаковъ, обливали свои сосуды; въ густотѣ сада, въ уединенныхъ мѣстахъ стояли большіе сосуды; въ нихъ:

Прохладно-свѣтлыми струями

Журчать во мраморъ вода,

И каплетъ хладными слезами,

Не умолкая никогда;

Такъ плачешь мать во дни печали

О сынѣ падшемъ на войнѣ. (*)

Безчисленные толпы прогуливающихся нарушали тишину сего прелестнаго мѣста, однимъ нѣмымъ шорохомъ шаговъ своихъ, придававшихъ ему какую-то таинственность. Казалось, что всякой входилъ подъ своды аллей, какъ въ роуцу древнихъ Друидовъ, какъ въ какое-нибудь святилище, или какъ въ волшебный садъ какой-нибудь Феи.

Но когда я вышелъ изъ аллей подъ открытое небо, представившееся мнѣ зрѣлище ослѣпило меня своимъ блескомъ; внезапный шумъ оглушилъ меня; голова у меня закружилась; мнѣ показалось, что на меня слѣзло очарованіе; блестящія описанія Тасова Иерусалима и Виландова Оберона оживились въ моей памяти; островъ Калипсы и сады Армидины явились моему воображенію. Представь себѣ вознесенный на высокую ошвѣсную гору великолѣпный Дворецъ, пышно и ярко блестящій лучами солнца, горящаго надъ нимъ на обширномъ голубомъ небѣ:

Das Königsschloss mit Goldgeschmückten Zinnen
Erhebt sich dort am Hügel stolz und fest,
Nichts schönes lässt in Träumen sich ersinnen,
Was nicht sich da noch schöner schauen lässt. (**)

(*) Прекрасные стихи изъ Бахчисарайскаго фонтана, кромя первого.

(**) Die bezauberte Rose von Schuitze.

Вообрази, внизу надъ свѣжею изумрудною зеленью пространной равнины, какъ перлы и алмазы блестящіе и шумящіе по землѣ и въ воздухъ; струи и потоки водъ, изъ которыхъ одни, вырываясь изъ бѣлыхъ бугровъ кипящей пѣны, летящъ подъ небеса, и свѣтлою серебряною пылью, кажется, засыпающъ солнце, другіе переливаясь прозрачною зыблущеюся пеленою, и въ тысячѣ мѣстахъ отражая отъ зеркальной своей поверхности лучи солнца, кажутся осыпанными безчисленными искрами, разливающъ вокругъ яркій блескъ и производящъ около себя въ воздухъ прекрасныя радуги. И все блестящъ, все какъ-бы горитъ разноцвѣтными огнями, вездѣ лепишъ, брызжешъ, шумишъ вода, и разливаешъ въ воздухъ отрадную свѣжесть; измѣнившись въ существѣ своемъ, она принимаетъ образъ, и какъ Хамелеонъ явлешся въ тысячѣ различныхъ видахъ: здѣсь, какъ гора алмазовъ, переливается на солнцѣ водяная пирамида; тамъ изъ пастби змѣи, обвившейся вокругъ челоуѣка, какъ зарядъ изъ пистолета лепишъ горизонтальная водяная струя; тамъ съ кровли павильона съ шумомъ спускаешся жидкая, какъ серебряная шкань, блестящая завѣса; тамъ Тритоны и Дельфины разбрасывая около себя воду, производящъ прозрачныя водяныя своды, которые переплетаясь между собою, образующъ какъ-бы серебряную сѣтку надъ занимаемымъ ими пространствомъ; тамъ драконъ, лежащій на вершинѣ лѣщинцы, обливаешъ ее изъ своего зѣва во всю ширину свѣтлою холодною

рякою, пекущею по золотому дну, между двумя рядами урнъ, орошаемыхъ изъ самихъ себя водою; и изъ средины сихъ чудныхъ явленій, изъ пасши льва, раздираемой могучимъ Самсономъ, вылетаетъ какъ быстрая ракета, съ визгомъ и съ клокошомъ, водометъ, поражающій мысль, и изумляющій воображеніе. Ахъ! если бы ты видѣлъ, какъ несясь къ самому солнцу, онъ играетъ въ воздухѣ, какъ бѣлая пѣна его кипитъ вверху и осыпаетъ опшуда шонкими, едва примѣтными брызгами окрестность; какъ упавъ на одну секунду ниже обыкновеннаго, онъ съ новою силою взлетаетъ еще выше прежняго и заслоняетъ свѣтъ солнца облакомъ своей пѣны; щещно другіе фоншаны вокругъ него спремьясь въ воздушное пространство, какъ-бы слиясь съ нимъ сравнишь; они шолько увеличивающъ поржесство непобѣдимаго своего соперника. Нечаянно взглянувъ на Дворецъ, вообразишь, что видишь передъ собою чершогъ Царя водъ, предъ окнами кошораго собрались всѣ морекія божества, чшобъ усладитъ зрѣлищемъ игры влажной стихіи взоры своего Властелина. Эша картина поражаетъ умъ неожиданностію, чаруетъ воображеніе, наводитъ забвеніе на душу и совершенно отвлекаетъ вниманіе опъ всего окружающаго.

Когда первое впечатлѣніе, произведенное на меня симъ чудеснымъ, необыкновеннымъ зрѣлищемъ, прошло, и уступило въ душѣ моей мѣсто любопытству, я ешалъ замѣчать вокругъ себя другіе предметы, мало по малу начавшіе опкрываться мнѣ во всей

своей красотою и во всемъ разнообразіи. Вершина горы передъ Дворцомъ, огражденная прекраснымъ мраморнымъ балюстрадамъ, двѣ широкія лѣстницы, съ нее ведущія, площадка между ними передъ гротомъ, дышущимъ прохладою, на средину которой льется со всѣхъ сторонъ вода, открытое мѣсто внизу передъ Дворцомъ, занимаемое большимъ бассейномъ и ярко зеленѣющими долинами, на которыхъ серебрятся фонтаны, видимая длина аллея — все было покрыто народомъ, какъ море волнуемымъ, котораго бесконечно разнообразныя и различныя праздничныя одежды составляли пріятнѣйшую для зрѣнія пестроту. Я не замѣшилъ здѣсь того шеславія, которое обыкновенно на публичныхъ гуляньяхъ проглядываетъ сквозь всѣ движенія людей высшаго званія, ищущихъ отличиться отъ другихъ; напрошивъ, каждый, казалось, вполне предавался чувству наслажденія и былъ занятъ только красотою того мѣста, гдѣ онъ былъ; черта раздѣлявшая высшій классъ отъ низшаго, казалось, исчезла; и знатный не опасался унижить себя, обнаруживъ то же удовольствіе, которое оказалось и на лицѣ простолюдина; ушѣщительно видѣшь, какъ природное влеченіе сердца беретъ верхъ надъ свѣтскимъ приличіемъ, надъ законами холоднаго эгоизма! Любовь къ общественнымъ удовольствіямъ свидѣтельствуетъ, что еще нравы не испорчены, что голосъ природы не заглушенъ еще въ сердцахъ. Всѣ бродили отъ предмета къ предмету въ какомъ-

то разсѣяніи мыслей, не назначая себѣ цѣли; всякой увлеклся туда, куда что-нибудь новое его манило. Въ саду не было пустаго мѣста: одни обставъ каскадъ или берегъ бассейна, безмолвно смотрѣли на предметъ, привлекавшій ихъ вниманіе; другіе окружали какой-нибудь домикъ прекрасной наружности; третьи всходили на гору бросить отшуда взоръ внизъ, доставлявшій чрезвычайное удовольствіе; иные удивлялись, смотря на дерево, которе изъ всѣхъ своихъ листковъ бросаетъ воду, или на цвѣтокъ, изъ чашечки котораго также бьетъ вода; пречіе ушомаясь жаромъ дня, искали прохлады въ темныхъ аллеяхъ и уединенныхъ бесѣдкахъ, или сидѣли подъ которой-нибудь изъ двухъ колонадъ, обращенныхъ къ средоточію сада; надъ одной изъ нихъ, изъ ея шпиля шумѣлъ по золотому куполу частый дождь; изъ нихъ видѣнь былъ весь блескъ и многолюдство сего мѣста, Дворецъ и гора; между нѣмъ, разложенныя по сторонамъ широкихъ дорогъ, роскошныя произведенія оранжерей, привлекали взоры и разливали вокругъ пріятный свой запахъ; кандитерскіе и кофейные дома предлагали желающимъ угощеніе. Бѣлыя рамы, въ видѣ Арабскихъ пирамидъ съ зубцами и звѣздами, приготовленныя для иллюминаціи, и составляющія какъ-бы сѣтку на зелени деревьевъ, и огромный вензель МАРИИ съ короною и въ лучахъ, выставленный въ глубинѣ сада противъ Дворца, говорили о Виновницѣ сего торжества. Смотря на

всю эту картину, я вспомнил стихи одного из-
вѣстнаго нашего Поэта :

Тамъ гуль толпы, друзейъ здѣсь рѣчи,
И неожиданныя встрѣчи ;
Тамъ въ морѣ быстрой пароходъ
Везеть гостей ошь Невскихъ водъ,
А къ вечеру другіе виды :
Лишь Фебъ уйдетъ въ чертогъ Сешады,
Я зрю горящій водопадъ,
Звѣздами пещеренный садъ.
Вода чрезъ пламень покаплась —
И ночь въ день свѣтлый превратилась.

Петергофъ лежишь при Кронштадтскомъ заливѣ
на горѣ въ 60 фушовъ вышиною. Петръ I, копо-
раго сіе мѣсто напоминаетъ своимъ именемъ, осно-
валъ въ 1711 дворець Его, соорудилъ фонтаны и
развелъ сады. Послѣ Него, оно оставалось забытымъ
до Императрицы Елисаветы, которая его возобно-
вила, а Ея Преемники украсили новымъ блескомъ и
великолѣпьемъ

. дивный Петергофъ,
Жилище вышнее героевъ и боговъ,
Гдѣ Петръ Свой каждый шагъ означилъ чудесами,
Гдѣ море надъ главою, гдѣ море подъ ногами,
Гдѣ съ львовыхъ челюстей кипящая рѣка
Изъ бездны мрачныя лепишь подъ облака,
И водометы всей вселенной посрамляешь.
Такъ Царь величьемъ дѣлъ Монарховъ превышаетъ,
Такъ быстро создалъ флотъ, полки, престольный градъ,
Россію превратилъ въ великолѣпный садъ. (*)

(*) Повесть Сады.

Пешергофскіе фонтаны, къ которымъ вода проведена посредствомъ подземныхъ трубъ, изъ мѣстъ довольно опдаленныхъ, если не превосходящъ славныя водометы *Версали* и *Марли*, шо смѣло могутъ съ ними равняться. Великолѣпный фонтанъ *Самсонъ* бѣшъ на 30 фушовъ въ вышину; прежде онъ билъ еще выше, такъ-что брызги его окропляли Дворецъ; что и засшавило его понизить. Но если бы я сшалъ подробно шебъ описывать всѣ фонтаны, украшающіе сіе великолѣпное мѣсто: шо письмо мое, копорое и безъ того уже черезъ-чуръ длинно, превратилось бы въ книгу. Довольно, если я скажу шебъ, что едва ли гдѣ-нибудь найдешъ шы такое богатство и разнообразіе, какъ между ними. Въ Пешергофскомъ саду душа никакъ не упоминается, встрѣчая вездѣ одно и шо же. При Императорѣ Павлѣ I число каскадъ и фонтановъ было чрезвычайно умножено, и статуи, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ, поставлены бронзовыя и ярко вызолочены. Императоръ Александръ украсилъ Пешергофъ прекраснымъ балюспрадомъ предъ Дворцомъ и двумя еще прекраснѣйшими колонадами.

Кромѣ своихъ водъ и сада, Пешергофъ имѣетъ много достопримѣчательностей, заслуживающихъ особенное вниманіе и любопытство. Память великаго его Основателя живешъ еще въ двухъ построенныхъ Имъ бесѣдакъ: *Монплезиръ* (*mon plaisir*) и *Марли*; послѣднюю называлъ Онъ *mon bijoux*; въ первой изъ нихъ, спящей на берегу моря, хранился

кровашь, Его, съ кошорой Онъ часшо любовался видимымъ вдали Кроншадшомъ; посшелъ на ней ша же, кошорая нѣкогда ему служила. Внутреннія убранства Монплезира носящъ на себѣ оппечашокъ Голландскаго вкуса, споль близкаго къ характеру Петра I; не далеко опъ нее находишся купальня, успроенная Елисаветою Петровою: между высокими деревянными свѣтами подѣ голубымъ сводомъ неба находишся водоёмъ, представляющій всѣ удобности для прохладенія въ свѣсплыхъ спруяхъ его. На горѣ за дворцемъ находишся другой садъ, называемый верхнимъ: въ него проходишъ подѣ сводами Дворца, и шрое симметрически расположенныхъ ворошъ ведушъ изъ него въ поле; здѣсь въ день праздника можно видѣшъ все, что Сполнца представляетъ оппичнаго и блиспашельнаго въ экипажахъ своихъ, окружающихъ съ наружной спороны рѣшешку; задняя спорона Дворца, съ его величественною Церковью, съ пышными галлерейми, съ прекрасными зелеными шашрами, разбитыми подѣ него въ день шоржештва, даюшъ сему мѣспу особенную прелешъ. — Здѣсь гуляющіе, избѣгая многлюдештва, опдыхаюшъ въ шѣни деревьевъ, на мягкой шравѣ, или въ живописныхъ бесѣдкахъ; прелешные цвѣшники, съ кошорыхъ полдневный зефиръ свѣваешъ на воздухъ ароматы, услаждаюшъ здѣсь зрѣніе; посреди нихъ возвышаешся бронзовая группа, представляющая Нещуна съ окружающими его Морскими божештвами, увеселяющими его игрою водо.

Одна эта группа заплачена въ иностранныхъ земляхъ 60,000 гульденовъ. Тутъ же много другихъ фоншановъ, не менѣ прелестныхъ; изъ нихъ примѣчательнѣйшій бронзовой Аполлонъ, въ кошоромъ, шакже какъ и въ большой половинѣ спашуй, украшающихъ сады Пешергофа, искусство ошдѣлки спорить о преимуществѣ съ счастливымъ вымысломъ. — Кромѣ всего этого, въ Пешергофѣ особенно замѣчательны два заведенія: фабрика бумажная, доставляющая лучшую бумагу въ Россіи, и каменно-шлифовальная, на кошорой пригоовляющся прекрасныя вещи изъ драгоценныхъ камней, по большой части Сибирскихъ, для Дворовъ Императорской фамиліи.

Упошребивъ нѣсколько часовъ на ошопръ сихъ достопримѣчательностей, я возвратился къ Самсону.

Безчисленное множество спаканчиковъ, назначенныхъ для иллюминаціи, явилось на высокихъ узорчатыхъ рамахъ, вездѣ въ саду идущихъ на-ряду съ деревьями; въ разныхъ мѣстахъ сада гремѣла лучшая музыка Гвардейскихъ полковъ, приводившая въ гармонию идеи и ощущенія души, произведенныя въ ней многочисленными и разнообразными явленіями дня; въ гуляющихъ замѣшна была усталость; движенія ихъ были гораздо медленнѣе; насладившись удовольствіями прекраснаго дня, они, казалось, искали ошдыха. Тишина вечера располагала душу къ спокойствію; заходящее солнце позлащало послѣднимъ свѣтомъ стѣны Дворца и погасающими своими лучами играло на его стеклахъ; окрешныя

долины и верьхи деревь, озаренные умирающимъ его сіяніемъ, блиснали яркою зеленью. — И вошь догорѣли послѣдніе лучи его, и оно тихо и величественно спустилось съ свѣслаго, безоблачнаго горизонша въ холодныя волны залива; блѣдный свѣтъ вечерней зари покрылъ видимые предметы, и пріятная свѣжесшь, предвѣспница лѣшней ночи, разлилась въ воздухъ. Во Дворцѣ начиналася маскарадъ; пріѣзжающіе и опѣзжающіе экипажи съ прудомъ прошѣснялись сквозь толпы любопытныхъ, смотрящихъ на прекрасныя одежды собирающихся въ маскарадъ, на флеровыя домино, развѣвающіеся по блестящимъ мундирамъ. Едва можно было проползти къ главному крыльцу, и подь сводомъ Дворца пройти въ верхній садъ. Тамъ строились къ зарѣ солдашы; изъ оконъ Дворца лилось на зелень цвѣшниковъ начинающееся освѣщеніе; во Дворцѣ, какъ тѣни мелькали движущіяся челоѣческія фигуры.

Вдругъ зашипѣла внизу ракета и взвилась высоко на воздухъ; за нею другая, — шрешья — и все заблискало цвѣшомъ золоша и драгоценныхъ каменьеѡ, огонь въ золошыхъ нишяхъ разлился по зеленымъ сѣшнамъ сада, засверкалъ прекрасными рѣшешками по берегамъ прудовъ, очаровашельно ихъ опразившихъ, и на концѣ главной аллеи явилась великолѣпная огненная буква М.; все загорѣлось; безчисленные огни заблискали вокругъ Дворца и по горѣ. Воды озарились яркимъ сіяніемъ; казалось, что искусство сдѣлало въ Пешергофѣ заговоръ съ Природою.

чтобы въ эпошъ день безпрестанно изумляшь непригошовленные взоры явленіями необыкновенными, свѣрхъ-есшесшвенными: двѣ спшихи, враждебныя между собою опъ начала звка, соединились вмѣстѣ, чтобы произвести зрѣлище, едва имѣющее въ Природѣ подобіе: по огненному дну покашались легкою пеленою прозрачныя сребристыя каскады; за стекломъ водъ, съ верху до низу обливающихъ въ видѣ свѣшлыхъ хрустальныхъ колпаковъ высокія пирамиды и низменныя урны, разлился пламень; вода, преломляя лучи его, казалась веществвомъ свѣрхъесшесшвеннымъ, какъ-бы щекучимъ огнемъ, заключеннымъ въ форму, какъ-бы огненною пеленою, покрышою свѣшлымъ лакомъ; сребристая пыль фоншановъ, блестящая въ высошѣ, озаренной свѣшомъ безчисленныхъ огней, ошвѣчивалась всѣми цвѣшами радуги; все шумѣло, все предшавляло каршину вѣчнаго блисшашельнаго движенія; многіе фоншаны и каскады, скрышы опъ зрѣнія во мракъ деревьевъ, или въ самомъ блескѣ, но слышимыя вездѣ вокругъ, оглушали вниманіе; мысли и взоры разбѣгались; умъ искалъ въ сей пучинѣ чудесъ, предмеша, на кошоромъ бы могъ ошановишься, и не находя его, увлекался стремленіемъ. Толпы бродили между огнями и фоншанами, какъ шѣни, изумленные чудесами полей Елисейскихъ. Между шѣмъ надъ *свѣтлою горою* въ Царскихъ чершюгахъ блисшало освѣщеніе; шамъ мелькали группы шацующихъ въ роскошныхъ убранствахъ; опшуда, неслись звуки шумной музыки.

Вверху надъ нашими головами синѣлось небо, усы-
янное звѣздами и украшенное луною; оно сшемнѣло
опъ земнаго зарева; синева его, пурпуръ безчи-
сленныхъ огней, зелень деревьевъ и серебро фонша-
новъ, все эшо, сляніемъ цвѣшовъ сосшавляло шакое
цѣлое, кошорое навсегда останешся у меня въ
памяши.

Долго бродилъ я въ упоеніи по сей обихели ве-
ликолѣпныхъ чудесъ и очарованія; иногда ушомясь
шумомъ и блескомъ, удалялся я въ гущешу сада.
Какъ безчисленныя звѣзды горѣли огни за часшою
шканью лисшьевъ; на свѣжей зелени прелесшно мѣ-
шался шомный свѣтъ луны съ лучами искусшвен-
наго освѣщенія; съ другой шпороны сквозъ деревьевъ
блишало вдали море, осыпанное искраши лучей по-
луночныхъ; здѣсь я приходилъ въ себя, и какъ-бы
изъ долгаго пушешествія по *неземнымъ* шпрамамъ,
возвращался въ обьяшія природы, взлелѣявшей *зем-
ную* жизнь мою. Какая прошивоположностъ между
священною шишиною сего мѣсша и волненіемъ шого,
кошорое я ошавилъ! Какъ различны удовольствіа
шого и другаго! — Не шаковъ ли бываешъ всегда
переходъ изъ шумнаго свѣша въ шихій пріюшъ уеди-
ненія? — Не шолько ли жъ ласково встрѣчаешъ при-
рода дѣшей своихъ, кошорые прелешся приманкаши
суешности, ее покидали, и послѣ къ ней возвра-
щающся? — Но я вдыхалъ въ себя свѣжешъ ночи,
и снова повергался въ пошокъ забвенія и восшорговъ.

Наконецъ, усталость начала одо́лывать меня; я поспѣшилъ къ пристани. Крошко и привѣтливо блестяло безпредѣльное море, озаренное прекраснымъ свѣтиломъ; свѣжій ночной вѣтерокъ игралъ въ струяхъ его и въ воздухѣ, и съ легкимъ скрипомъ шевелилъ снасти угрюмыхъ пароходовъ, гошовившихся въ путь полночный. Мы оправились. — Каршина перемѣнилась; все прежнее исчезло,

Какъ обманъ, какъ упоенье,

Какъ мгновенный призракъ сна;

Лишь вдали виднѣлись еще догорающіе огни Пергофа; насъ окружало небо и море; тишину ночи нарушалъ только однообразный шумъ парохода, браздящаго море;

Jamque fere mediam coeli nox humidam metam

Contigerat: placida laxarant membra quiete

Sub remis fusi per dura sedilia nautae.

Cum levis aetheriis delapsus somnus ab astris

Aëra dimovit tenebrosam, et dispulit umbras.

Онъ явился ко мнѣ въ вѣтеркѣ, порхающемъ вокругъ насъ, который шайнштвеннымъ своимъ шопотомъ наводилъ сладкую дремолу, и, казалось, говорилъ мнѣ (*fudit has ore loquelas*):

... ferunt ipsa aequora classem.

Aequatae spirant aerae, datur hora quieti;

Pone caput, fessosque oculos furare labori. ()*

Между легкимъ, прерывистымъ сномъ, и полусоннымъ минушнымъ бдѣніемъ, провелъ я половину пущи; сновидѣнія мои сливались съ видимыми предметами

(*) *Aeneidos. Liber V.*

и представляли мнѣ призраки минувшаго дня, соединявшіеся съ предметами другихъ воспоминаній; я спалъ, и чувствовала, какъ въперокъ игралъ на лицѣ моемъ; видѣлъ лунное сіяніе, осыпавшее вокругъ меня искрами поверхность воды; чувствовала колебаніе парохода и слышала скрипъ снастей его. Около меня все шакже дремало; лишь изрѣдка раздавался говоръ на минушу проснувшагося пассажира. Но вѣсь небо побѣлѣло; спало свѣшлѣ; свѣжій въперокъ рѣзвѣ подулъ съ востока; пароходъ, какъ говоришь *Ө. Н. Глинка*, пошелъ *ходгье*; на палубѣ спало холодно; я сошелъ въ каюшу, и ошшуда

Я видѣлъ сквозь растворъ окна,
Какъ въ небѣ упреннемъ распаяла луна,
Въ водѣ удвоилась игривость;

Дремавшіе начали пробуждашься, —

..... в спало говорливо;

Повѣялъ упренникъ и облаковъ сѣдыхъ

Лешяшь послѣднія частички,

И *пассажирокъ* молодыхъ

Виднѣй хорошенькія лички (*).

Проснувшись, мы всѣ замѣшили, что слишкомъ долго ѣдемъ; скоро причина открылась: нашъ Лоцманъ, шакже какъ Палинуръ *Виргилія*, не могъ воспрощивишься внушеніямъ Сна, и хошя не упаль въ море, но сбился съ настоящаго пути; долго лавировали мы между фарватерами и не разъ возвращались

(*) Онъ же. Сѣв. Пчела. 1825, №. 91.

назадъ, пока, наконецъ, узрѣли желанный берегъ. Прежде показалась Галерная Гавань, пошомъ Бершовъ заводъ. — Пароходъ привалилъ — и мы вышли на берегъ.

А. Гальбовъ.

1825.

Августъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Въ Память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА.

Послѣ всѣхъ произведеній словесности, внутреннихъ единодушнымъ чувствомъ скорби и удивленія со времени кончины Императора Александра, Ему принесъ новую дань на Его гробъ писатель, кошорого дарованія вообще уважаются просвѣщенною частію нашей публики. Сочиненіе С. С. Уварова, Президентша Академіи Наукъ, посвященное имъ памяти Великаго Монарха, Кошорого мы лишились, достойно общаго вниманія, какъ по благородству чувствъ, шакъ по выдержанной высокости и изяществу слога. Съ умиленіемъ увидяшь въ немъ каршину достопамятнѣйшихъ минушь жизни, посвященной во все свое продолженіе благу нашего ошечества, счастію человѣческаго рода. Въ немъ найдупъ вѣрными и яркими красками

сдѣланное изображеніе того Государя, котораго память никогда не изгладится изъ сердець нашихъ. — Авторъ не имѣлъ намѣренія написать ни исторіи Царствованія, споль обильнаго важными происшествіями, ни похвальнаго слова, какія обыкновенно произносятся съ кафедръ и въ Академическихъ собраніяхъ. Въ немъ видимъ челоѵка, насладившагося близкимъ лицезрѣніемъ Александра, челоѵка, который, будучи исполненъ симъ воспоминаніемъ, удовлетворяешь потребности души своей, и на нѣсколькихъ страницахъ изображаешь славнѣйшія черты жизни и дѣйствій обожаемаго Монарха въ нѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ память Его оспанешся особенно драгоценною для Его подданныхъ и для людей, имѣвшихъ счастье къ Нему приближаться.

И такъ, сказавъ нѣсколько словъ о знаменитой борьбѣ, окончившейся паденіемъ ужаснѣйшаго завоевателя времени новѣйшихъ, въ которой, такъ какъ говоришь сочинитель „великоств происшествій соопшествовала великоств сопрошниковъ“ онъ съ чувствомъ оспанавливается на воспоминаніи происшествій 1812-го года и бѣдствія, претерпѣннаго Пешербургомъ въ 1824-мъ. — „И кто изъ насъ не воспоминаешь съ слезами благодарности, съ которыми смѣшиваюшся, увы! слезы горести справедливой и глубокой, о томъ дни, въ который Гений, получившій опъ Промысла въ попеченіе судьбы Государства, явился Ангеломъ-Хранителемъ бѣднаго, ушѣшителемъ несчастнаго!

Обольщенный собственными обѣщаніями, каждый изъ насъ, видя Императора въ блескѣ здравія и полнымъ жизни, съ удовольствіемъ возлагалъ на любезную главу Его все безсмертіе его царствованія; „скоро послѣ смерти Его у насъ пѣхнула.“ При воспоминаніи о сей ужасной минутѣ, голосъ сочинителя кажется возвышающимся; слогъ его, всегда благородный, принимаетъ характеръ болѣе важный и болѣе набожный: „Императоръ встрѣпилъ смерть на одрѣ болѣзни съ тѣмъ же мужествомъ, съ какимъ встрѣчалъ ее въ дни битвъ. Онъ былъ все пошъ же, какимъ былъ въ 1812 и въ 1814 годахъ; перемѣнилось лишь поле брани. Сія душа столь великая и столь чистая, освобождая себя сею послѣднею борьбою отъ земныхъ узъ, должна была предвкушить хотя часть святой радости жнеца, готовящагося принять награду за долгій день. Не ощущалъ ли великій Человѣкъ, нами оплакиваемый, искренняго убѣжденія, что Онъ былъ двадцать лѣтъ любовію одной половины свѣта и удивленіемъ другой? И если къ сему благородному свидѣтельству общаго сознанія народовъ пужно прибавить другія, которыя, можешь быть, слышавшаяся сильнѣе у края гроба, но не были ль за Императора и вопль вдовы, и благословеніе сироты, и стenanіе бѣднаго, и воспоминаніе о *стаканѣ воды*, который Онъ столь часто подавалъ ему во имя Того, Кію призывалъ его на свое лоно?“

Такой образец слога и чувствъ дастъ чипашеламъ лучшее понятіе о семъ швореніи, нежели всѣ наши похвалы. Однако, не взирая на предѣлы сей сшашпи, мы не можемъ непривести нѣсколько спрокъ изъ изображенія Императора Александра; изъ него конечно узнають сужденіе челоувѣка, сошвореннаго для того, чшобы цѣнить Госудря, кошораго образъ онъ предпринялъ возобновить въ нашей памяши: „Опышный въ искусствѣ властвовашь надъ людьми, Императоръ Александръ обладалъ свободнымъ даромъ слова, большою способностію находить *собственное* выраженіе (*le terme propre*), понкимъ чувствомъ приличія; Онъ былъ ласковъ безъ неприличной корошкоспи, величественъ безъ принужденія, крошокъ безъ слабости; ни что не могло прошивишься обольстительному Его обращенію; Онъ пользовался совершенною властью надъ умами Императоръ имѣлъ въ дѣлахъ шомъ опышный взоръ, кошорый съ перваго раза опредѣляетъ ихъ предѣлы, прозорливость, пронцающую во глубину предметовъ, присутствіе ума, съ быспрошою опличающею насшоящій смыслъ Истина была пищею души его, пошребностію его разсудка; самая лестъ для приближенія къ нему принимала выраженіе грубости, а эгоизмъ — видъ простосердечія. Для такога челоувѣка, каковъ былъ Александръ, прямая похвала не могла бышь опасна; Ему надобно было осшерегашься языка простшаго. „Казалось, что Императоръ радѣлъ не

только объ участи Государства, но и объ участи
каждаго семейства: съ какою неисчислимою добро-
пою, съ какою неизъяснимою пріятностію, сей
Монархъ снисходилъ съ высотъ политическаго
міра въ средину семействъ! съ какимъ участіемъ,
съ какимъ перфиіемъ внималъ Онъ разсказамъ о
ихъ заботахъ; какъ Онъ входилъ въ ихъ нужды и
желанія, какъ распространялъ Онъ вокругъ себя
миръ и согласіе! Кажется, что долге употребленіе
верховой власти, вмѣсто того, чтобы припу-
шить Его душу, сдѣлало ее непроницаемою чувствитель-
нѣе, сострадательнѣе, сдѣлало Его, наконецъ,
человѣколюбивѣе.“ —

Время молодости сочинителя относится къ пер-
вымъ годамъ минувшаго царствованія; онъ при-
надлежитъ къ тому поколѣнію, которое, какъ онъ
самъ говоритъ, мыслило, перфѣло, любило, сража-
лось, шоржесствовало въ продолженіи 25-ти лѣтъ
съ Императоромъ Александромъ, и для котораго
воспоминаніе о семъ Монархѣ будетъ всегда
неразлучно съ воспоминаніями лучшей половины
его жизни.

Къ сему-то поколѣнію нашихъ соотечественни-
ковъ особенно онъ обращается. Сія мысль, выражен-
ная съ самаго начала сочиненія, повторяется въ
послѣдствіи съ сшремленіемъ и съ жаромъ; кажется,
она опредѣлила и особенный характеръ сочиненія,
и съ горестію подданнаго, оплакивающаго великаго
Государя, соединила какое-то болѣе тихое и болѣе

сердечное чувство, особенно свойственное, кажется, привязанности совершенно личной. Мы не сомневаемся, что большая часть наших читателей сами замечают, сколько такой опшёнкой чувство возвышает цену произведенія, замечательного, впрочемъ, выдержаннымъ тономъ достоинства, столь приличнаго стѣмъ похваламъ, за искренность которыхъ всѣ сердца могутъ служить порукою.

(Изъ J. de S. P.)

К Р И Т И К А .

Басни И. А. Крылова.

Охотники до изящныхъ и хорошихъ книгъ, собирающіе для своихъ книгохранилищъ все лучшее, безъ сомнѣнія, порадуются новому изданію басенъ Г. Крылова, недавно вышедшему въ большомъ томѣ въ 8-ю долю листа. Лучшая бумага, красивая печать, прелестныя виньеты, портретъ Авшора, разительный сходный, каршины превосходной опдѣлки, помѣщенные въ заглавіи каждой книги и представляющія нѣкошорія басни въ лицахъ, словомъ, ничего не упущено, дабы наружность изданія соотвѣтствовала достоинству самаго шворенія. Авшоръ давно уже пользуется Европейскою славою; басни его,

сполько разъ и всегда съ равнымъ удивленіемъ разобранныя опечесшвенными лишператорами, принышы и внѣ опечесшва съ единадушною похвалою: иностранные Писатели присвоили ихъ своей словесности въ переводѣ, или подражаніи. Какъ мнѣніе наше о талантѣ Г. *Крылова* совершенно согласно со всеобщимъ мнѣніемъ, и какъ многія объ немъ сужденія встрѣчались всегда въ одномъ и томъ же заключеніи: то кришикъ въ такомъ случаѣ остаешся сполько принесшь чистую и просшую дань хвалы, очищенной опъ всякихъ замѣчаній.

Г. *Крылова* сравнивали съ Лафоншенемъ. Въ самомъ дѣлѣ, они имѣють между собою ощушишельное сходство; но чшобы подражать Французскому Баснописцу, надлежало, подобно ему содѣлаться неподражаемымъ. Мы думаемъ однако же, что одно изученіе образцевъ никогда бы не возвысило до такой степени подражателя. Для произведенія *Крылова*, природа должна была снова произвести *Лафонтена*. Опъ того-то, кажется, будшо они оплишы въ одну форму, и сполько различающся между собою, какъ существа одиородныя. Оба Поэшы владѣли своимъ языкомъ совершенно, удачно пользовались просшонародными выраженіями и поговорками, облагороженными изящнымъ вкусомъ; оба они превосходно постигли механизмъ стиховъ, и искусство перемѣнять размѣръ, спопосложение и полусшишія; они изобилующъ множествомъ живописныхъ выражений и счасшливыхъ оборотовъ, въ чемъ не имѣють соперниковъ, кромѣ са-

михъ себя, и стояшь выше всѣхъ; они опличаются просшою и легкостію, кошорая часто обольщая удивительнымъ совершенствомъ слога, заспавляешъ думаешь, что споишь только опкрышь уста, чтобы заговорить подобно имъ. Наконецъ, оба они опличаются оригинальностью, кошорая въ Лишперашурѣ какъ одного, такъ и другаго языка, спавишь ихъ выше всякаго сравненія. Но хотя одинакія склонности и шаланпы во многихъ опнощеніяхъ сблизили сихъ Писателей, при всемъ томъ они имѣють свои особенности, кошорыя разувѣряють насъ, что будшо *Лафонтенъ* воскресъ въ образѣ *Кривола*. Поспѣшимъ же опредѣлить сіе различіе, опасаясь, чтобы защитники переселенія душъ не вздумали въ семъ чудесномъ соопношеніи искашь новыхъ доводовъ къ ушверженію своей системы. *Лафонтенъ*, кажешся, пѣснѣе сблизаетъ съ своими чешвероногими, пернашыми, или черепокожными героями; онъ съ такою довѣрчивостью предаешся мечтамъ созданнаго имъ міра, что сіи вымышленныя существа, облеченныя пѣщической пшшиною, подъ волшебною кишію Авшора, привлекають все вниманіе и доспавляютъ главную занимательность чипашелю; можно сказать, что правоученіе случайно только встрѣчаешся подъ конецъ басни. У *Т. Кривола* Аллегорическая шкань гораздо прозрачнѣе, примѣненія болѣе обдуманы и спановяшся разишельнѣе. Одинъ просшосердечнѣе, другой ошроумнѣе; никто не можешъ сравнишься съ первымъ въ просшотѣ, пріян-

ности и небрежности; у другаго больше любомудрія; веселость Французскаго Поэта часто переходить въ дѣтскую рѣзвость; то же самое расположеніе души въ Рускомъ Баснописцѣ обнаруживается иногда горькою усмѣшкою негодованія. Первый часто принимаетъ тонъ эклоги и идилліи; послѣдній болѣе склоненъ къ сатиры. Нравоученіе, выводимое *Лафонтеномъ* изъ своихъ Басенъ, можешь относить къ всѣмъ временамъ и къ каждой странѣ; между тѣмъ, какъ Басни *Г. Крылова* приурочены къ событіямъ въ его отечествѣ. Въ заключеніе сего сравненія и нашей сшашьи скажемъ, что *Лафонтенъ* и *Крыловъ*, почти равные талантами, соединились на вершинѣ Парнасса, и сходствомъ и несходствомъ ихъ дарованій. Какъ тошъ, такъ и другой, собирая отличительныя черты характера, образа мыслей, языка и вкуса Русскаго и Французскаго народовъ, они сдѣлались одинъ во Франціи, а другой въ Россіи, въ полномъ смыслѣ народными Писателями.

(Изъ J. de S. P.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П о в ѣ с т ь .

Болѣя недугомъ соблазновъ и превогъ,
За чѣмъ пы говорши: „меня карасишь Богъ!
Онъ искушеніе послалъ мнѣ и напасти...“
Твой Богъ есть, Богъ любви! тебя карають страсти:
Ты самъ ихъ воскормилъ! и вопъ си зми,
Си ппимощи любимыя швои
Въ гнѣздѣ своемъ, — въ груди швоей — пируешь...
И чувствива пыкля, желаньемъ воспалась,
Противу разума бундуешь....
И рушился святая связь
У духа и души, и нѣмоществуешь *совѣсть*;
И въ головѣ швоей ужъ больше не свѣкло!
И тунь-шо съ хищроснью, иль нагло входишь *зло!*..
Вопъ сокращенная паденій нашихъ повѣсть!

О. Глинка

В е л и ч а н і е .

Великъ Ты, Богъ Адонаи!
Ты и живишь и ушверждаешь
Въ безсрочной вѣчности, созданія свои:
И неизсеченные міры Твои
И лаской, и лозой, какъ Пастырь упасаешь...
Онъ свѣшель, Твой всепреходящій взоръ!..

Пронзая глубины таинственные ночи
Неугасимая Твоя, как солнца, очи
Провидяль скрытые сокровищницы горъ —

И тайное металловъ ложе!

Но грозенъ Ты для грѣшныхъ, Боже!

Ихъ мрачныхъ, Ты помини сіяніемъ очей!

Твой страхъ загородилъ широкія дороги!

Какъ дѣли въ темнотѣ, межъ страха и тревоги,

Они дрожатъ въ безсоніи ночей...

О Богъ Суда! Твои удары правы!

Но жгешь Твоя громовая спирта!

Земные странники и дерзкіи и лукавы!

И какъ нечисты ихъ дѣла!

Они нарушили завѣсные уставы....

Но ихъ спасеніе Тобой — Твоя хвала!...

Ф. Г.

ЩЕРБИНСКОМУ.

Дай руку мнѣ, поварищъ мой;
Пойдемъ, пойдемъ на встрѣчу рока;
Поставимъ твердою душой
Противъ завистника-порока
Дѣла, блестящія собой.
И вѣрь мнѣ, зависть оробѣешъ
Предъ добродѣтелью прямой,
Какъ ночь осенняя блѣднѣешъ
Передъ румяною зарей.

Ал. Шишковъ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ЗЕВЕСА.

Титановъ, своихъ временъ и честь и украшенье,
Чудесной кистію своей
Зевеса начерталъ изображенье:
Ужасенъ пламень былъ сверкающихъ очей,
И изъ обѣихъ рукъ потокъ громовъ стремился. —
Каршнѣ весь народъ дивился;
Но передъ ней одинъ просіякъ остановился;
Онъ на Зевеса посмотрѣлъ, —
И вдругъ къ Художнику съ вопросомъ обратился:
„На что жъ такъ много взялъ онъ въ обѣ руки свѣръ!
А насъ благословляшь кошмой же онъ будешь?“ —

А. Глибовъ.

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА.

(Изъ Ламаршина.)

Посвящено Г. Г. К. К му.

Мой другъ! съ тѣхъ поръ, какъ узы брачныя
Соединили насъ съ побой,
Досель небеса безмрачныя
Свѣтлѣли мирно надо мной!
Досель, среди уединенія
Чужды и шума и суешь,
Срывая розы наслажденія —
Мы знали цѣну юныхъ лѣтъ!
Досель, въ одно душой сліянные,
Въ своемъ укрономъ уголѣ;
Могли ль разлуки дни туманные
Предугадашь мы вдалекъ?..
Но онъ насмалъ, сей часъ мучительный!
Влекомый случая игрой,
Прости! сказавши, въ пупъ поминельный
Пустился я съ моей поской...
Но ахъ! она меня преслѣдуя,
Мнѣ шажко на сердце легла;
И съ нимъ задумчиво бесѣдуя —
Съ нимъ раздружиться не могла!
Исчезли грезы и видѣнія
Внушители опрадныхъ думъ,
Погаснулъ пламень вдохновенія —
И омрачился скорбный умъ!...
О, другъ мой! грусть неодолимую
Какъ отогнашь мнѣ онъ себя?..
Какъ душу грустнѣю поминую
Мнѣ успокойшь безъ себя?...

Такъ! въ дни сердечнаго спраданія,
Ничто, ничто не мило намъ!
И нѣтъ нигдѣ очарованія
Разочарованнымъ глазамъ! . . .
Когда же я, на крыльяхъ радости,
Лечу игривою мечтой,
Къ тебѣ, подруга мирной младости,
Къ тебѣ, прекрасный Ангель мой!
Тогда недолгаго ненастія
Съ очей спадаетъ пелена,
Тогда опять восторгомъ счастья —
Душа по прежнему полна!
Ужъ я, побоею оживляемый,
Любовь! о лучшій Неба даръ!
Предвижу свой возвратъ желаемый,
И поцѣлуевъ сладкій жаръ,
И быстрое сердце бѣненіе,
И ихъ привѣты на устахъ,
И пламенное восхищеніе,
И слезы въ радостныхъ очахъ! . . .
Ужъ близокъ часъ сей утѣшительной!
Какъ прежде, счастье нашихъ дней,
Пускай струей невозмутительной
Течетъ на родинѣ моей!
Пусть наше небо, споль опрадное,
Какъ прежде, шѣнитъ насъ всегда;
И насъ присудитъ, благодатное,
Не разлучаться никогда! . . .

И. Бороздна.

Черниговъ

1826 года, Февраля 10 дн.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

(Отрывокъ изъ Деллевои Поэмы: Сельскій жительство.)

Какими прелестными поля не приманять
И чувства възныя и прихотливый взглядъ?
Необразованный, бездушный сельскій жительство,
Погоды, времени и мѣсяць холодный зрительство,
Слѣнно цѣнить всё природы красоты;
Но выбираешь ихъ мудрецъ, Его черны
Живыл, новыя и юныя пльняють,
Или опцвѣтшія и томныя прельцають.
Душа веселостью мгновенной дорожить,
И гостью удержать пролетную сплшитъ:
Ей наслажденіе, когда роса Авроры
Животворитъ цвѣты въ лугахъ прелестной Флоры;
Иль солнце на покой, свершивъ свой путь, грядетъ
И умирающій на землю мечетъ свѣтъ.
Такъ царь пѣвцовъ Гомеръ, наскучивши боями,
Рисуешь намъ зарю съ румяными перешаи;
Такъ князь Лорренова холстинъ жизнь даѣтъ
И западнымъ лучемъ золотитъ неба сводъ.
Въ году, какъ въ супкахъ, есть часъ утра, часъ вечерній:
Несчастливъ тотъ, кто спитъ къ красамъ сихъ пзвѣнній.
Учись ихъ наблюдать! не столько мышлѣкъ
Блестательный, живой и пестрый какъ цвѣтокъ,
Изъ гроба выпорхнувъ радъ жизни и свободъ.
Сколь мудрый радъ веселъ и теплой вновь погодѣ.
Тогда, какъ на холмахъ, горахъ, среди полей
Все мурара, зефиръ, иль ключъ или ручей:
Прекрасныхъ жду стиховъ съ возвращомъ дней прекрасныхъ;
Попухъ въ каминъ дубъ — опрада дней ненастныхъ,
Мнѣ душно: изъ дому бѣгу, какъ изъ шюрмы.
О, книги пыльныя! прощайте до зны.

Природы книгу я велпкую читаю ;
По прихоти ручья прогулку направляю ;
Спѣшу и соловья услышавъ первый свистъ,
И видѣть первый цвѣтъ, и видѣть первый листъ,
Спѣшу и самъ ожить съ цвѣтами, съ тѣнью кущей.

Для насъ плѣнительны дары весны цвѣтущей ;
Но дней прощальныхъ лучъ есть также благодать.
Мы года первенцовъ весной бѣжимъ встрѣчать,
А въ осень солнца шускъ, видъ роци пожелтѣлой,
Пріятны томностью душъ осиротѣлой ;
Весною шалости и игры любить умъ,
А осенью тоску и сладость грустныхъ думъ.
Мы рады ясныхъ дней неожиданному возврату,
Какъ другу, коего оплакали утрату.
Минушой каждою туть сердце дорожить,
Какъ сладостнымъ *прости*, которымъ насъ дарить
Другъ ошѣзжающій въ безвѣстный край и дальный ;
Печальны проводы, но весель пиръ прощальный !
Здѣсь удовольствіе рождаеися тоской.

О, льпо пынное ! я виненъ предъ тобой ;
Прости молчанье мнѣ : пріятель блескъ швой яркій ;
Но несмершимъ швой зной палящій въ полдень жаркій ;
Великольпіемъ насъ удивляешь ты ;
Милѣй въ тебѣ весны и осени черты.
Что говорю ? пусть дни мучительны для взгляда,
За то сладка ночей роскошная прохлада ;
Какою свѣжестью и нѣгой жаръ смѣнешь !
Какъ раскаленный сводъ небесный освѣженъ !
Какъ ушомленные сіяньемъ солнца очь
Плѣняешь сладостно прелестный сумракъ ночи !
Тогда люблю смотрѣть, какъ тихая луна
Плывесть по небесамъ потухнувшимъ одна,

На вспрыснутыхъ росой долинахъ темныхъ блещеть,
И въ рощи крадется и на водахъ шрепещеть.

Зимою, признаюсь, люблю я города;

Тамъ похищенные съ полей красы всегда

И въ звукахъ спройныхъ слухъ плѣня обворожаютъ,

И, живописныя, въ картинахъ взоръ плѣняютъ.

Природу сельскую какъ будшо влѣвъ зрю,

И въ сходномъ сколкѣ помъ, я сравнивать люблю

Природу съ масперомъ и подлинникъ съ картиной.

Но если зиму жить мнѣ вельно судьбиной

Въ деревнѣ; я готовъ, ни мало не рощу.

Въ зимъ и красоты я зимнія щу:

Любуюсь снѣжными пуховыми коврами,

Алмазнымъ инеемъ и голубыми льдами.

И съ чьмъ сравнить, когда прокравшійся сквозь тучь

На землю соскользнешъ зимой весенній лучъ?

Милѣй дня лѣшняго сей лучъ-благошворишель,

На мигъ ниспосланный Природѣ утѣшишель;

Блеснешъ и грустныя обрадуешъ поля.

Когда жъ въ пропалнѣ увижу зелень я,

Какое чистое для взора наслажденье,

Споль рѣдкое въ поляхъ поблекнувшихъ явленье!

Съ надеждой сладкою воспоминанье тамъ

Не меньше сладкое пѣснился въ душу намъ.

Все въ радость: ясныхъ дней былыхъ воспоминанье,

И общаемыхъ дней ясныхъ ожиданье.

Восейковъ.

1824 Маія 27-ое.

Царское село.

ПѢСНЬ СТАРЦА.

Ахъ! рано ты въ душѣ моей
Погасъ лучъ юности прекрасной!
Увы! сколь бѣдень я, несчастной,
При горестномъ закатѣ дней. . .

Бывало по ланинамъ розы,
Какъ въ тихій вешній день цвѣтушь;
Теперь страдальческія слѣзы
По нимъ горячія пекушь!

Бывало сердце утѣшаетъ
Любовь — пріятный Геній мой;
Теперь — близъ урны гробовой
Свѣильникъ съ грустью погашаетъ!

Увы! — на что я въ міръ зналъ
Любви чарующую сладость? . . .
Цвѣшь юности моей увяль, —
И жизнь посылая не въ радость! . . .

Прійди жъ, прійди послѣдній день
Монхъ мучительныхъ спраданій! —
Внявъ голосу монхъ призваній,
Сокрой подъ гробовую стѣну!

Д.м. Тимофеевъ.

Нижній-Новгородъ.

ДРУЗЬЯМЪ.

Когда обманутый мечтою,
Друзья мои, я мнилъ любить,
Тогда стихи лились рѣкомъ,
Тогда я могъ красоту хвалить.
Тогда, бывало помню, други,
Мои безпечные досуги
Я свѣло Музамъ посвящалъ,
И гордой лири повѣрялъ
Любви винуватые недуги!
Друзья мои! за чѣмъ она,
Очарованiя полна,
Какъ юный Ангель взлетѣла
Съ святой намъ чуждой вышины?
За чѣмъ ей прелести даны?
За чѣмъ покинута захошла
Вась, свѣта лучшаго сыны?
Увы! для нашего мученья,
Изъ чистыхъ мѣстъ увеселенья
Она съ родныхъ своихъ небесъ
Низшла въ обитель мукъ и слезъ!
Плѣнительна въ красѣ небрежной,
Изображенiе любви,
Она пишетъ жаръ мятежной,
Огонь страстей въ моей крови!
Забыты мною Пiериды,
Цыяница робкая молчишь;
Лишь сердце бѣдное швердишь
Ея красы, ея обиды,
И о соперницѣ Киприды
Несчастный юноша грусишь.

Иванъ Баллѣ.

ЭПИГРАММА.

Всѣ Музы сестры мнѣ и Аполлонъ отецъ!
Такъ объявилъ Гома пѣвецъ.
Тутъ вспомнишь Рускаго пословицу народа:
Въ семьѣ не безъ урода.

СВИДАНІЕ.

Взойди въ гостепрѣимну хату
Въ пріюсть, гдѣ дружбы храмъ святой,
И милыхъ призраковъ упрату
Оплачемъ вмѣстѣ мы съ тобой.

Давно ль надежда насъ питала
И счастье улыбалось намъ,
Мечта заботы олацала,
Курился брашпелю ениамъ?

Мы нектаръ юной жизни пьемъ,
Блаженствуя въ кругу своѣмъ,
Веселье, радости дѣлили
Охотно съ сладостнымъ шрудомъ.

Душа безопасно ликовала,
И умъ на небеса парилъ,
Но юность пылкая не знала,
Что Промыслъ отъ нее шавилъ.

Вдругъ часъ насталъ и рокъ жестокой
Разсыпалъ всюду розно насъ,
И я, какъ странникъ одинокой,
Слезу свою ошершивъ съ глазъ,

Прости, небесь родимыхъ крову
Съ сердечной горестью сказалъ,
Судьбину проклиналъ сурову
И вась, о други! покидалъ.

Гдѣ жъ наши радостные клпки,
Гдѣ звуки соединенныхъ лиръ,
Друзей присутствующихъ лики,
И слава, бывший намъ кумиръ?

Какъ мигъ умчался быспрометный
Ввкъ нашей юности злашой,
Исчезли радости сердечны
И улетьлъ веселій рой.

Ужъ вощь и годы истребили
Въ груди моей природный жаръ,
Но чувства мнѣ не измѣнили,
Они посвящены мной въ даръ
Священному воспоминаю!
Съ нимъ горестъ самая сноснѣй,
И рокъ мнѣ ниспослалъ свиданье,
Съ тобой, товарищъ юныхъ дней.

Л. Баталинъ.

Л и л е т ь .

Ты позабыла увѣренья,
Презрѣла нѣжную любовь,
И дней минувшихъ наслажденья,
Мою ужъ не волнують кровь.
Къ разлукѣ осуждены побою,
Мечты я долженъ умеривить;
Но какъ мнѣ, съ чистою душою,
Тебя, Лилета, разлюбить?
Открой ты мнѣ свое искусство:
Играешь нѣжнѣйшимъ сердца чувствомъ,
И я, покорствуя судьбѣ,
Лишь слезъ не стану о тебѣ!
Тебя другая мнѣ замѣнишь
И будешь радостью очей,
Она любовь мою оцѣнишь
И мнѣ, конечно, не замѣнишь:
Тебя другой не встрѣчу въ ней!

М — ль Яковлевъ.

Т о п о л ь и в и н о г р а д ь .

Тополь стройной величавой
Надъ долиною стоялъ,
Виноградъ лозой кудрявой
Инь и выпивъ обвивалъ.

И отъ бурь, вѣнашья, зною,
Въ немъ защиту онъ имѣлъ.
Тополь новою краскою
Отъ него еще блестѣлъ.

Но судьбою сокровенной
Положенъ всему предѣлъ:
Высохъ тополь возвышенной,
Лпсть увядшій облетѣлъ.
Вѣтеръ сучья прочь ломаешъ :
Что же съ гибкою лозой?
Спозль же тѣсно обвиваетъ
Пень безплодный в сухой,
Вопшь вмлена дружбы милой!
Связь ей преданныхъ сердець
Не разпоргнется могилою :
Смерть для дружбы — не конецъ !

И. П.

Ростовъ.

Яр. Губерніи.

КЪ ДЕЛИИ.

Вы, юный другъ мой, не забыли
Поэма прежнюю любовь,
Вы языкомъ счастливой Были
Ему откликнулся вновь.
Онъ забывалъ ужъ образъ милой
Подруги дѣшь его весны,
Онъ погашалъ въ груди унылой
Воспоминанья старины.
Невольникъ службы и печали,
Онъ заточенъ въ нѣмыхъ горахъ,
Судьбы жестоко обсчитали
Его жъ здоровья и лѣтахъ;

Съ людьми не знаетъ онъ союза,
Оставилъ лиру и перо:
Его заблшная Муза
Стираешъ пыль съ его бюро.

. (*)
.

Напрасно бѣ, другъ мой, пожелаю
Представить то, что вижу я;
Страна моя — страна печали,
Громады скалъ безъ бытія
Здѣсь солнце чуть лишь обогрѣетъ
Изъ за густой, шуманной мглы,
Едва лишь ель зазеленѣетъ
Торча изъ пирещины скалы.
Здѣсь два лишь времени у года —
Лишь шолько *стужа* и *тепло*,
И грозно дикая Природа
Подъявъ гранишное чело,
Глядитъ на жизнь, на наше племя,
Съ тѣхъ поръ, какъ время создано
Глядитъ безчувственно на время —
Не пзмѣняясь, какъ оно.
О темя бури разсѣкая
Съ земли бѣгущія къ морямъ,
Ея развалина нѣмая
Уныло воеетъ по ночамъ,
Здѣсь все пипаетъ, все лелеетъ
Угрюмосшь дикую души,
Невольно сердце каменѣетъ
Въ безлюдствѣ каменной глуши.
Я не ропщу и не желаю,
Забывъ сердиться я любить;

(*) Точки поставлены самимъ Авторомъ.

Привыкъ къ убійственному краю,
Гдѣ думалъ дня не пережить.
Громадѣ неспящихъ убагая,
Сияю въ изъбѣ, какъ чудодѣй,
И философствую зѣвая
О милой брелюсши вещей.

Кокшны.

Печаташь позволяешся: Юня 11-го дня, 1826 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

А. Воейкосымъ.

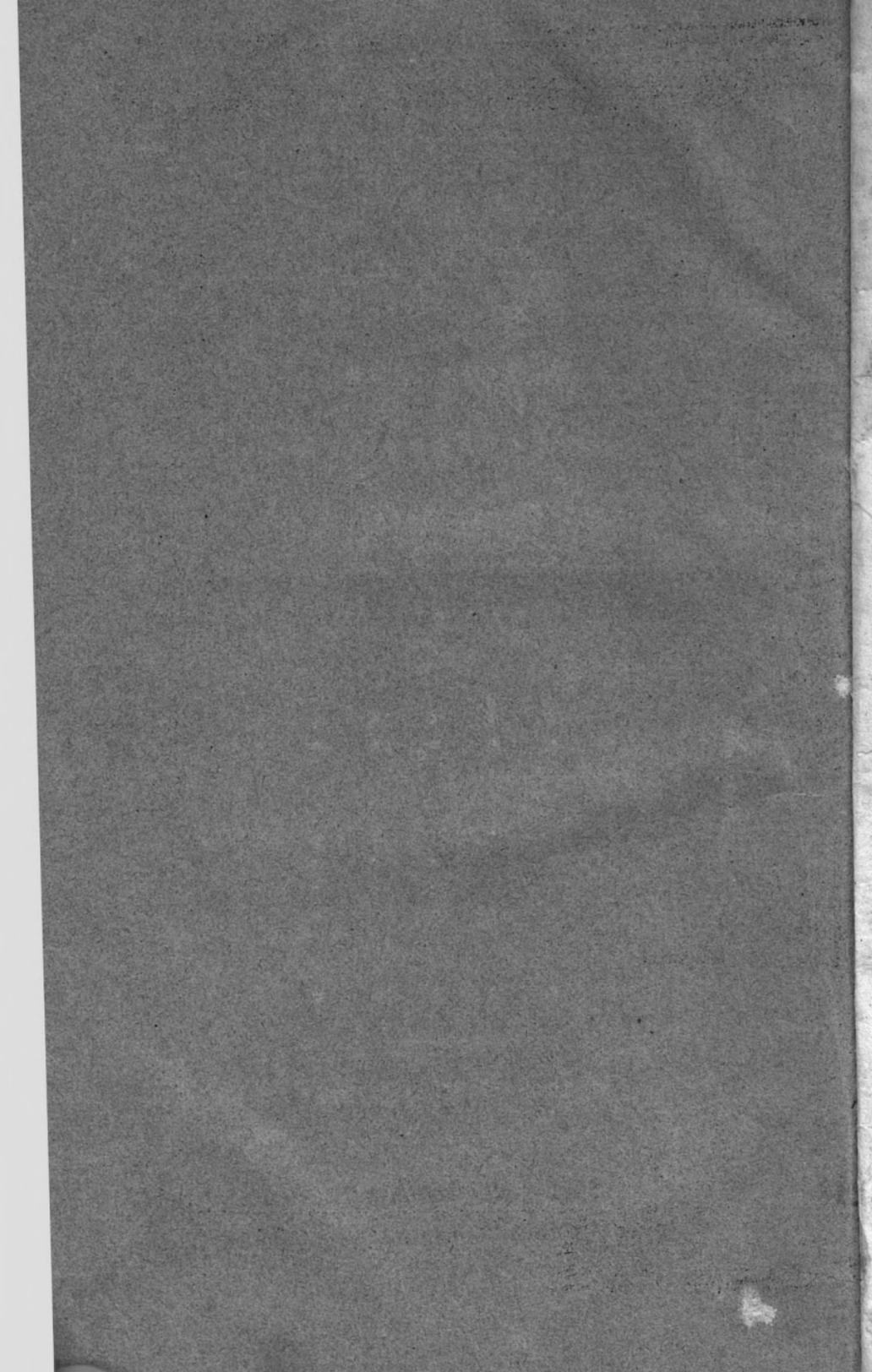
Іюнь, 1825.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проза.	Стр.
Евпатринославъ	121.
Совершица	146.
СТИХОТВОРЕНІЯ.	
Посланіе къ Жуковскому	156.
(К. П. М.)	162.
Счастіе. (Шъ Ламаршина.)	166.
Мысль	167.
Къ портрету Графа Кутайсова, убитаго въ Бородинскомъ сраженіи	—
Молчаніе	163.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Военной Типографіи.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

Іюнь, 1826.

П Р О З А.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.

(Изъ записокъ одного Русскаго путешественника.)

(Продолженіе.)

Сколь привлекательны берега Волхова, Дняпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Карамзинъ.

8-е Сенсѣбря. Перечитывая свои записки объ Екашеринославѣ, нахожу въ нихъ много мечтательнаго, цвѣтисшаго, поверхностнаго, и боюсь прослыть новымъ Сперномъ. Теперь сенсименшальныя путешествія въ самой Франціи вышли изъ моды. Европейцы изъ одной крайности перешли въ другую; они настоятельно требуютъ отъ путешественника познаній въ древностяхъ, розыска о развалинахъ, курганахъ, городищахъ; статистическихъ таблицъ, ландкартъ, видовъ; онъ обязанъ отпрыть нѣсколько

древнихъ монетъ, исполковать надгробныя надписи, объяснить происхожденіе языка, сходство его съ Санкришскимъ, или, по крайней мѣрѣ, съ Финикійскимъ, изложить свое мнѣніе о переселеніи народовъ вообще, и о жителяхъ страны имъ описываемой въ особенности; представитъ нѣсколько проектовъ объ улучшеніи ремеселъ, торговли и промышленности. Другими словами: эпо значить заставляя его, какъ Апланша, поднять на плеча шаръ земной. Но то, чего не въ состояніи выполнить одинъ, легко можешь быть совершенно многими. Пущь Бошаникъ собираетъ травы, Минералогъ ищетъ въ горахъ золота; пускай терпѣливый Историкъ вызываетъ изъ гробовъ вѣка и бродя по развалинамъ откроетъ мысли и чувствованія нашихъ предковъ! Пущь каждый, какъ пчела нашего славнаго Баснописца говоритъ:

Я утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть!

Поспараюсь, сколько умѣю, угодишь вкусу моихъ современниковъ; вызову изъ могилъ священныя шѣни Геродоша и Неспора, Констаншина Багрянороднаго и Страбона; выпишу краснорѣчивыя спраницы изъ Истории Карамзина, ученныя наблюденія изъ путешествій Палласа (1), Гюльденштепа (2), Зуева (3);

(1) Pallas reise in die südlichen Statthalterschaften Russlands.

(2) Güldenstädt's Reisen, herausgegeben von Pallas.

(3) Путешественныя записки Василья Зуева ошъ С.-Пешербурга до Херсона въ 1781 и 1782 годахъ.

приведу въ свидѣтели испины событій, мною изложенныхъ, Боплана (1), Лерберга (2), Полунина (3). Добрый мой поварищъ — извѣстный Живописецъ Клара (4) поможетъ мнѣ удовлетворить благородной любви соотечественниковъ моихъ къ живописи. Онъ уже снялъ лучшіе виды Кіева, Софійевки (5), Крыма.

Выѣхавъ ошюда 24-го Августа, успѣли мы въ двѣ недѣли обозрѣть Днѣпровскіе пороги, берега Азовскаго моря отъ Маріуполя до Таганрога, пущырь Запорожской Сѣчи, побывали въ Азовѣ, Нахичеванѣ, и возвращаясь назадъ проселочными дорогами чрезъ иносранныя поселенія, попеременно гостили у Сербовъ, Болгаръ, Молдаванъ, Волоховъ, Албанцевъ, Армянъ, Грековъ, Жидовъ, Нѣмцовъ, Калмыковъ и Нагайцевъ. По нѣскольку дней сряду не видали мы никакой хашы, ни одного дерева; часпо проводили ночи въ землянкахъ, или въ Татарскихъ кибиткахъ,

-
- (1) Description d'Ukraine, par le sieur de Beauplan.
 - (2) Исслѣдованія, служація къ объясненію древней Русской Исторіи А. Х. Лерберга, переведена съ Нѣмецкаго Д. Ш. Языковымъ.
 - (3) Географическій словарь Россійскаго Государства, изд. въ 1773 году.
 - (4) Г. Клара, Дерптскій Живописецъ, сдѣлавшій со мною путешествіе въ Южныя Губерніи. Онъ прекрасно выгравировалъ *шесть видовъ Павловска*, нарисованныхъ съ нашуръ В. А. Жуковскимъ, и снялъ *виды Царскаго Села*.
 - (5) Чудеснаго сада, принадлежащаго Графамъ Поповскимъ и находящагося Кіевской Губерніи въ Уманской округѣ. „Если вы хотите „получить справедливое понятіе о помѣ, что обыкновенно называютъ полями Елсейскими, земнымъ раемъ; придите въ Софійевку, и подивитесь въ ней Генію творческому.“ Говорить Князь П. М. Долгорукій въ одномъ письмѣ своемъ изъ Одессы, напечатанномъ въ В. Е. 1811, кн. 56.

гдѣ не съ кѣмъ промолвишь слова, и ничего ни для людей, ни для лошадей достать не льзя.

.... Почтенъ и шотъ, кто въ низости сокрытой,

За весь труды, за весь потерянный покой

Ни славою, ни почестями не льстится,

И мыслью оживленъ одной,

Что къ пользѣ общей онъ трудился.

Въ другое время, продолжительное пенасье огорчило бы меня; теперь я радъ ему; возвращаясь въ Екатеринославъ, усалый, оглушенный шумомъ Днѣпровскихъ пороговъ, съ головою, наполненною величественными картинами природы, обычаями и образомъ жизни кочующихъ и поселенныхъ въ Новороссіи народовъ, сижу въ библиотекѣ почтеннаго Т.; вношу съ клочковъ бумаги въ тетрадь дорожныя записки, и повѣряю то, что видѣлъ своими глазами, съ тѣмъ, что написано о Новороссійскомъ краѣ. Къ счастью, хозяинъ мой богашъ не только книгами, но и драгоценными рукописями; на примѣръ: мнѣ попала въ руки Малороссійская Исторія, сочиненная Бѣлорусскимъ Архіепископомъ *Георгіемъ Конійскимъ*, многія нигдѣ ненапечатанныя изысканія Славянскихъ древностей *Графа Ивана Потоцкаго* и собраніе сочиненій *Скозороди*, память котораго у всѣхъ здѣшнихъ жителей въ большомъ уваженіи. Онъ былъ хорошій Стихотворецъ и опытный Философъ.

И теперь еще отецъ Исторіи Геродотъ (1) узналъ бы въ Екатеринославской (и Херсонской) Губерніи древнюю Скинію. Онъ изображаетъ се необозримою

(1) Геродотъ, кн. IV ошдл. 18, переводъ Андрея Партэа С. П. В. 1763.

равниною, гладкою и безлѣсною; говоритъ, что лѣса находились только между Тавридою и Днѣпровскимъ устьемъ; что Днѣпръ изобилуетъ рыбою (1), окруженъ прекрасными лугами, уступаетъ въ величинѣ одному Нилу и Дунаю; что вода его опмѣнно чиста, пріятна для вкуса и здорова; что распуцающая въ Ские-ской землѣ права для скоша лучше всѣхъ извѣстныхъ травъ; что у нихъ лошадей, овецъ и быковъ хорошей породы довольно и что доставать ихъ можно за дешевую цѣну (2). И теперь встрѣшилъ бы онъ *кожующихъ Скивовъ*, бродящихъ съ стадами своими по безлѣснымъ полямъ, между восточнымъ рубежемъ Ольвiополюсовъ (3) и рѣками Герро (4) (р. Молочная

(1) Въ Борисенѣ рыбы лучшей довольно; въ великомъ множествѣ находятся большіе кивши (осетры), въ которыхъ не бываетъ позвонковъ, а называются они *Антакеми*, и oprичъ сего еще многія удивленія достойныя вещи. Геродотъ, IV, 50.

(2) Геродотъ IV, 54.

(3) Вѣковъ за пять или болѣе до Рождества Христова, Греки завели селенія на берегахъ Черноморскихъ. *Ольвіа*, въ 40 верстахъ отъ устья Днѣпровскаго, построена выходцами Милетскими еще въ славныя времена Мидійской Имперіи, называлась *счастливою* отъ своего богатства и существовала до паденія Рима; въ благословенный вѣкъ Траяновъ образованные граждане ея любили читать Платона, и знала наизусть Пліаду, пѣли въ битвахъ стихи Гомеровы. *Карамзинъ* ИГР. час. I стр. 5.

Нынѣ развалины Ольвіи въ 100 верстахъ отъ Одессы называются *урочище сто-милль*; близъ нихъ находилось село Ильинское, построенное Кн. А. А. *Безбородко*. Извѣстный нашъ Писатель, Сенаторъ П. М. *Муравьевъ-Апостолъ*, напечаталъ въ 1821 отрывокъ изъ своего ученаго и живописнаго путешествія въ Тавриду, подъ названіемъ: *Ольвіа*. Статскій Совѣтникъ П. П. *Браламбергъ* пздаль на Французскомъ языкѣ любовынное описаніе медальей, найденныхъ въ Ольвіи и хранящихся въ его Мницѣ-Кабинѣ. У меня находились семь мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ сего города: пять куплены на мѣнь, а двѣ подарены мнѣ въ Одессѣ Г. *Браламбергомъ*. В.

(4) Археологическій Апшасъ Росс. Имперіи Гр. Ив. *Потоцкаго*, пзд. Генераль-Маіоромъ *Дейриардомъ*.

Воды) и Гипанисомъ (1) (Бугомъ); и ошь сей рѣки и рѣки Паншикацей (2) (р. Конскія Воды) по Гилей (3.) (лѣсистой странѣ), онь нашель бы *Скивовъ-земледѣльцевъ*, которые живушь далѣе къ Сѣверу на обоихъ берегахъ Днѣпра, сѣюшь хлѣбъ и шоргуоупъ имъ, обращающаеся на нѣсколько мѣсяцовъ въ волковъ (4) и ѣздящъ на шельгахъ по замерзшимъ рѣкамъ; онь увидѣль бы и шѣхъ и другихъ, подобно древнимъ царственнымъ *Скивамъ*, многочисленными, благонравными, согласными и, вообще, подь ошеческимъ правленіемъ своихъ Царей, благополучными.

Фукидидъ, увѣрявшій, чшо онь не знаешъ ни въ Европѣ, ни въ Азіи народа, который могъ бы прошивосшояшь *Скивамъ*, если бъ они управлялись однимъ скипшромъ и дѣйсшвовали соединенными силами, нашель бы пророчесшво свое исполненнымъ, и *Скивовъ-Славянь*, изгнавшихъ въ 1812 году изъ своихъ предѣловъ спрашнѣйшаго изъ завоевателей (5).

Новороссійскій край въ древности назывался степью *Герро* и великою Скивоіею, а подь владычешвомъ Ташаръ до 1752 года Южная часть *Крымскою степью* (6), а Сѣверная землю *Запорожскихъ козаковъ*. Съ незапамятныхъ временъ служиль онь успе-

(1) Тамъ же.

(2) Тамъ же.

(3). Eine waldige Region, Heerens Ideen, Ч. I.

(4) Т. е. зимою одѣваюшся въ звѣриныя кожи и шубы.

(5) Фукидидъ, часть I, кн. II, 21.

(6) Георг. Словарь Г. *Шукотова*, подь словомъ: Крымская степь.

сомъ, у подножія кошораго величайшіе завосашели пршерпѣли кораблекрушеніе, и большою дорогою для воиншвенныхъ варваровъ, кошорые съ огнемъ и мечемъ одинъ за другимъ спремились въ Европу.

Кочующіе народы возили на верблюдахъ домы, женъ, дѣшей, имущество, водили множешво рогашаго скоша и всегда сражались на коняхъ, а потому не могли избирашь пущь сѣверіе: глубокіе снѣга, дремучія болоша, шемныя ночи, безкормица угрожали имъ гибелью; къ Югу оспанавливали ихъ Кавказскія горы, Каспійское, Азовское и Черное море.

Не спанемъ разсказывашь басень объ Аргонавахъ, кошорые, какъ увѣряешъ Діодоръ Сицилійскій, проплывъ вверхъ по Дону, перешащили свой корабль въ другую рѣку (Западную Двину), впадающую въ море, и, шакимъ образомъ, совершили пущешествіе по безвѣсшнымъ спранамъ, сосшавляющимъ нынѣ Россійское Государство.

Не будемъ повшоряшь сказку о нашешствии Кира, погубившаго храброе воиншство въ неизмѣримыхъ пущыняхъ Сѣвера, ни о томъ, какъ храбрая прабабка наша, Царица Тамира (1) ошсѣкла ему голову, положила ее въ кожанный мѣхъ, наполненный его кровью и сказала: „шы любилъ пишь чужую кровь, упейся шеперь своею собшвенною! (2).

(1) Она царштовала надъ Массагешами, народомъ Скиешскаго происхожденія. См. Геродота кн. I.; Географію Пшоломея, ч. VII, въ описаніи Азіи; Россійскую Исторію Кн. Щербатова ч. I, стр. 90.

(2) Введеніе въ Росс. Исторію, соч. Кн. Щербатова, стр. 22.

Упомянем мимоходомъ объ Египетскомъ Царѣ Сезосприсѣ (1), которъй, подобно Бонапарту, вшоргся въ Скиѣскіе предѣлы почти за XVI вѣковъ до Р. Х. съ безчисленными полчищами, и подобно Французскому Императору, поперялъ въ несчастномъ опешупѣ большую часть своего войска. Лешучіе отряды доброкопныхъ Скиѣовъ день и ночь превожили его спанъ внезапными набѣгами, истребляли запасы, срывали пришины, брали въ плѣнь успалыхъ, не приняли Египетскихъ Пословъ съ мирными предложеніями, и, въ слѣдъ за опешупающимъ въ безпорядкѣ войскомъ, ворвавшись въ Азію, покорили шамъ множество городовъ и возвратились въ опешество съ богашою добычею. Алчный къ завоеваніямъ Сезосприсѣ былъ достойно наказанъ; онъ не имѣлъ ни малѣйшей причины къ начашію брани съ опшдаленными Скиѣами: покаяря государшва, опрокидывая престолы, умерщвляя жшшелей, онъ единшвенно искалъ славы, и вообразилъ, чшо цари и народы должны преклонишь предъ нимъ колѣна.

Персидскій царь Дарій имѣлъ къ войнѣ предлогъ благовиднѣйшій: онъ желалъ положишь предѣлъ набѣгамъ Скиѣовъ на Персію и вмѣспѣ опмспишь имъ за опустошеніе Мидіи. По Геродоту (2), сей достопамятный походъ случился за 500 лѣшь до Р. Х. Греческій Историкъ весьма обешояштельно его опи-

(1) Иосифъ Флавій и Эвзевъ почерпнули извѣстія о сей войнѣ изъ Исторіи Маневона, Египетскаго жреца.

(2) Геродотъ кн. IV отъ 79-го до 135 го параграфѣ включишельна.

сываешъ. Дарій перешель Истръ (Дунай) выше острововъ, имъ образуемыхъ. Іонійцы, пославя свои суда поперегъ рѣки, безъ большаго шруда построили мостъ. Персидскій Монархъ повелѣлъ имъ ждашь себя обратню только два мѣсяца (1), и это заславляешъ думаешъ, что онъ имѣлъ намѣреніе возвратишься въ Персію по западному берегу Каспійскаго моря. Вступя въ Бессарабію, извѣстную древнимъ подъ общимъ именемъ *Гетской пустыни*, онъ переправился чрезъ Тирась (Днѣпръ) и Бориспень (Днѣпръ). Передъ нимъ ошсупали Скиѣы, всегда въ разстояніи одного перехода, и болѣе показывали желаніе завлечь его въ глубину своихъ степей, нежели сражашься.

Преслѣдуя ихъ, Дарій перешель Танаисъ (Донъ), ошсходящій на 1200 верствъ ошъ Дуная. Персы, возя съ собою безчисленные тяжелые обозы, соверша переправу чрезъ при большія рѣки, издержали на сей переходъ около 60 дней. Іонійцы могли бы, въ силу даннаго имъ повелѣнія, увезшь свои суда изъ Дуная, но къ счастью Персидскаго Монарха, ошпались на прежнемъ мѣстѣ. Къ счастью и спасенію! ибо

(1) Дарій навязавъ на ремнѣ пятьдесятъ узловъ, призвалъ Іоническихъ Князей на совѣщъ, въ которомъ говорилъ онъ имъ: мужіе Іонійскіе! я опмѣняю прежнее мое намѣреніе о мостѣ. Ремнѣ сей уношребляйте такимъ образомъ: какъ скоро я пойду на Скиѣовъ, по съ того времени на всякой день развязывайте по узлу. А когда сполько дней пройдетъ, сколько узловъ на ремнѣ, и я назадъ не возвращуся: по опъвязайте по вашимъ городамъ назадъ. А до того времени храните мостъ. Геродотъ кн. IV, 91. Переводъ Андрея Наршова.

Дарій совершенно оставилъ намѣреніе возвратиться въ Азію чрезъ Каспійскія врата, и бесплодно гонялся по Сарматской и Будинской областямъ за Скиѣми. Будины оставили свое опечесство; но какъ земля ихъ кое-гдѣ была воздѣлана: по Дарій присоединилъ ее къ своему Государству и приказалъ построить восемь большихъ крѣпостей по рѣкѣ Хопру (1) (въ Саратовской и Воронежской Губерніяхъ и въ землѣ Донскихъ Козаковъ), будучи, безъ сомнѣнія, удостовѣренъ въ томъ, что сія область недалеко лежитъ отъ границъ Персіи. Въ противномъ случаѣ, какой бы пользы могъ онъ ожидать отъ городовъ, съ конми не могъ иначе имѣть сообщеніе, какъ переходя Дунай и окружая Черное море?

Дарій отдохнулъ нѣсколько дней на берегахъ Хопра во второй Сарматіи; потомъ рѣшился пройти всю Скиѣю отъ востока къ западу. Въ этомъ случаѣ, нельзя обвинять его въ дерзости; ибо сія земля была весьма извѣстна Грекамъ, нерѣдко сопровождавшимъ шуда купеческіе караваны. Дарій учредилъ свой походъ чрезъ землю Андрофаговъ (2) (Курскую Губернію) и Меланхленянь (Черниговскую); онъ перешелъ Донъ недалеко отъ нынѣшняго Воронежа, а

(1) Плиній называетъ р. Хоперь *vagus* или *orhagus*. Кларкъ думаетъ, что древняя рѣка Оаръ есть Волга. Истор. Картины Азіи, тетрадь I стр. 24.

(2) Жилища Меланхленянь въ Россіи находились въ 4000 стадіяхъ или въ 800 верстахъ отъ Чернаго моря къ северу, въ ближнемъ соседствѣ съ Андрофагами; тѣ и другіе питались человѣческими мясомъ. Меланхлены назывались такъ отъ черной одежды своей.

Днѣпръ ошъ Чернигова (1); шущъ необходимость зашавила его пошянушься къ Югу (2); пошому чшо болоша Неврскія (въ Минской Губерніи) были непроходимы и ошдалили бы его ошъ Дунайского мосша.

Между шѣмъ, Скибы въ умышленномъ бѣгшвѣ своемъ вшупили въ землю Невровъ (Галлицію); быспро досшгили береговъ Чернаго моря и ошправили Пословъ убѣждашь Юнянъ къ сняшю мосша и ошплышю ошъ береговъ Дуная. Они были увѣрены, чшо войско Даріево пошбнешъ, если ошанешся зимовашъ въ ихъ спеняхъ.

Въ продолженіе всего эшаго шруднаго и безплоднаго для Персіанъ похода, Скибы, будучи ихъ малочисленнѣ, шщашельно избѣгали рѣшительнаго сраженія, засыпали источники и колодцы, шраву на полъ выжигали; женъ, дѣшей, шсарцевъ, шедѣги и домашній скошъ заблаговременно ошправили въ глубину Сѣвера, и ошшупая, прикрывали свой пылъ ошборною конницею (3), кошорая въ мѣлкихъ сшибкахъ всегда Персидскую опрокидывала.

Дарій горячо ихъ преслѣдовалъ, но ни принудить къ бшшвѣ, ни сдѣлать большаго вреда не могъ: всѣ мѣста по дорогѣ находили ошъ опусшошенными,

(1) Историческія каршны Азіи, соч. Клапрота, шешрадь 1 и 2) стр. 24 и 25.

(2) Можетъ бышь, по берегу славной переправы Наполеона *Березины*, кошорая здѣсь вливаешся въ Днѣпръ.

(3) Геродотъ кн. IV. 113, 114.

и вступя въ деревянный городъ, Будинами оставлен-
ный, сжегъ оный.

Наконецъ, скипясь изъ земли въ землю, изъ
спеси въ спесь, пошерьвъ ошъ изнуренія, голода
и болъзней 180,000 человекъ, возвратился ускорен-
ными переходами къ Дунайскому мосту, поспѣшно
перешель оный, и не давъ переправиться всему
войску, повелѣлъ развесить его, какъ скоро увидѣлъ,
что Скиѣскіе передовые опряды приближаются къ
берегу. Такъ кончилось сіе огромное предпріятіе
могущаго Персидскаго Монарха.

Вшорженіе въ Скиѣю хишраго Филиппа, Царя
Македонскаго, за 338 лѣтъ до Р. Х. было счастливъ-
вѣе. Въ то время Аеѣй царшвовалъ надъ Скиѣами.
Будучи пришѣняемъ Испріянами, которые обитали
въ Мизіи близъ устья рѣки Дуная и безпрешанно
съ нимъ воевали, онъ шребовалъ помощи у Царя
Македонскаго, обещаъ признашь его наследникомъ
своего Преспола. Филиппъ немедленно опрядилъ къ
нему сильное вспомошательное войско; но Испріяны
узнали объ эшомъ, оставили непріязненныя дѣй-
ствія и въ страхѣ удалились въ свое опшечство.
Тогда Аеѣй опправилъ вшорыхъ Пословъ къ Фи-
липпу — съ объявленіемъ, что Скиѣамъ болѣе не
нужно ни Македонскихъ полковъ, ни наследника
Преспола: ибо Царь ихъ имѣеть сына. Филиппъ,
заняшый осадою Визаншіи, не могъ имъ опшешить
и шребовалъ шолько вознагражденія за убышки ему
причиненныя. Скиѣы опказались удовлетворить его,

ссылаясь на свою бѣдность. Раздраженный Филиппъ вспунилъ съ войскомъ въ ихъ предѣлы. Произошло сраженіе, Македоняне побѣдили; однако не нашли въ Скиѣи ни серебра, ни золота, и увлекли въ плѣнь до 20,000 человекъ, многочисленныя стада рогатаго скота и шабуны лошадей. При обратной переправѣ черезъ Дунай, Скиѣи ошбили у него большую часть сей добычи. (1)

Сынъ его, Александръ Великій, предводительствуя побѣдоносною арміею, предпринялъ въ 334 году до Христіанскаго лѣтосчисленія покорить воинственныя Скиѣовъ. Квинтъ-Курцій (2) увѣряетъ, что онъ разбилъ ихъ, принудилъ просить мира и призналъ его своимъ повелителемъ. Напрошивъ этого Юстинъ (3) сократилъ всеобщей Исторіи Трога Помпея, пишетъ, что Скиѣи были всегда непобѣдимы, и даже разбили тридцати-тысячное войско Александрово, находившееся подъ предводительствомъ Зуперіона.

Ошъ Александра, завоевателя Азіи, мысль сама собою переносится къ Карлу XII, безразсудному его подражателю. Вижу кровавое поле сосѣдственной съ Екашеринославомъ Полшавы: носилки Шведскаго Героя разбины пушечнымъ ядромъ, вѣрные драбанты на рукахъ выносятъ раненаго Короля

(1) Птоломей, таблица IX. Плиній кн. IV.

(2) Квинтъ Курцій, кн. VII.

(3) Юстинъ, древней Универсальной Исторіи Трога Помпея сократилъ, кн. IX гл. 2. съ Лам. Н. Поповъ; С. П. Б. 1768.

изъ пыла бившы, разсѣянные полки его бѣгущъ въ безпорядкѣ — и за ними Петръ въ дыму и пламени. Карлъ не хотѣлъ бѣжать и не могъ обороняться: прошивъ воли сажаящъ его на лошадь; Мазепа, драбаншы и Запорожцы сопровождающъ его; лошадь подъ нимъ убиша. Его посадили въ карету; ошъ скорой ѣзды колесо изломалось; съ шрудомъ пересадили его опяшь на лошадь. При мѣстечкѣ Переволочнѣ переѣхаль онъ Днѣпръ; лошадь подъ нимъ пала, раненый Офицеръ успунилъ ему свою. Онъ бѣжиль по шѣмъ самымъ степямъ, по коимъ за двѣ шысячи лѣшъ передъ нимъ бѣжали Сезоспрись, Киръ и Дарій, гдѣ проходили Ашилла, Эрманарихъ и Свяшославъ съ храбрыми дружинами, смирившими Римъ и Конспаншинополь.

Въ Великой, Малой и Бѣлой Россіи перемѣнялись власшители; обласши ихъ были покаряемы, ошпоргаемы; жишели ограблены, разсѣяны; но ихъ не вышѣсняли и не иштребляли; въ Новой Россіи цѣлые народы смѣнялись, или совсѣмъ ишчезали съ лица земли.

Въ древней Россіи, даже и послѣ раззоренія варварами, ошались слѣды бышя народнаго: въ Кіевѣ — Софійскій Соборъ, великолѣпныя развалины Десяшинной Церкви, гробъ Ярослава, Руская Правда, Неспоровъ Лѣшопишець, пѣснь Игорева; въ Москвѣ — вѣчный Кремль съ Царскими чершогами, съ Иваномъ Великимъ, съ злашоглавными Соборами, Ишорія Государштва Россійскаго, Пѣвецъ въ спанѣ Рускихъ воиновъ, медали Графа Толштова; въ Новгородѣ мо-

настыри, грамошы, договоры съ Гапзейскими городами и развалины на великомъ проспранствѣ разбросанныя. Здѣсь, кромѣ холмовъ могильныхъ и грубыхъ ишукановъ, нѣтъ никакихъ признаковъ. У варваровъ не было ни зодчихъ, ни испориковъ. Если приняшь въ спрогомъ смыслъ: древняя Россія спонала подѣ чуждымъ игомъ шолько однажды — въ нашествіе Башыя съ Монголами; грабежи Половцевъ, набѣги Печенѣговъ, Поляковъ, Ливонцевъ были мѣспные, крашковременные, и болѣе походили на разбой, нежели на завоеваніе. Новая Россія болѣе двадцати разъ переходила изъ рукъ въ руки: въ ней издревле обшпалы, чрезъ нее всегда проходили орды воинственныя и храбрыя, дикія и бѣдныя, кочующія и свободныя, дружныя съ опасностями и привыкшія къ трудамъ самымъ шпжкимъ, возникшія въ шопкихъ болошахъ, дремучихъ лѣсахъ, въ снѣжныхъ сугробахъ, или знойныхъ пустыняхъ. Всѣ они разшпельно сходспвовали одинъ съ другимъ; и шощь, кому извѣстенъ образъ жизни и нравы одного шпкого народа, знаешь всѣ прочіе. Только въ чершахъ лица, языкѣ и мѣлочныхъ обшпояшельствахъ жизни можно было замѣшпть различіе. (1) Всѣ они ошъ Скиѣа до Крымскаго Ташарина были крѣпкаго сложенія, мешкіе спрѣлки, лихіе наѣздники, спрасшные охошники до шѣлесныхъ упражненій; шппались звѣ-

(1) На пр. одна возлаи женъ своихъ на верблюдахъ, другіе въ шедѣгахъ; Гунны были безобразны, Алане пригожи; Гунны не сходлаи съ лошадей, Славяне любили сражаться пѣшіе.

риною охотою, рыбною ловлею, молокомъ и мясомъ спады своихъ и презирали земледѣліе. Кровожадные, но гостепріимные, опважные и хитрые въ военныхъ дѣйствіяхъ, алчные корысти и бѣдные, они въ сей самой бѣдности образовали нравы болѣе грубые, нежели чистые, пламенную любовь къ независимости и жажду войны и грабежа. Въ мирное время они жили общесвами, почти не зная объ успавахъ общественныхъ, не имѣя недвижимой собственности, письменъ, гражданскихъ и шорговыхъ сношеній. Немногіе изъ сихъ народовъ имѣли Царей; большая же часть, управляясь старѣйшинами семействъ, только въ случаѣ вшорженія непріятели, или замышляемаго на сосѣдственныя земли набѣга, временно ошрекались опъ дикой воли, составляли полки и выбирали воеводу, копорые личными своими качесвами досшойны были ими предводительствовашь.

Начинающія народы, когда другіе разсыпаются; одного разрушеніе даетъ происхожденіе другому.

Ломоносовъ.

1. Киммеріане, Кимеры, Кельты, Циммеры, Цельты, Галлы, или Галаты, XVI вѣкъ до Р. X.

Самые древнѣйшіе обитатели Екашеринославской, Херсонской и Таврической Губерніи, Черноморіи и опъ части земли Донскихъ Козаковъ были Киммеріане (1), вѣроятно, единоплеменные съ Герман-

(1) *Карамзинъ ИГР. ч. 1. стр. 4.*

скими Цимбрами. Они предшествовали Скиѣамъ въ Тавридѣ, по крайней мѣрѣ, цѣлымъ вѣкомъ, если судить по ихъ многочисленности и заведеніямъ. (1) „Та земля, въ которой теперь (500 лѣтъ до Р. Х.) Скиѣи обитаютъ, прежде сего принадлежала *Киммеріанамъ*.“ (2) говорятъ ошець Исторіи.

Чудно, что изъ всѣхъ народовъ, обитавшихъ въ Южной Россіи, одни только они были земледѣльцами, имѣли постоянныя жилища и торговали. (3) Всѣ, послѣдовавшіе за ними, бродили по степямъ, и не знали ни искусствъ, ни промышленности. Изъ Скиѣевъ только шѣ, которые жили въ сосѣдствѣ съ Фликіянами и Греками, воздѣлывали землю.

Еще во времена Геродота (4) въ Скиѣской землѣ были *Киммерійскія* степи, *Киммерійскій* бродъ, страна, называемая *Киммерія* и *Киммерійскій* морской проливъ (*Bosphorus Cimmericus*); (5) также упоминается о *Киммерійской* таможенѣ въ Кремни, (6) и о *Киммерійскихъ* горахъ (7) Пѣвецъ Одиссея за-долго прежде сказалъ о нихъ: „Есть народъ *Киммерійскій* и городъ *Киммеріонъ*, покрытый облаками и

(1) Сесренцевичъ-Богушъ. Исторія Тавриды ч. I, стр. 46.

(2) Геродотъ, кн. IV, 10.

(3) Сесренцевичъ тамъ же.

(4) Геродотъ кн. IV, 11.

(5) Весьма известно названіе *Босфора Киммерійскаго*, соединяющаго Азовское море съ Чернымъ.

(6) Спрабонъ, кн. XI.

(7) Дорожная карта, сдѣланная въ IV вѣкѣ, по повелѣнію Императора Θεодосія.

шуманомъ: ибо солнце не озаряешь сей печальной страны, гдѣ безпрестанно царствуетъ глубокая ночь.“

Въ древности, полуденная часть міра называлась Эѳіопією, восточная Индією, нынѣшняя же Европа была известна подъ именемъ *Кельтики*. (1) Россія отъ береговъ Бальтійскаго моря до Чернаго обитаетъ была Кельшами, коихъ называли также *Галлами* или *Галлатами*. (2) На Кельшскомъ языкѣ слово: *Киммеріане* и *Кимеры*, (3) на Греческомъ: *Галлаты*, на Латинскомъ: *Галлы*, имѣють одно значеніе, ш. е. воины, или ратники. (4) Они занимали также Швейцарію, Германію и Францію, если въришь Геродоту, когорый написалъ, что „Испръ (Дунай) течеть чрезъ всю Европу, имѣя начало свое въ землѣ *Кельтовъ*, когорые, послѣ Кинишлянъ, самыя послѣдніе изъ всѣхъ народовъ къ Западу.“

Въ Кельшскомъ языкѣ очень много словъ Славянскихъ. (5) Онъ и теперь еще употребляется въ Бискаіи, въ Южной Бретани, въ Герцогствѣ Гальскомъ и Корнваллійскомъ и въ Ирландіи.

Скиѣы, тѣснимые Массажетами, перешли за Волгу и изгнали Кимбровъ изъ Новороссійскаго края. Они

(1) Эворъ, въ Страбоновой Географіи.

(2) Юлій Цесарь о войнѣ съ Галлами. Павзаній кн. I.

(3) Діодоръ Сицилійскій, Павзаній, Юлій Цесарь.

(4) Тамъ же.

(5) Словарь всѣхъ языковъ, известныхъ въ свѣтѣ, составленный по повелѣнію Екатерины Великой.

удалились въ Испалію и Францію. Часть ихъ осталась въ Тавриді, но будучи безчеловѣчно угнетаемы своими побѣдителями и поперявъ перпѣніе, ушли за VII вѣковъ до Р. Х. въ Азію. (1)

- (1) Для любопытствующихъ знать подробнѣе о семъ достопамятномъ народѣ, прилагаемъ двѣ выписки: первая переведена изъ *Mercure du XIX siècle*; вторая изъ одного весьма уважаемаго въ Германіи Писателя.

I.

О Киммеріанцахъ, Кимврахъ, Кельтахъ или Галлахъ и Галатахъ.

Кельты занимали обширное пространство земли, изъ которой гораздо позже составились не только Голландія, Фландрія, Бельгія, Франція, Швейцарія, Савойя, но и вся Южная и Сѣверная Германія и часть Европейской Турціи. Жители сихъ различныхъ странъ вообще назывались Кельтами. Именемъ Галловъ, которое въ послѣдствіи давалось имъ безъ различія, начали называться гораздо ближе къ нашимъ временамъ жители Франціи и Бельгіи, подобно какъ именемъ Германцевъ еще позже стали называть Кельповъ, поселившихся по ту сторону Рейна (*). Тевтоны, Кимвры, Ицегоны, Исшевоны, народы вышедшіе изъ той части Целтии, которую Кесарь первый называлъ Германією, до него не назывались иначе, какъ только Кельтами или Галлами, равно какъ Гельветы, Аллоброги, Лингоны, Парижане и проч.

(*) Аппіанъ, Секстъ Руфъ, Цицеронъ и другіе Писатели, говоря о побѣдахъ Марія надъ Кимврами принимали всѣхъ ихъ за Кельповъ или Галловъ. *Cimbri gens Celtica* (Кимвры Кельтское племя) Аппіанъ кн. I. О междоусобіяхъ и войнѣ съ Галлами. — *Marius Gallos ex Italia expulit* (Марій изгналъ Галловъ изъ Испаліи). Секстъ Руфъ *Brev. rer. gest. p. vom.* — *Caius Marius, influentes in Italiam maximas Gallorum copias repressit.* (К. Марій отражалъ многочисленное войско Галловъ, наводившихъ Испалію. Цицеро, *Orat. de prov. cons.* Сіе первоначальное названіе, Кельты, поселившіеся по ту сторону Рейна, сохранили еще и тогда, когда стали уже называться Германцами. Діонъ Кассій въ кн. 53 говоритъ: *Quidam e Celtis, quos Germanos vocamus* (нѣкоторые изъ Кельповъ, называемыхъ нами Германцами). Императоръ Юліанъ, говоря о нашествіи Галловъ и Германцевъ на Испалію, называетъ ихъ и другихъ Кельтами и особенно послѣднихъ.

II.

Скиѣ, XV вѣковъ до Р. X.

Послѣ Киммеріянъ, древнѣйшими обитателями земель, лежащихъ между рѣками Дономъ и Дунаемъ, безъ сомнѣнія, были Скиѣ. Геродотъ утверждаетъ,

Бельгія и Франція, кои представляютъ намъ теперь собственно называемую Галлію, раздѣляясь, подобно осальной часини Кельній, на безчисленныя поколѣнія, отличавшіяся особенными наименованіями. Но Кимвры или Тевтоны, Лигоны или Сеноны, во времена Марія и Камила не были покорены Италією, включая Галльскіхъ Ордовъ. Между оными Лингоны и Сеноны вышли изъ Шампанскихъ долинъ. Они-то предводили славными переселенцами, которые покорили часть малой Азіи, Греціи и Италіи, презрѣли гнѣвъ Дельфійскаго прорицателя, разграбили Римъ, нанесли смертельный ударъ возникающей гордости его Капитоліи и пятью вѣками ранѣ опростили за побѣды Римскихъ легионовъ и жестокости Кесаря въ ихъ первоначальномъ опечесивѣ.

Происхожденіе всѣхъ сихъ Галльскихъ или Кельтскихъ народовъ, подобно началу всѣхъ вообще народовъ, шеряется во мракъ времени и баснословныхъ преданій; спарашся развѣять оный, есть всегда почти бесполезный трудъ. Впрочемъ, какъ преданія о первоначальномъ состояніи каждаго народа, хотя и не заслуживаютъ полнаго вѣроушія, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ Исторію его занимательною, то Песторикъ не долженъ пренебрегать оными; не выдавая ихъ за достоверныя, онъ можетъ заимствовать изъ нихъ въкормыя черты характера и первоначальныхъ правовъ разныхъ племенъ, коихъ младенческое воображеніе питалось снми мыслями.

Имя Геркулеса встрѣчается, по большой часини, въ преданіяхъ Галловъ; также перѣдко въ нихъ упоминается и объ имени Гомара. Древній Автомадунумъ, Столица Лигоковъ, по преданіямъ ея, построена шощасъ послѣ Потопа, сыномъ Ноевымъ Гифешомъ. Предводители Сеноновъ, и между ими Бреннъ, считались въ родствѣ съ

Названіе Германцевъ, данное Кесаремъ Заревскимъ Кельшамъ, свидѣтельствуетъ также о ихъ общемъ происхожденіи съ Галлами. Слово *Germanus* на Латинскомъ языкѣ имѣетъ одинакое значеніе съ словомъ *frater*. „Римляне, говоритъ Страбонъ, какъ кажется мнѣ, называли ихъ снмъ именемъ, какъ бы желая показатъ, что они суть единоплеменники Галловъ: *Itaque rectè mihi videntur Romani hoc nomen eis indidisse, quòum eos fratres esse Gallorum ostendere.*“

что они поселились на берегахъ Днѣпра за 1514 лѣтъ до Р. Х. Уцѣлѣвшіе отрывки Египетской Исторіи Первосвященника Манеѳона, подробно опи-

Иракломъ. Вся Галлія имѣла необыкновенное уваженіе къ сему Герою. Пароды ея почитали его выше полубоговъ. Благоговѣніе къ его памяти было столь же чрезвычайно и сверхъестественно, какъ и подвиги ему приписываемые.

Повѣствуютъ, что одинъ изъ славнѣйшихъ Царей Кельтскихъ имѣлъ у себя дочь необыкновеннаго роста и красоты; гордясь сими преимуществами, она опвергала всѣхъ, искавшихъ руки ея. Иракль, довавшій съ Геріономъ, остановился тогда въ Кельшип, гдѣ онъ посировавъ городъ Алезу. Царская дочь увидѣвъ сего Героя, поражена была его благороднымъ видомъ, величественнымъ станомъ и необыкновеннымъ мужествомъ; она почувствовала непреодолимую страсть, и съ согласія родителей сдѣлалась его супругою. Отъ сего союза родился Галатесъ, превосходившій жителей той страны своею силою и доблестями. Доспигнувъ совершенныхъ лѣтъ, онъ занялъ престолъ своихъ предковъ, распространившихъ свои владѣнія завоеваніемъ сосѣдственныхъ земель, заслужилъ имя славнаго воителя, и наконецъ, наименовалъ подданныхъ своихъ Галатами, а владѣнія свои Галаціею или Галліею (*).

Вотъ оппечатокъ всѣхъ почтпъ преданій, до насъ дошедшихъ; они повѣствуются различно, но имѣютъ одно и то же основаніе; въ нихъ Иракль вездѣ представляется побѣдителемъ Геріона, а иногда Тирапа, называемаго Таврискомъ, получившимъ въ супружество многихъ знатныхъ Галльскихъ дѣвицъ и родоначальникомъ многихъ знаменитѣйшихъ семействъ въ сей націи. Здѣсь повѣствуется, что по изложеніи Геріона, Цельпина, дочь Бреманнова, спряшала опъ побѣдителя быковъ, принадлежавшихъ побѣжденному тирану, и не хотѣла иначе опдать ихъ, какъ только сдѣлавшись его супругою; названіе Кельшовъ происходитъ опъ сына ихъ Кельша (**).

(*) *Дюдоръ Сицилійскій*, переводъ Аббата Террассона.

(**) Преданіе сіе, сохраненное Пареніусомъ, находится у Г. Буке въ предисловіи къ сочиненію его: *Recueil des historiens des Gaulses*; также въ *Precis historique* Г. Берлье, напечатанномъ въ превосходномъ его переводѣ Кесаревыхъ записокъ. Г. Берлье согласно съ Арпіаномъ сообщаетъ иное преданіе, гдѣ не упоминается о Иракль, но о Кельшѣ, Иллири и Галасѣ, сыновьяхъ Поллемеа и Галатеп. Преданія Дорійцевъ и Троянъ происходятъ опъ Греческаго Историка Тимагена, на коего ссылается Марцеллинъ въ кн. 15.

сывающаго Сезосприсовъ находъ въ Скиѣю, подкрѣп-
ляющъ мнѣніе Греческаго Историка. Скиѣы (1)
называясь разными именами, вели жизнь кочевую,

(1) *Карамзинъ* въ И. Г. Р. ч. I, стр. 6, 10, 11.

Впрочемъ, по свидѣльству Дорійцевъ, вмѣстѣ съ ними поселив-
шихся въ мѣстахъ близъ Оксана, онъ положилъ основаніе могуществу
Кельповъ, происходившихъ также онъ Грековъ. Другіе, напрошивъ
пого, утверждали, что они происходятъ онъ останка Троянскихъ
войскъ, поселившихся по разрушеніи Трои въ нашихъ пустыняхъ.
Басня сія, имѣющая сходство съ баснею Франка сына Пріамова и
родоначальника Франковъ, могла бы имѣть нѣкоторое отношеніе
къ небольшой странѣ Трикассовъ.

Преданіе о Гомарѣ, сынѣ Іафетовомъ, подавшее поводъ къ раз-
нымъ шуткамъ и пустымъ догадкамъ, получило начало свое только
со времени Іосифа Флавія. Историкъ сей утверждаетъ, что Гал-
лы прежде назывались Гомаріанами и происходятъ онъ Гомара. (*)
Мнѣніе сіе, заключающееся только въ двухъ словахъ и неимѣю-
щее никакого отношенія къ предыдущимъ его разсужденіямъ,
подало поводъ къ тому, что начало Кельповъ, предковъ на-
шихъ, многіе производили онъ Гомара и относили къ временамъ
прежде Поппа. Подобная басня, основанная на однихъ сло-
вахъ, опровергаемыхъ безчисленными событіями, конечно должна
показаться гораздо смѣшнѣе предъидущихъ. Но замѣнимъ, что въ
сіи преданія, болѣе, или менѣе принятыя или отвергнутыя Гал-
лами, происходятъ онъ Грековъ и Римлянъ, распространив-
шіяся въ послѣдствіи и еще позже укоренившіяся въ
Галліи. Писатели, которые старались найти истину посреди
вымысловъ погданнихъ временъ, полагали, что Кельты первонач-
ально были Скиѣами: ибо Греки и Римляне долгое время смѣшивали
ихъ между собою; но мнѣніе сіе ни на чемъ не основывается, и
Спратонъ, на котораго защитники онаго ссылаются, самъ при-
знается, что одно только невѣдѣніе Историковъ заставляло, прежде
его, смѣшивать Скиѣовъ съ Кельтами, коихъ происхожденіе онъ
впрочемъ не можетъ отыскать.

Друиды, коимъ предметъ сей долженъ быть наиболѣе извѣстенъ,
утверждали, что одна часть населенія Кельповъ вышла съ отда-
ленныхъ острововъ и странъ лежащихъ по ту сторону Рейна; а
другую часть составляли коренные жители Кельшии.

(*) Іосифъ Флавій, кн. 1 de Antiquit. jud.

подобно Киргизамъ или Калмыкамъ; (1) болѣе всего любили свободу; не знали никакихъ искусствъ, кромѣ одного: *вездѣ наступать непріятелей и вездѣ отъ нихъ скриваться*. Въ надеждѣ на свою храбрость и многочисленность, они не боялись никакого врага;

(1) И подобно Гуннамъ, Готтамъ, Славянамъ, Монголамъ и всемъ дикарямъ, кои изъ глубины Сѣвера и Тартаріи пришли грабить Римлянъ, въ продолженіе пятнадцати вѣковъ безнаказанно грабившихъ вселенную.

II.

Кимвры или Киммеріане были древнѣйшій Германскій народъ, съ коимъ познакомились Греки. Это случилось вскорѣ послѣ Троянской войны, когда Кимвры изъ жилищъ своихъ въ Крыму и Европейской Тартаріи ворвались въ малую Азію. Въ сіе время Скифы, будучи принуждены уступить Массажетамъ восточные берега Каспійскаго моря, обратились къ западу противъ Киммеріанъ. Сіи послѣдніе были въ нерѣшимости, спрашиваясь ли, по волю Царей ихъ, новымъ пришельцамъ вооруженною рукою, или добровольно, какъ сошловала другая партія, уступить имъ отечество и удалиться въ другія страны. Между ними произошло сраженіе, въ которомъ Королевская партія была побѣждена. Схоронивъ убитыхъ на берегу Тираса (Днѣпръ), гдѣ Геродотъ видѣлъ ихъ могилы и надгробные памятники, побѣжденная партія усеремлялась къ Сѣверо-Восточнымъ берегамъ Понта и ворвалась въ Азію, гдѣ она сдѣлалась извѣстною Грекамъ; другая часть ихъ обратилась къ Вислѣ. У Грековъ осталось одно только преданіе, что Киммеріане удалились къ Сѣверо-Западу. И по сему, Греки вошли въ Сѣверо-Западный Океанъ, почитали тамошніе народы Киммеріанами, и по сей же причинѣ Гольштейнъ, Шлезвигъ и Ютландія получили названіе Кимврскаго или Киммеріанскаго полуострова. Гомеръ говоритъ о преданіи, по которому Киммеріане будио бы жили въ дѣлкахъ пещерахъ Аверна и въ вѣчномъ мракѣ; а Плинеасъ почиталъ Киммеріанами поколѣніе, найденное имъ на Датскомъ полуостровѣ. Все сіи басни послужили только къ тому, чшобъ запустить исторію сего народа. Настоящіе Киммеріане никогда не пускались споль далеко къ Сѣверу, но жили на Вислѣ, откуда они подъ именемъ Кимвровъ, вмѣстѣ съ Тевтонами, произвели столь ужасное нашествіе на Италію. Въ 640 году отъ основанія Рима, когда Римляне уже были властелинами одной части Восточныхъ Альповъ въ нынѣшнихъ Краинѣ, Истрии и п. д. и завоевали берега Далмаціи и Иллиріи, вдругъ явились безчисленныя толпы неизвѣстныхъ народовъ, которые раз-

пили кровь убитыхъ неприятелей; выдѣланную кожу ихъ упошребляли вмѣсто одежды, а черепа вмѣсто сосудовъ, и въ образѣ меча поклонялись богу войны, какъ главѣ другихъ мнимыхъ боговъ.

Имя Скиѳовъ изчезло за 50 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія; должно думать, что, или оно перемѣнилось въ имя Геповъ и Гопѳовъ, или Скиѳы слились съ единоплеменными Сармашами, или испреблены ими, по извѣстію Діодора Сицилійскаго.

были Консула Папірія Карбона въ нынѣшнемъ Шпейермаркѣ, но вмѣсто того чпобы ворваться въ Италію, пошлянулись по Восточной сторонѣ, и вскорѣ послѣ того соединясь съ Тигуринами, напали на жилища Аллоброговъ. Римляне отправили прошивъ ихъ двѣ арміи подѣ начальствомъ Консуловъ Л. Кассія и М. Аврелія Скавра, но они оба были разбиты, одинъ Тигуринами, а другой Кимврами. Но и тушь побѣдители не пошли въ Италію, а наводнили всю Галлію шремя полдами: Тевтонами, Кимврами и Амбронами. Двѣ новыя арміи, съ коими Консулъ К. Манлій и Проконсулъ Кв. Сервилій поспѣшили къ нимъ на встрѣчу, были также разбиты на Роданѣ. По словамъ Азція, Римляне лишились 80,000 человекъ убитыми. Между тѣмъ, какъ Римъ въ сихъ бѣдствіяхъ возложилъ послѣднюю надежду свою на Марія, варвары прошли всю Западную Европу. Галлію они ужасно опустошили; но жители Иверіи и Бельгіи ихъ опраздла. Тушь они рѣшились ворваться въ Италію. Тевтоны и Амброны должны были напасть съ Западной стороны Альповъ, а съ Восточной Кимвры и Тигурны. Марій ждавъ Тевтоновъ цѣлые перва года и тѣмъ приучивъ войско свое къ нападеніямъ страшныхъ доселѣ враговъ, въ два дни совершенно разбилъ ихъ (въ 651 году отъ основанія Рима), въ первый день Амброновъ, на другой Тевтоновъ близъ Э въ Провансѣ. Кимвры, которые между тѣмъ успѣшно сопротивлялись Консулу Капуллу при Адикъ, уныли при семъ бѣдственномъ извѣстіи. Не прежде, какъ получивъ рѣшительный отказъ въ пребованіи, чтобы имъ уступили Италію, они дерзнули сразиться съ Римлянами, и были совершенно побѣждены. Разбитые Кимвры и Тевтоны съ сего времени изчезли изъ Исторіи; вѣроятно соединились они съ другими Германскими народами.

Единовременный памятникъ бышя ихъ — ихъ *Царское кладбище*, священное для народа и неприступное для враговъ, (1) вѣроятно, находилось ниже Днѣпровскихъ пороговъ (2,) хотя многіе Нѣмецкіе ученые указываютъ мѣсто онаго выше Кіева. Около сей древней Сполицы Великокняжеской не видно большихъ насыпей.

При опѣздѣ моемъ изъ Дерпша въ южныя Россійскія Губерніи, славный учеными изысканіями нашихъ древностей, Профессоръ Эверсъ, предложилъ мнѣ нѣсколько историческихъ вопросовъ для разрѣшенія на мѣстѣ. Онъ желалъ между прочимъ, чшобы я опредѣлилъ, если сіе возможно, по признакамъ и разстояніямъ, мѣсто кладбища Скиѣскихъ Царей, о кошоромъ Геродотъ повѣствуетъ въ IV своей книгѣ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

(1) Карамзинъ въ И. Г. Р. ч. 1, стр. 7. — Кн. Щербатовъ въ Рос. Исторіи, ч. 1. стр. 92.

(2) Гр. Иванъ *Потоцкій* посѣщалъ сіи мѣста и вошь его мнѣніе: „Гробницы Скиѣскихъ Царей были и теперь еще существуютъ на правомъ берегу р. *Конскія Воды*. Путешественникъ, ѣдущій изъ *Александровска*, чшо на Днѣпръ, къ *Такману*; находить на пространствѣ 30-ти вершъ насыпи, которыя называются здѣсь *курганами* и *могилами*. Тушь видны слѣды разныхъ вѣковъ и народовъ.“

Сестреницевичъ - *Богушъ* то же подтверждаетъ: „и понынѣ существуютъ некоторыя изъ сихъ гробницъ, примѣшныя своимъ возвышеніемъ, въ степи *Герро*, не подалеку отъ Днѣпровскихъ пороговъ.“ См. Исторію Царства Херсониса-Таврическаго, ч. 1, стр. 222.

СОПЕРНИЦА.

П о в ѣ с т ь.

„Я несчастлива; онъ меня болѣе не любитъ!“ — сказала госпожа Ц., и бросилась со слезами въ объятія родителя.

— Милое дитя, возразилъ старецъ, прижимая ее къ сердцу: слезы твои обвиняють, но ничего не доказываютъ. —

„Ахъ! любезный башюшка,“ продолжала она, „уже ли вы не замѣтили, съ какою робостію избѣгаетъ онъ моей встрѣчи? Лице его мрачно, дверь его кабинета для меня заперта, какъ сердце его; въ глубокомъ молчаніи сидитъ онъ прошивъ меня за столомъ, и сердится, когда прерываю его молчаніе: ахъ! бывало прежде, сидя подлѣ меня, онъ ласкался ко мнѣ, и вокругъ него играли дѣти. Башюшка! я шептала и молчала, но не могу долѣе переносить своего несчастія.“ —

— Милая Луиза! — сказала онець, — кто знаетъ тайныя сраданія чловѣка? въ жизни сей бывають мрачныя минушы, а горестъ для насъ шаякая ноша. Онъ сброситъ съ себя эту ношу, и ты успокоишься. —

„Нѣтъ, башюшка, это не горестъ. Спроситъ лишаетъ его спокойствія; не мною уже сердце его заняно. Онъ часто выходитъ изъ дому; я велѣла наблюдать все его поступки. Не смотря на бурю и дождь, спитъ онъ въ самые дремучіе лѣса, онъ, кошорый всегда ненавидѣлъ уединеніе и былъ весе-

дою душою обществу! Нѣтъ, башюшка, во время бури по лѣсамъ бродишь одна только возмущенная совѣсть, или тайная любовь, которая скрывается отъ человѣческаго общества.“

— Успокойся, любезная дочь, отвѣчалъ старецъ: я поговорю съ нимъ; шерпи и помни, что крошестъ и снисхожденіе суть прекраснѣйшія добродѣтели швоего пола. —

Онъ пошелъ въ кабинетъ своего зятя. Ц... поспѣшно скрылъ какую-то бумагу, и вскочилъ съ сердитымъ видомъ. Старикъ вѣжески старался подойти къ письменному столу. Ц... наблюдалъ всѣ его движенія, и спалъ непроходимою стѣною между нимъ и письменнымъ столомъ.

— Любезный сынъ, сказалъ старикъ: я пришелъ отъ жены и дѣтей швоихъ. —

— „Они всѣ здоровы?“ — спросилъ онъ съ примѣннымъ безпокойствомъ.

— Слава Богу! здоровы; отвѣчалъ старикъ; но ты, кажешся, не шоль уже весель въ кругу швоего семейства.

„Нѣтъ! ничего! я весель и счастливъ; не моя вина, если не все идешь по прежнему.“

— Милый сынъ! сказала старикъ, схвативъ его руку: чья же это вина?

„Неужь-шо человекъ рожденъ единственно на то, чшобы живъ въ шѣсныхъ предѣлахъ семейныхъ связей?“ возразилъ Ц... и глаза его засверкали. Есть минушъ, въ кошорья душа, лучшая половина

человѣка, возносясь надъ браннымъ міромъ, забываешь землю и мірскія хлопоты.“

— И слѣзы жены? воскликнулъ спарикъ, и крѣпко схватилъ его за руку.

„Эшо пройдешь,“ ошвѣчалъ Ц... „время упо-
сишь съ собою и радости и слѣзы. Тѣни пьюшь
забвеніе изъ Лепы, а время ешь наша Леша.“

Спарикъ взглянулъ на него боязливо.

— Любезный сынъ! сказалъ онъ смущеннымъ го-
лосомъ: я не люблю навязывать лѣкарства, но ма-
ленькая порція креморшаршару успокоила бы швою
взволнованную кровь....

Ц... съ сожалѣніемъ пожималъ плечами; спарикъ,
покачивая головою, пошелъ къ своей дочери.

„Ну, папінька,“ спросила она: „теперь вы соб-
ственными глазами удосшвѣрились?“ —

— Признаюсь, сказалъ ошець; онъ для меня за-
гадка. Мужъ швой сидѣлъ за письменнымъ столомъ,
когда я вошелъ; онъ въ испугѣ вскочилъ, и поспѣшно
скрылъ свои бумаги — мое первое подозрѣніе пало
на его сердце. —

„Такъ! онъ любишь другую,“ вскричала Луиза:
эшо смущеніе, эши шайншвѣнныя бумаги — все
явно обличаешь его въ прешупной спрасши. —

— Сшранно, очень сшранно! продолжалъ спа-
рикъ качая головою: жаль, что я не Медикъ, а
гошовъ бишься объ закладъ, что у него голова раз-
строена. Прикажи за нимъ присматривать внима-
шельнѣе; можешь бышь, что у него бѣлая горячка.

Онъ говорилъ что-то о Лешѣ, изъ которой пьемъ забвеніе горестей.

„Нѣтъ! пресупленіе шаиша въ сердцѣ его!“ вскричала *Лунза*, и бросилась въ объятія преспа-рѣлаго родителя.

— Не спорю съ тобой, что, можешь быть, я ошибаюсь, продолжалъ старикъ; хорошенько наблюдай за его поступками, но ради Бога, будь осторожна; — не забывай двухъ главныхъ добродѣтелей твоего пола, крошесни и смихожденія. —

Лунза внимала утѣшенію отца, но слезы ея лились ручьями. Она знала нѣжныя добродѣтели своего пола, но не имѣла швердосни исполнять ихъ. Она переходила изъ одной комнаты въ другую, и заплаканные глаза ея выглядывали изъ каждаго зеркала; шо прижимала дѣшею къ своему сердцу; шо съ ужасомъ ихъ опъ себя опшалкивала, ибо они походили на отца. Вдругъ ей послышался жалобный голосъ. Она стала вслушиваться; звуки выходили изъ мужниной комнаты. Тихо, какъ подозрѣніе, подкралась она къ двери. Кто-шо вздыхалъ. *Лунза* зашрепешала. Она услышала невнятные, прерывистыя слова. Они произносились громче и громче; эшо былъ голосъ ея мужа. Онъ говорилъ нѣжно и спрашно; выраженія его были изысканны и краснорѣчивы. Увы! шакъ онъ никогда не говорилъ съ нею! онъ, казалось, становился неотшупнѣе, — онъ колебался между обязанностію и любовью, спрашь побѣдила — и *Лунза*, заливаясь слезами, упала у самаго порога

двери. Ц... въ испугъ отворилъ дверь. Луиза приподнялась, и съ пылающимъ лицомъ вошла въ его комнату.

Ц... ужаснулся. Взоръ ея искалъ виновницу семейнаго разрыва; онъ былъ одинъ. Она подошла къ окну. Мужъ ея жилъ во второмъ ярусѣ: слѣдственно выскочить изъ окна было весьма опасно. Ц... заботливо схватилъ ее за руку. Она взглянула на него, заливаясь слезами: въ шѣсномъ ящикѣ письменнаго стола никому нельзя было спряташься, а комната не имѣла пощаенной двери. Она совершенно потерялась; но явственно слыша любовное изъясненіе мужа-измѣнника, ей не лзя было себя переувѣрить.

„Варваръ! вскричала она, не умерщвляй меня медленными муками — и громко рыдая бросилась изъ комнаты. Ц... съ удивленіемъ посмошрѣлъ ей въ слѣдъ, позвалъ горничную, и послалъ ее въ комнату жены своей. Онъ самъ побѣжалъ къ песню. Спрахъ и печаль написаны были на лицѣ его. Шарикъ смошрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— „Башюшка!“ — вскричалъ онъ болѣзненнымъ голосомъ, и слова его замерли на ухахъ: онъ схватилъ руку шарца съ сильнымъ движеніемъ; шарикъ поспѣшно отдернулъ ее. „Бѣдная моя Луиза!“... вскричалъ Ц... и бросился въ кресла.

— Твоя жена? спросилъ шарикъ: ради Бога, скажи, что съ нею? и пошелъ къ двери.

Ц... остановиль его. „Паничка, милый паничка! я васъ долженъ приготошить къ ужасной вѣсти.“

— Боже мой! что такое случилось? — вскричалъ спарикъ въ опчаяніи: говори! —

„Я въ такомъ еще испугѣ, что себя не помню, продолжалъ Ц...“ это конечно одно предположеніе, но все меня въ томъ утѣрлешъ. Вы вѣрно сами замѣшили, что она послѣ родовъ смала необыкновенно печальна, и нерѣдко, сидя, одна въ своей комнашѣ, заливаешся слезами.“

— Ахъ! — вздохнулъ спарикъ свободнѣе: ты до эшихъ поръ не отгадалъ причины сихъ слезъ? —

„Я вѣдь вамъ говорю, что это одно предположеніе; я почишаю все это слѣдствіемъ родовъ. Представьте себѣ: за нѣсколько минушъ вдругъ слышу шукъ за дверь ю; отворяю дверь, и Луиза лежишъ на полу въ обморокъ; поднимаю ее, она бѣжишъ къ окну и дико смотришъ на дворъ. Батюшка! если бъ я не удержалъ ее, то она бросилась бы изъ окна на мостовую. Она, какъ вторая Медея, бросая на меня пылающіе яростью взоры, выбѣжала изъ комнашы; я отправилъ въ слѣдъ за нею горничную, — ахъ! эти несчастные роды! она вѣрно помѣшалась въ умъ, и съ того самаго времени еще не можешъ оправиться.“

Спаричокъ сомнишельно покачалъ головою.

— Любезный сынъ! — сказалъ онъ заботливо: прииялъ ли ты лѣкарство? —

„Ради Бога! вскричала *Ц* . . . оставьте свои заботы обо мнѣ, и помогите вашей дочери.

— Любезный сынъ! возразилъ спарикъ: на помѣ же мѣстѣ, гдѣ ты теперь стоишь, она жаловалась мнѣ сегодня на свое несчастное положеніе. —

„И такъ, спросилъ *Ц* . . . дрожащимъ голосомъ: когда *Луиза* приходишь въ себя, то сама сознается въ своемъ сумасшествіи?“

— Ахъ! — вздохнулъ спарикъ: если бы ты слышала, какъ прогашельно говорила она о своей поскѣ, о своихъ спраданіяхъ! —

„Такъ точно!“ — вскричалъ *Ц* . . . она лишилась разсудка.

— Нѣтъ! нѣтъ! возразилъ спарикъ: она спрадаетъ, и она тѣмъ несчастнѣе, что въ полной мѣрѣ чувствуетъ свои спраданія. Ты къ ней равнодушенъ; ты разлюбилъ ее; въ душѣ твоей скрывается какая-то тайна, кою она не въ силахъ разгадать; подозрѣніе возмущаетъ ея спокойствіе, отчаяніе перзааетъ ея сердце. —

„Такъ это ревность?“ — сказалъ изумленный *Ц* . . . „и для того единственно пришла она прервать мои сладостные воспорги. Боже мой! какъ можешь человекъ такъ низко пресмыкаться во прахъ? Надѣюсь, что все благополучно кончится. Въ объявіяхъ любви она будетъ пить изъ потока забвенія.“

Онъ вышелъ изъ комнаты. Забошливый спарикъ поспѣшилъ къ своей дочери.

— Послушай меня, сказалъ онъ: не спускай его съ глазъ; мое подозрѣніе усиливается: я опять говорилъ съ нимъ —

„Ахъ! онъ любитъ другую, въ шомъ нѣтъ никакого сомнѣнія!“ сказала съ глубокимъ вздохомъ *Луиза*.

— „Пошли сегодня вечеромъ за Докшоромъ; чшо мы знаемъ о болѣзни швоего мужа? съ нимъ опять сдѣлался шомъ же самый припадокъ; онъ опять говорилъ о какой-шо рѣкѣ, изъ кошорой пьюшь забвеніе. По всему видно, чшо онъ съ нѣкошораго времени приспрасшилъ къ вину.“ —

Между шѣмъ *Ц*... возвратился въ свою комнату. *Луиза*, покорясь жестокой участи, упала въ кресла, и долго сидѣла въ глубокомъ молчаніи. Насупилъ вечеръ. Тишина и спокойствіе воцарились на улицѣ, а въ душѣ ея свирѣпшвовала буря. Свѣшила ночи привѣшно сверкали на небѣ, а въ сердцѣ ея было мрачно, и ни одинъ лучъ надежды не согрѣвалъ его. Горничная вошла и рассказала смущеннымъ голосомъ, чшо Господинъ *Ц*... завернувшись въ плащъ, уже съ часъ шому назадъ, украдкою вышелъ изъ заднихъ воровъ дома, и до сихъ поръ не возвращался. *Луиза* поблѣднѣла. Она вскочила; лихорадочная дрожь пробѣжала по всѣмъ ея членамъ; всѣ змѣи ревности обвились вокругъ ея сердца. Безъ цѣли схватила она свѣчу, и съ пренециющимъ сердцемъ ошановилась у комнаты мужа. Дверь была заперта; опчаяніе придавало ей силы, и дверь опскочила. Дикіе взоры ея блуждали въ комнату;

она взглянула на письменный споль, подошла, и увидѣла написанными тѣ самыя несчастныя слова, кошорыя она слышала поупру. „Боже мой!“ вскричала она со слезами: „вошь признаніе его преступной слабости!“ — и схватила бумагу обѣими руками. „Ты не для меня была написана,“ сказала она яростнымъ голосомъ: „но въ рукахъ моихъ шы будешь его обвинишелемъ.“ Она устремилась къ двери, но предъ нею стоялъ мужъ: глаза его сверкали неистовымъ пламенемъ, волосы спояли дыбомъ, а на лицѣ его написано было мрачное опчаяніе.

— Измѣнникъ! — вскричала она, показывая ему бумагу. — Пусть люди произносятъ надъ нами праведный приговоръ.

„Уже ли шы хочешь увеличить стыдъ мой? — воскликнулъ онъ внѣ себя отъ ужаса, и крѣпко схватилъ ее за руку.

— Надобно снятъ съ васъ личину! — возопила Луиза, и вырвалась изъ его объятій.

„Я застрѣлюсь, если люди узнаюшь,“ вскричалъ онъ съ опчаяніемъ, и бросился на Луизу.

Устрашенная Луиза кинулась въ объятія отца, кошорый, крайне испугавшись шуму, робко вошелъ въ комнату.

— Вошь, вскричала она, прижавъ бумагу къ груди его, вошь признаніе его позорной спрасши! —

Ц. . . . внѣ себя отъ испуга, схватилъ бумагу и хотѣлъ ее вырвать изъ рукъ Луизы; она упорно

оборонялась. Опець заспунился за дочь, и кромѣ мѣлкихъ доскушковъ, у него осшалось въ рукахъ еще около придцати спраницъ исписанныхъ. Сшарику показалось любовное письмо слишкомъ длиннымъ; онъ спалъ чипать и нашель — прагедію!!! Ц... спояль передъ нимъ въ сильномъ волненіи; съ спрахомъ оглядываясь во все спороны, онъ поспѣшно заперъ дверь. Глаза его наполнились слезами, и въ сердцѣ его, казалось, происходила жестокая борьба.

„Теперь вы узнали несчастную шайну,“ сказала онъ; но если дорожите моимъ спокойствіемъ, по погребите ее на вѣки въ душѣ вашей.

Разспроганная Луиза взглянула на него съ живѣйшимъ сожалѣніемъ.

„Ахъ! любезный папичка,“ продолжалъ онъ, обнявъ его: „я сдѣлался жершвою моей глупости. Сего-дня играли мою прагедію: она освиспана, но никшо не знаешь, чшо я сочинитель. Пусть вмѣстѣ съ нами умреть сія шайна.“

Сшарикъ весело пожалъ ему руку. Луиза бросилась въ его объшяіа.

„Не сердись на мое минушное заблужденіе, возвращи мнѣ любовь свою,“ продолжалъ онъ, и Луиза прижала его къ своему сердцу. Сшарикъ смолрѣлъ на нихъ съ внушреннымъ удовольствіемъ.

Ц . . . бросивъ спраспный взоръ на Луизу, сказала съ удивленіемъ : „возможно ли было въ угодность Музамъ покинуть Грацій?“ онъ быспро схватилъ бумагу, и прагедія воспылала въ каминѣ.

Съ Нѣм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Ты, копорый съ равной легкостью,
Съ равнымъ даромъ пишешь сказочки,
Оды, пѣсни и влегін,
Музь любимецъ и училель мой
Въ описательной поэзіи,
Добрый другъ! открой мнѣ таинство,
Гдѣ ты взялъ талантъ божеспивенный
Восхищаль, обворожаль умы,
Сердце прогаль, очаровываль
И пльняль воображеніе?
Ты высокъ, когда предметъ высокъ,
Спраспенъ шамъ, гдѣ нужно спраспнымъ быть,
Простъ, гдѣ хочешь простотой пльняль:
Ты Прошей по дарованіямъ.

Не Зевесъ ли положилъ печать
На чель твою възвышенномъ?
Не Минерва ль обрела тебя
При рожденіи чистымъ Музамъ въ даръ?

Намъ шалашиновъ пріобрѣсть не лѣзя;
Мы съ шалашинами рождаемся.
Всѣ Пипшики, Риппорки,
Всѣ Лагары, Аришошели
Не содѣлають Поэшами.
Что наука? кормчій смысленный,
Искушенный и воспитанный
Въ школь времени и опышовъ;
Но безъ вѣтра моремъ плышь не лѣзя —
И писать безъ дарованій.
Ты Поэшомъ родился на свѣшъ,
Въ колыбели повисъ лаврами.
Родился — и улыбнулася
Мать — Природа сыну милому:
И всѣ виды для очей твоихъ
Въ красоту преобразились!
И всѣ звуки въ слухъ младенческій
Полилися сладкогласіемъ!

Представляешь ли фантазію,
Какъ она по свѣшу рыскаешь
Подославши самолеть-коверь,
Алый макъ держа въ одной рукѣ,
А въ другой шпринку бѣлую:
Прешворяешь въ пурпуръ рубище,
Въ пышный храмъ шалашъ соломенный,
Цѣпи тяжкія желѣзныя
Въ вязъ легчайшую цвѣпочную.
Всѣ блестящи краски радуги
На полштру напшраешь пы,
И рисуешь кпешю смѣлою
Тицілна и Орловскаго.
Рвешь цвѣшы въ поляхъ лазоревыхъ,
На шелковыхъ зеленыхъ лугахъ,

На сыпучихъ на желшыхъ пескахъ —
Рвешь, вплетаешь всѣ въ одинъ вѣнокъ —
И вѣчаешь белолицую,
Черноглазую, игривую,
Дщерь Зевесову Фантазію.

Со друзьями ли бесѣдуешь
Подъ покровомъ кленовъ съпчашимъ,
На ковръ луговъ узорчатомъ,
Гдѣ ручей журчишь по камешкамъ,
Гдѣ шумъ сладкой ходишь по льсу?
Ты сливая голосъ съ лирою,
Поощряешь къ наслажденіямъ,
Къ сладострастію изящному.
О друзья мои! вѣщаешь ты,
Что есть жизнь? Мечта мгновенная.
Пролетишь она, какъ сладкій сонъ,
Какъ улыбки слѣдъ прелестный,
Какъ минувшій Филомелы гласъ
Уиолкаешь за долиною.
Можешь быть, кто знаетъ будущность?
Пиръ послѣдній — пиръ сегодняшній!
Можешь быть, что насъ заштра же,
Съ заувывнымъ пихимъ пѣніемъ,
Со свѣчами погребальными
Понесуть въ могилу темную,
Закопають въ машъ - сыру - землю.
Такъ на что же дни столь крашкіе
Укорочивать заботами?
Ахъ! не лучше ли, друзья мои!
Насладиться днемъ сегодняшнимъ?
Наливай же, мальчики! полную
Чашу радости Донскимъ вѣномъ;
Подноси намъ вина Крымскія!

Въ чашѣ радости попопимъ мы
Грусть злодѣйку, чшобъ впередъ она
Не вгрызалась въ решивы сердца.

Иль съ Свѣтланною веселою
И съ Минванною задумчивой
Вечеркомъ Крещенскимъ рѣзвисься:
Топишь въ чашу бѣлый ярый воскъ,
И бросая свой золошь перстень,
Пѣсни ты поешь подблюдный,
Иль въ глухую полночь темную,
Какъ подернушь мглою сводъ небесъ,
Какъ туманы надъ водой лежашъ,
Мракъ глубокой надъ полянами,
Выпръ осенній свещеть въ скважины
И стучишь сердясь въ окончины,
Ты въ кругу родныхъ — друзей своихъ,
Красныхъ дѣвушекъ, молодушекъ,
Забавляешь ихъ разказами
О Людмилѣ, о Карбункулѣ,
О духахъ, о вѣдмахъ Кіевскихъ,
Усыпляешь, пробуждаешь дѣвъ,
Небылицы выдаешь за быль,
Коропашешь ночи длинный,
Ночи темныя осеннія,
Поучая, ты пѣвляешь насъ,
И пѣвляя поучаешь насъ.

О! соперникъ Гете, Бюргера!
Сладкопѣжною Поэзіей,
Милоздравой Философіей,
Ты шуля, безсмертнымъ сдѣлаея,
Геній видень и въ бездѣлцахъ,
Славный мастеръ въ самыхъ мѣлочахъ,
Но почто же, мой почтенный другъ,

Такъ, какъ пчелка златокрылая,
Какъ игривый мотылекъ весной
Ты лещаешь на цвѣтокъ съ цвѣшка,
Рѣдко къ верьху поднимаешься?
Ты умѣешь соколомъ лещашь,
Ты воркуешь спрашной горлицей,
Сладко свищешь соловьемъ въ саду,
Сърымъ волкомъ рыщешь по лѣсу,
Серной прыгаешь чрезъ пропасти.
Состязайся жъ съ исполнами,
Съ увѣчанными Поэтами;
Соверши двенадцать подвиговъ:
Напиши чепыре части дня,
Напиши чепыре времени,
Напиши чепыре повѣсти
Въ Рускомъ вкусъ спихотворныя.
Будь нащъ Виландъ, Аріостъ, Баянъ!
Намъ предмешовъ не заимствовашь,
И за славой не за море слашь.
На Руси былъ свой Великій Карлъ,
Князь Владимиръ — солнце свѣшное:
Онъ пры давалъ почешные,
Онъ почешные, похвальные,
Про Князей и про Бояръ большихъ,
Про Полянцу удаую;
Уощалъ богатырей своихъ
За сполами за дубовыми.
На камчашныхъ браныхъ скаперляхъ.
И любилъ изъ свѣшлой гридницы
Дповашься Князь на Впшазей,
На пошъхи богатырскія,
На удары на копейные,
На бои на рукопашные.

Мы имѣли славныхъ Вишазей
Святослава съ Ильей Муромцемъ,
Со Алешеею поповичемъ,
Со Добрынею Никитичемъ.
Они къ мыши были сведомы,
Подъ шеломами взлелѣяны
И концемъ копья воскормлены.
У насъ былъ свой змѣй Горыновичъ,
Свой безсмертный былъ Кащей скупой,
Соловей-разбойникъ жилъ въ гнѣздѣ
Межъ Черниговымъ и Кіевымъ
На двенадцати гусныхъ дубахъ.
Вѣдьмъ видали въ самомъ Кіевѣ,
А Русалокъ въ широкомъ Днѣпрѣ,
А въ лѣсу встрѣчались съ лѣшими.

Выбирай, соображай, швори!
Много славы, много прудностей:
Слава цѣнишся опасностью,
Одольными препяшпвами,
Въ колыбели, сынъ Юпитеровъ,
Задушимъ змѣй черныхъ зависши;
Но за шо Иракль на небо взялъ
И тебѣ, орелъ Поэзіи!
Подъ Грея, подъ Шиллера
Мѣсто на небѣ готовишя!

Восйковъ.

1813.

Сарепша.

(К. И. М.)

Позвольте вамъ на судъ представишь
Бездѣлицу стиховъ моихъ!
И васъ просить себя заспавить,
Прямою мнѣ толкѣ подать о нихъ.
Прилично ль мнѣ явиться въ свѣтъ?
Въ Журнальной сферѣ побывать?
Мая вспомни въ азбукѣ о Зетѣ,
Его судьбу своею щипать?
Но есть ли истина свяшая,
Которой я у васъ ищу?
Хотя поэтъ, но я не льщу,
Что эта госня дорогая
Подругой вашею сльветъ;
И такъ вы сами посудите,
Какая цѣль меня влечетъ.
Быть такъ, за дерзость накажите;
Но дайте истинный совѣтъ,
Достойно ли мое творенье
Пройти Цензурное сужденье!
И будешь щастливъ вашъ Поэтъ! —

Ненасытенскіе пороги.

Пою тебя, страна родная,
Отъ вѣка шумный Борисень!
Не ты ли пѣной омывая
Мою отеческую сѣнь,
Течешь, какъ юноша щастливый!
Течешь — на славу бранныхъ дѣлъ,
Равно, какъ оиъ нетерпѣливый!
Летимъ — и Царство пролетѣлъ.

Отъ вѣка зришь посюянный,
О, старецъ древностью съдой!
Ты зрѣлъ и миръ и жребій браний.
Россіи нѣкогда младой
Не ты ли нѣдра отверзал,
Пріялъ отъ Россовъ, ихъ лады, —
И нѣжной влагой лобизал,
Во слѣдъ шекучія спруи
Пустилъ? — и гдѣ плывушь избраны?
Далече шумною волной!
Не спрашна смерть, не спраши раи,
Гордишься славою одной!
Пройши сквозь путь непроходимый!
Наспичь враговъ и ихъ сразишь!
Сорвать вѣнецъ непобѣдимый!
И вѣчно въ памяти ихъ жить;
Иловцы, — сей мыслію гордились
И Цареградъ ихъ прещедалъ!
И вскорь Греки изумлись,
Чшо Россъ отважный побѣждалъ!
Побѣды первой, наслажденье!
Шумишь, какъ бурный Борисеень,
И славы свѣтлое явленье
Сіяетъ ярче каждый день;
Сквозь пьму время вѣнецъ блестящій,
Оскольдь и Дирь! сіяешь вамъ.
Безсилень громъ, надъ нимъ гремящій
И смершныя — безсмершны шамъ!
И вы! подобно не умрете,
Какъ ваши славныя дѣла!
Въ сердцахъ Россіянъ оживете.
Россія! славою возросла! —
Такъ наши первыя тревоги,
Какъ сонъ межъ Грековъ пронеслись,

Забыли войны дороги,
По коимъ дѣды ихъ неслись;
Забыли съ пѣмъ, чшобы явшися
Сильнѣе праѣдцовъ своихъ,
Побѣдой славной насладишься,
И сѣлать данниками ихъ.
Уже гремятъ военны звуки,
Плывушь спущенныя ладьи;
Въ рукахъ мечи, щиты и луки
И духомъ войны они;
Но кто межъ ними полъ опличный?
Ладья его, — какъ молнй бѣгъ!
Лицу его и блескъ приличный;
То Вѣщимъ прозванный Олегъ!
Единый взоръ шо пзъявляешь,
Чего желаешь смѣлый умъ!
Идешь — и славы доспигаешь,
Черты его высокнхъ думъ! —
И шамъ, гдѣ алчная зяешь
Средь волнъ кипящихъ люта смерть,
И ревомъ спрашнымъ изъявляешь
Опважныхъ пупниковъ пожершь.
Пловцы, герои ободренны,
Напрягши силы всѣ свои,
Бросающъ взоръ назадъ презрѣнный!
И смерть, — щипающъ за мечы!
Плывушь — о диво! передъ ними
Вспревоженный Царьградъ сшощишь!
Блещишь онъ башнями своими,
И цѣпью скованный глядишь
На бѣдныя вокругъ жилища,
Гдѣ былъ пріютъ — оспался прахъ!
И ярко пали пепелища,
Вездѣ лешаль безмолвный страхъ!

Глядишь и руку простираешь,
Онъ алчеть мира, не войны;
Олеги свой ярый духъ смиряешь,
И прекращаешь бранны дни!
Но въ знакъ победы совершенной,
Повѣсилъ щипъ свой на врагахъ,
И Цареградъ гласить вселенной:
Олеги и Россы Грековъ страхъ! —
Шумите волны Борисѣна?
Шуми, о страшный Неясыть?
Твоя клубящая пѣна,
На камни падая гремишь:
Ревешь, кипишь, бушуешь, рвется,
Тамъ слышенъ грохошь, громъ и прескъ?
И влещей силою несешся
Рождая волнь ужасный плескъ!
Я пѣлъ, симъ громомъ пробужденный,
Героевъ славныя дѣла;
Невольно ими восхищенный,
Ушѣхой лира мнѣ была;
Она меня собой плѣняла:
Я древность позднюю чиналъ,
И муза робкая играла,
Когда я пѣснь сію писалъ! —

Николай Спелъниковъ.

С Ч А С Т І Е.

(Изъ Ламартина.)

Посв. Г. Г. К. К. му:

(Застольная пѣснь, подражаніе древнимъ.)

Счастливъ, кто вздѣляяъ богиней Цитеры,
Съ лѣтъ юныхъ вкушасяъ отрады любви,
И радостью взоры его пламеньютъ,
И скорбь не шуманишь румяныхъ ланишь!

*

Счастливъ, кто за чашей, Фалерномъ кипящей,
Въ привѣтливомъ кругѣ веселыхъ друзей;
Беспечно покоясь на дождь роскошномъ,
Всесильному Ваху хваленя поешъ!

*

Счастливъ, кто въ судилищѣ строгой Фемиды
Правдиво владѣеть въсамъ ея;
Какъ зла не подкупный и вѣчный карашель,
Добра же свяшаго заступникъ прямой!

*

Счастливъ, кто облекшись въ блестящія латы,
На полѣ Беллоны раскинетъ шатерьъ;
И мечъ бранноносный врага одолѣетъ
И лавромъ увѣщется пернатый шеломъ!

*

Счастливъ, кто спокойно съ долинъ плодоносныхъ
Сбираешъ Цереры благіе дары;
Кто въ хижинѣ мирной, хранимой Пенатомъ,
Проводитъ съ подругой безвѣстные дни!

*

Счастливъ, и завидѣль удѣлъ твой прекрасный,
И ты, Музъ питомецъ, безсмертный пѣвецъ!
Ты къ лирѣ — и славы вѣнокъ лучезарный
Зевесъ жизнедашель вручаетъ тебѣ! . .

И. Бороздна.

Москва. 1821 года

Декабря 17.

МЫСЛЬ.

О дружба! о любовь! дня каждаго съ разсвѣтомъ
Всѣмъ говорящъ о васъ, какъ о своихъ родныхъ;
Но съ вами встрѣтившись, спящую за чужихъ,
И все не знаемы вы свѣтомъ.

1. 3.

КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФА КУТАЙСОВА, УБИТАГО ВЪ БОРОДИНСКОМЪ СРАЖЕНИИ.

На гласъ отечества священный
Забывъ любовь, и палъ онъ за него.
И лавры, памятникъ его,
Слезой невѣсны орошены.

1. 3.

Молчаніе.

Пріятна для меня пустынная обитель,
Гдѣ царствуетъ покой;
Гдѣ съ вѣрою достигъ уединенный жительство
Средины золотой!
Пріятно для меня унылое молчанье,
Средь ночи, на гробахъ! —
Въ душѣ тогда живеть прекрасное мечтанье,
И не превозмощитъ страхъ!
Утѣшно для меня спокойствіе Природы —
Полночною порой,
Когда заснушь въ брегахъ задумчивыя воды
Подъ дымной пеленой! . . .
Но не пріятенъ мнѣ превозмощный и мятежный
Осенней бури свистъ,
Когда кипучій валъ захлещетъ пѣпой снѣжной,
И зашрепещетъ листь!
И безутишно мнѣ жестокое волненье
Привременныхъ суетъ: —
Онѣ и на гробахъ смущаютъ уединенье
Порывами злыхъ бѣдъ.

Д.м. Тимофеевъ.

Нижній-Новгородъ.

1825.

Конецъ 16-й Книжки.

Печатающе позволено: Августа 18-го дня, 1826 года.

Цензоръ А. Буруковъ.